

КОВЧЕГ ПЯТИ

Альменов Чингиз

16+

Чингиз Альменов

Ковчег Пяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65550396

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой охотник Антар столкнется с угрозой мирового масштаба, которая внесет хаос и разруху в его размеренную жизнь. После череды драматичных событий и потерь, судьба столкнет его с самыми разными испытаниями, преодолев которые, он вынужденно ввяжется в кровопролитную войну за все человечество. Спасти дорогих сердцу людей и не погибнуть в процессе ему помогут упорный труд и верные друзья, среди которых не самый опытный шаман и шайтан-вегетарианец. Разношерстной, но сплоченной команде предстоит пробиться сквозь мириады кровожадных монстров и запутанные политические интриги, чтобы объединить людей перед лицом устрашающего врага.

Чингиз Альменов

Ковчег Пяти

Пролог.

1.

Ближился рассвет. Солнечные лучи наливались прежней силой, живность буйствовала, деревья обрастали почками, ветер приятно охлаждал по утрам. Зима медленно, но верно, отступала. Сотник, по имени Ризан, более известный в своем отряде, как Резвый, сладко потянулся и вытащил из наплечного мешка подсохшую лепешку. Обильно смазав ее сметаной, солдат с аппетитом откусил большой кусок и мечтательно уставился в предрассветное небо. Новое назначение безусловно радовало его. Ни тебе войн, ни разборок с мятежниками, знай, сиди на стульчике, да делай морду посерьезней, чтобы редкий зевака не полез на охраняемый объект. По крайней мере, так было написано в указе. Да не простым указе, а подписанным рукой самого Великого кагана, чести выше, Ризан еще не удостоивался. Объект же, представлял собой необычный курган. Массивная сопка из черных камней, сохранившаяся из давно ушедших веков. Повышенная важность каменного кургана обуславливалась неким сакральным значением, возможно как-то связанным с магией, но Резвого это мало волновало. Все, что ему нужно было знать, это то, что он должен охранять эти камни от фа-

натиков, культистов, недоученных магиков и прочих отщепенцев, которые периодически тут собирались, чтобы устроить оргии и разгульные пьянки под луной. Резвый, бывало, в тайне от своих людей, раскрывал указ и любовался на витиеватую подпись на пергаменте, оставленную рукой самого кагана. Он чувствовал невероятный душевный подъем от осознания собственной значимости, каждый раз, когда смотрел на эту величественную закорючку. В свои неполные сорок лет, а уже сотник, да еще и каган отмечает личным указом, глядишь, скоро до тысячника поднимут, а там, кто знает, может в штаб возьмут. А жизнь у людей из штаба, ой как хороша. Тут тебе и отборная еда, и личный портной, и выделенная комната при любой казарме в каганате, хорошая скидка в лучших борделях, а о количестве золота и алкоголя, говорить даже не приходится. Сотник расплылся в широкой улыбке, рисуя в голове картины, одна смелее другой, как вдруг из сладких мыслей его отвлекла пухлая рука десятника Мики медленно вытаскивающая камень из западного основания кургана. Фантазии Резвого о прекрасном будущем разбились на тысячи ярких осколков.

– Мика, сучий ты сын! – взревел Резвый, вскакивая со стула, – ты куда, паскуда такая, свои лапы тянешь?!

Мика встрепенулся и отпрянул то кургана. Лишний вес, болтающаяся на одном ремешке бригантина и явное опьянение, помешали ему устоять на ногах, и десятник с грохотом упал, покотившись вниз с холма. Солдат проехался пу-

зом пару метров, встал, отряхнулся и уставился на командира слезящимися глазами.

– Мика, – тяжело дыша от гнева, произнес сотник, – ублюдочный ты жирный глист, ты чего это удумал? Отвечай!

Мика виновато посмотрел на Ризана и пожал плечами.

– Мы с парнями, значит... поспорили, – заплетающимся языком начал объяснять десятник.

– Вы, сукины дети, поспорили, значит. Кто достаточно смелый, чтобы стащить камень с объекта, доверенного мне самим каганом? Каганом, Мика! Ты хоть понимаешь, кто это и что от меня зависит! Какой это уровень ответственности! А ты... ты сучья твоя жирная морда...

Резвый начал задыхаться от возмущения, не в состоянии продолжить.

– Ну так это, парням стало скучно, командир, мы не думали, что ты узнаешь. Просто, мы тут уже три месяца торчим, ждем магика твоего, а его все нет.

– И осквернить священные камни, это лучшее, что пришло в эти помойки, что у вас вместо голов?!

Мика надул щеки, раскрыл глаза и понизил голос.

– Говорят, босс, что на камнях-то, черных этих, проклятие лежит. И что кто мол, кто осквернит его, тот джинна призывает. А джинн-то, сам знаешь, желания исполняет.

– Ты, тупица, оскверняешь меня, просто своим присутствием. Я прям чувствую, как тупею вместе с вами, стадо баранов.

– Бозо кончается, – тихо пробурчал Мика, не найдя лучшего оправдания. – Скоро все будут трезвые и грустные, как долго нам тут еще торчать?

– Ах, у них бухло кончается, твари такие, скучно им, значит, ну хорошо же, я вас сейчас развлеку. Ну-ка, пошел и быстро собрал остальных десятников. Я вас, псы затраханые, заставлю на корточках промаршировать двадцать кругов вокруг кургана. Вы у меня полюбите эти камни, как матерей своих. В полном доспехе, будете у меня бегать под солнышком! Пошел!

Свой приказ, сотник сопроводил мощным пинком под зад подчиненному. Мика, хоть и был в два раза тяжелее командира, удар почувствовал, и быстро побежал за холм, где расположился палаточный городок их отряда.

Резвый пыхтел и изображал всеми силами гнев, но в глубине души был согласен со своим десятником. Указ, хоть Ризан и считал его одним из величайших достижений в жизни, был довольно нелепым. Расквартировать целый батальон из сотни человек, у каких-то древних развалин, было странным и весьма расточительным решением. Особенно, учитывая редкие бунты и напряженную ситуацию на восточной границе каганата. Со дня на день, могла начаться новая Приграничная война, а в это время сотня бойцов прохлаждалась, обрастая жирком на запасах солдатского пайка, щедро выделенного штабом. Еды им с собой дали действительно много, о чем свидетельствовало лицо Мики, становившее-

еся шире с каждым днем. Качество стряпни, конечно, оставляло желать лучшего, в основном это была сухая солонина и черствые лепешки. А вот алкоголя было не в пример мало, и Резвый понимал, что сдерживать растущее солдатское недовольство без хмельного бозо станет скоро совсем невозможно. Стоять на страже в полной боевой готовности, пока не прибудет уполномоченный шаман. Таков был указ. И вот уже три месяца они ждут этого шамана, которого должен был направить штаб с дальнейшими указаниями. Без алкоголя они протянут еще неделю, может полторы, но вот без женщин, становилось уже совсем невмоготу. Конечно, была еще десятник Наварона, статная красавица с аппетитными формами, копной жгучих рыжих волос, собранных в солдатский короткий хвостик и пронзительными голубыми глазами. Мечта любого изголодавшегося по женскому теплу солдата. Однако под ангельской внешностью скрывался сущий дьявол. Десятник Наварона сумела прославиться по-настоящему садистскими наклонностями в отношении поверженных врагов. Встретив холодный скептицизм в призывных казармах, длинноногая красавица быстро развеяла любые сомнения относительно своей профпригодности, успешно отбив форт «Забава», в составе десятки Ризана. Рядовой Наварона лично одолела в бою на мечях шестерых солдат противника. Она перерезала сухожилия под коленами одним хлестким ударом, оставляя противников живыми и обездвиженными. Затем медленно, смакуя каждый момент, Наварона

срезала солдатам лица, вырезала языки, уши и глаза, специально затупленным для этих целей ножом. Вопли и крики, раздававшиеся в процессе, приводили в ужас каждого участника той битвы с обеих сторон. Когда она закончила с последним, оставшиеся противники, наблюдавшие за расправой через бойницы, безоговорочно сдались. Битва за форт «Забава» была выиграна с минимальными потерями, благодаря кровожадности и мастерству рыжеволосой красавицы. Ризана повысили до сотника за успешную операцию и Резвый, преисполненный благодарности, назначил Наварону десятником и своей правой рукой. Так быстро по карьерной лестнице еще не забирался никто в этой части света. Новопеченный десятник Наварона обзавелась собственным отрядом, быстро завоевав их беспрекословную верность и любовь всей Ризановской сотни. С тех пор никто из солдат даже и мысли не мог допустить, чтобы соблазнить очаровательную соратницу. Пройдя еще несколько битв, Наварона не изменяла своим садистским привычкам и продолжала линчевать врагов своим любимым способом, навсегда поселив страх в сердцах, как врагов, так и друзей. Поэтому в последние несколько дней солдаты все чаще стали смотреть в сторону крестьянских поселений, где было полно упитанных розовощеких крестьянок и их дочерей. Резвый понимал, что еще немного и его авторитета может не хватить, чтобы удержать сотню оголодавших вояк от разбойничьего налета со всеми вытекающими. Шаман должен был появиться и очень скоро,

иначе прольётся кровь, но, что хуже всего, он, Ризан, не сможет выполнить приказ, которым так дорожил. А пока что, парням не помешает немного растряситься на тренировке, где они смогут выпустить пар, да и бозо еще должно хватить им на пару дней. Успокоившись этой мыслью, сотник отправился к палаткам, попутно прочищая горло и вспоминая самые остроумные оскорбления в своем словарном запасе.

2.

Шаман все же успел. Он явился на третий день, после изнурительной назидательной пробежки всей сотни вокруг кургана. Тренировка далась людям Резвого довольно тяжело, сказывалось долгое безделье. Измотанные и трезвые, выпивка кончилась два дня назад, солдаты начали все хуже скрывать свое раздражение. Призывы напасть на близлежащее поселение крестьян становились все громче и чаще, а возражающее рывканье Ризана пользовалось меньшим весом с каждым часом.

Солнце клонилось к закату, сотник сидел на стульчике, хмуро пожевывая кусок солонины, и обдумывал положение. Люди в палаточном лагере начали разводить костры для готовки ужина, а значит, они снова собьются в кучки и начнут обсуждать его, их никудышного командира, который им ни расслабиться, ни повоевать не дает. Кто знает, какая дурость может прийти в их трезвые горячие головы, не охлажденные спасительным бозо. Ветки вяза, у которого расположился Резвый, зашуршали и сверху грациозно спрыгнула

Наварона в кожаном доспехе, который она специально попросила изготовить легким и плотно облегающим бедра. Не особенно функционально, но Ризан не возражал.

– Шамана не видно, Резвый, – бодро отрапортовала она, – осмотрела весь западный тракт до самого горизонта. Пусто, пара пятнистых кабанчиков, можем подстрелить потом на ужин.

– Вот, как. Спасибо, Наварона, – отозвался погрузневший Ризан.

Десятник шутливо ткнула командира кулаком в плечо и присела рядышком.

– Не кисни, босс. Парни тебя уважают, любят даже. Несмотря на то, что ты такой зануда. А, впрочем, ты знаешь, как можно быстро вернуть их расположение.

– Мы это обсуждали, Нава, этого не будет.

– Да брось, начальник, – вкрадчиво прошептала Наварона и посмотрела в глаза Резвому, – один быстрый налет. Мы даже убивать никого не будем, погремим мечами, поорем погромче, может спалим пару хат. Селяне сами нам своих баб отдадут. Мы им даже золотишка подкинем за беспокойство.

– Ты сама-то хоть в это веришь?

– Ну если будут сопротивляться, придется парочку разделать. Остальные не полезут, ты ведь знаешь, я умею убеждать.

– Нет и еще раз нет. Это поселение на землях Конгломерата, а у нас союз с королем Дитрасом, если ты забыла.

– Нейтралитет. Никак не союз. Ты же знаешь, эти крысы подпаливают наши деревни на границе временами. Почему бы нам не отплатить им тем же. И парни развлекутся и справедливость восстановим.

– Нава, это мирное крестьянское поселение. Коровы, пастбища, старики, женщины и дети, я сам рос в таком окружении. Я не смогу назвать себя мужчиной, если позволю вам, скотам, спалить это место, только из-за зуда в яйцах.

– Эти «скоты», Резвый, твой отряд, твоя семья. Сколько ты сам-то спалил подобных деревенок? А сколько баб по юности оприходовал в набегах. Или собираешься плести мне сказки, что ты не трогал овдовевших крестьянок. У-у, краснеешь, да, сотник? Уж я-то наслышана.

– Я всегда действовал, согласно приказу, Нава и ты это знаешь. И, вообще, почему я должен отчитываться перед тобой, соплячка. Марш на дерево, высматривать шамана. Не слезешь оттуда, пока он не появится.

– Сделаю, шеф, босс, командер. Как прикажете, – со смехом оттарабанила Наварона, – но знай, скоро нашим все это надоест. Они начнут действовать с тобой или без тебя. И всем было бы лучше, если бы ты дал свое согласие. Только так ты сохранишь авторитет. Не переживай за своих драгоценных сельчан, я срежу паре крестьянок их красные щечки, остальные сами с радостью раздвинут ноги.

– Ты законченная психопатка, Нава, и когда-нибудь мне это надоест. Уволю с позором и без выплат, – беззлобно про-

бормотал Ризан.

Нава послушно покивала, с трудом скрывая улыбку. И Резвый и она понимали, что угрозы были беспочвенны. Без Навароны боеспособность и ценность сотни Ризана упадет примерно в половину.

– Или быть может, напроситься на Дармский форпост? – задумчиво протянул сотник. – Повоевать с дэвами. Там, знаешь ли, жалование в четыре раза выше, чем здесь. За повышенный риск, как-говорится.

Наварона заметно побледнела, перспектива скрещивать клинки с дэвами ей совсем не нравилась. С одной стороны, она знала, что Ризан несерьезно, да и в целом слишком труслив, чтобы сойтись в бою с этими ужасными тварями. С другой стороны, сотник был очень жадным до денег и рвался укрепить свои позиции в штабе.

– Все, начальник, не злись, – пробормотала она, – лезу на дерево, оставлю тебя с твоими лепешками.

Наварона полезла наверх, пропустив мимо ушей едкие комментарии Ризана. Солнце почти скрылось за горизонтом, отбрасывая последние оранжевые лучи на долину, где располагалась сотня. Резвый удрученно смотрел на удлиняющиеся тени, прокручивая в голове возможные сценарии развития событий и пока что ни один ему не нравился.

Внезапно из мыслей его вырвал легкий хлопок. Воздух перед Ризаном задрожал и слегка искривился. Там, где только что ничего не было, образовалась быстро растущая черная

щель с рванными краями, из которой грузно вылез высокий мужчина в белом одеянии. Прилизанные седые волосы, легкое облако дорогого парфюма, модно остриженная бородка и свежее благородное лицо, по которому сложно было определить возраст, выдавали в прибывшем человека из столицы. Незнакомец щелкнул пальцами, и дыра в воздухе за его спиной испарилась. Ризан на секунду опешил, но быстро признав своего долгожданного гостя, встал и вытянулся по стойке смирно.

– Ваше сиятельство, верховный шаман Дарташ, это честь стоять рядом с Вами! – пролаял Резвый, – согласно приказу его владычества, Великого Кагана, с этого момента я и моя сотня переходим в Ваше полное распоряжение!

Шаман скривился и ленивым жестом руки оборвал сотника.

– Солдат, я не жду, что ты поймешь все тонкости странственного перемещения, но знай после портала у меня жутко болит голова, а ты орешь, как самка ревуна во время течки, – тихо произнес шаман, глядя Резвому прямо в глаза – А я терпеть не могу обезьян, улавливаешь?

Резвый быстро кивнул и выдал нервную улыбку. О скверном характере верховного шамана ходили легенды и Ризану совсем не хотелось подтверждать их правдивость на своей шкуре.

– Мы в вашем распоряжении, Ваше сиятельство, – шепотом повторил сотник.

Дарташ помассировал виски и растянул тонкие губы в кривой улыбке.

– Вот и славно. Проводи меня в мою палатку. Вы, я надеюсь, выделили мне одну. Также я рассчитываю на теплый ужин, можно без излишеств, но с хорошим куском мяса, порталы всегда мне давались нелегко, и я бы подкрепился. Далее, я бы хотел бокал достойного вина и... что за удивленное лицо, солдат, ты же не ждешь, что я все это себе наколдую, сам?

– Ну, я... вы все-таки верховный шаман, я думал..., – замылся Резвый.

– Если бы я так умел, Ризан, зачем мне были бы нужны вы, приматы бесполезные. Я жду все озвученное в самое ближайшее время или можешь считать себя отстраненным от службы.

Дарташ говорил спокойно, но в его голосе сквозило холодное пренебрежение. Резвый скрипнул зубами, но сделал улыбку еще шире.

– Конечно, Ваше сиятельство, Ваша палатка стоит с краю нашего лагеря, Вы ее узнаете, она самая большая и нарядная, пока проходите, мы все организуем!

С дерева неслышно спрыгнула Наварона и с любопытством уставилась на новоприбывшего. Дарташ заметил ее и неожиданно приветливо улыбнулся.

– А, знаменитая десятник Наварона. – задумчиво пробормотал шаман, – Рад, что Вы здесь.

– Ваше сиятельство, – с поклоном ответила Наварона.

Дарташ на несколько секунд впился в нее своими белесыми глазами, после чего молча кивнул и отправился к своей палатке.

– Надеюсь на Ваше полное содействие, – произнес шаман, не оборачиваясь.

Ризан и Наварона склонились в очередном поклоне и так и стояли, пока их гость не скрылся за холмом.

– Чего это он так пялился на меня, Резвый? – шепотом спросила Наварона.

– Не знаю, возможно ты ему приглянулась и ночью он пригласит тебя в свою палатку, – с усмешкой ответил сотник.

– Да ну. Этот-то, столичный? Еще и шаман. Такой не посмотрит на простого солдата.

– Ну ты же у нас «знаменитый десятник Наварона», – передразнил Ризан. – Шаманы может и возвышенные все такие фифы, но твои голубые глазки и ножки по нраву всем мужикам. Глядишь, может и соблазнишь большую шишку, заберет тебя в столицу, заживешь, как принцесса.

– Я? Принцесса, – прыснула Наварона, – Скажешь тоже. Там же культура, столовый, мать его, этикет, платюшки, значится, балы. А я-вилку-то в руках не держала, одним ножом мясо с косули срезаю, им же брею себе причинное место.

– Избавь меня от подробностей, – скривился Ризан, – пошли нашего гостя устраивать. Быстро с этим закончим и в заслуженный отпуск. Заглянем в тот речной городок Орта у

восточной заставы. Выпью все бозо в «Пышных розах», перетрахую всех баб и можно домой на пару недель. По жене соскучился.

Ризан сложил свой стульчик, накиннул мешок с лепешками на плечи и отправился к лагерю. Наварона задумчиво шла за ним.

– Слушай, Резвый, – медленно спросила Наварона.

– Ну.

– А если шаман-то реально начнет руки распускать. Ты же знаешь, как я на это реагирую. Вдруг до драки дело дойдет, ты меня защитишь?

– На кой я тебе сдался, – рассмеялся Ризан, – ты гораздо лучший боец, чем я. Справишься с похотливым стариком сама.

– Да ну. Правда, что ли? А если серьезно, шаманы, они сильные? Этот вот Дашмаш, или как его там, он как вообще? На вид просто высокомерный дедан.

– Если серьезно, – Резвый драматично выдержал паузу, – убить верховного шамана не получится, даже скоординированной атакой всей нашей сотни. Это боги среди смертных.

Наварона тихо присвистнула. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, уступив звездам небесный трон.

3.

Утро выдалось хмурым. Сотня Ризана в полном вооружении выстроилась в пять шеренг по двадцать человек. Настро-

ение у всех было отличное, несмотря на серое небо и хлесткие холодные капли, стучащие по забралам. Мелкий дождь, начавшийся на заре, постепенно усиливался, смывая пыль с доспехов. Верховный шаман Дарташ угрюмо сидел в раскладном стульчике, задумчиво попыхивая трубкой. Дым, тягуче вытекающий из трубки, магическим образом формировался в подобие зонтика над его головой и не пропускал ни единой капли. Вид прибывшего, пусть и с сильным опозданием, гостя, вызывал в солдатах искреннее чувство радости и покоя. Нет более изматывающего занятия, чем безделье, и оно, наконец-то, подходило к концу. Накануне построения Дарташ скупо поприветствовал отряд Резвого и озвучил, что их задание подойдет к концу уже сегодня, а завтра они смогут отправиться на расформирование на целый месяц. При чем жалование каждый солдат получит не за три месяца, а за целый год, таким образом он, Дарташ, хотел бы компенсировать столь долгое ожидание. Такие новости пришлись по душе всей сотне, сначала холодно встретившей шамана. На эти деньги, можно было бы всем отрядом снимать столичные таверны и бордели целую неделю, а после еще неделю лечиться от похмелья в лучших санаториях, и деньги бы еще остались. Перспектива скорого месячного отгула с карманами полных денег, как никогда согревала. Теперь, какой бы не был приказ шамана, каждый солдат в отряде готов был выполнить его с рвением.

Дарташ пыхнул трубкой, выдав большой клуб дыма и

встал. Дым окутал его, приняв форму походной накидки, не позволяя намокнуть его модной белоснежной мантии. Позади него в полном доспехе вышагивал Ризан, с гордой улыбкой смотрящий на своих солдат. Пусть в обычное время, они и были похожи на свору небритых варваров, но будучи в снаряжении и состоянии боеготовности, его солдаты не могли не вызвать трепета в душе. Черные, светопоглощающие ламеллярные доспехи, украшенные фамильным гербом кагана с парящим орлом на фоне цветущего леса. Вороненные пластины из облегченной стали, сшитые жилами буйвола, были крайне дорогим удовольствием. После взятия форта «Забава», Ризан заслужил определенное уважение в столице, что позволило ему выбить самое качественное снаряжение для своих подчиненных. Теперь, скрыв свои невымытые лица, за стильными забралами черных купольных шлемов, с тяжелыми копьями на перевес и палашами на боку, сотня Ризана выглядела поистине внушительно и угрожающе. Даже грузный Мика, в громоздкой бригантине и с бердышом в руках, теперь походил на опасного вояку. Во главе авангарда, несколько расслабленно стояла Наварона в своем черном облегающем доспехе, который сильно контрастировал с тяжелым вооружением ее соратников. Защиту для головы она игнорировать все же не стала и нацепила легкую капеллину, из-под которой сумбурно торчала копна ее огненно-рыжих волос.

– Отряд! – рявкнул Ризан, – Поприветствуем верховного

шамана Дарташа боевым кличем!

Сто бойцов в один миг разразились дикими криками и улюлюканьем, прежде чем шаман успел возразить.

– Формальности, Ваше святейшество, это объединяет людей и задает правильный настрой перед битвой, – виновато прошептал сотник, видя, как брови шамана ползут к переносице.

– Вольно, солдаты, – прервав галдеж, медленно произнес шаман. – Я рад вашему энтузиазму. Нам всем предстоит нелегкая работа сегодня, но я уверен, что лучший отряд каганата, который мне выпала честь возглавить сегодня, справится с этим!

Лестные слова обычно молчаливого и мрачного шамана вызвали новую волну одобрительных криков.

– Сегодня, я обращусь к вам не с приказом, но с просьбой, друзья, – еще более мягко продолжил шаман, – сегодня вы поможете мне закончить исследования, которым я посвятил всю свою жизнь. Это, пожалуй, самый важный момент для меня за последние двести сорок лет, с тех пор, как я юнцом принял сан шамана. И я рад буду разделить этот момент вместе с вами!

В этот раз отряд отреагировал менее бурно. Среди солдат послышалось тихое роптание. Серьезных военных операций не было уже целый год. Их миссии в последнее время сводились к разгону пьяных наемников и умерщвлению особо ретивых из них. Обычная показательная рутина, в общем. А

теперь же чуть ли не второе лицо по значимости в каганате, верховный шаман, готовил их к самому важному заданию в их жизни. Многие солдаты в отряде подозревали, что, имея дело с человеком такого уровня, не получится отвертеться, просто погремев оружием, все понимали, что предстоящая миссия, вероятно потребует максимальных усилий, а так и помереть можно в процессе.

Видя возникшее замешательство, Дарташ примирительно поднял руки и широко улыбнулся.

– Друзья! Нет повода для беспокойства. Уверю вас, все пройдет быстро и без осложнений.

Шаман что-то пробурчал под нос и сделал несколько сложных взмахов руками. В воздухе возникло уже знакомое Ризану дребезжание и пространство раскололось надвое. Из образовавшейся щели выехала небольшая двухъярусная повозка, груженная десятками бутылок из темного стекла без этикеток. Дарташ ловко подхватил одну бутылку, вытащил пробку и сделал большой глоток. По полю разнесся манящий аромат черники.

– Черничный эль, двухлетней выдержки. Угощайся, отряд, тут двести бутылок. И чтобы потом не говорили, что я варвар бездушный, – произнес Дарташ, облизывая губы.

Шаман посмотрел на опешившего сотника и поднял одну бровь. Резвый от неожиданности не сразу среагировал и кивнул в ответ. Возможно, подумал Ризан, верховный шаман Дарташ неоправданно имел репутацию угрюмого мизантро-

па и в целом был неплохим человеком.

– Да, конечно, – пробормотал сотник, – налетайте, парни, его святейшество угощает, не стесняйтесь.

Никого уговаривать не пришлось. Порядком соскучившись по хорошему алкоголю, солдаты мгновенно разобрали бутылки. Не договариваясь, каждый взял по две штуки, не создавая толкучки у маленькой тележки. Такой слаженности действий в отряде, Резвый еще не видел.

– Только не налегать! По глотку каждый и обратно в строй, нам предстоит работа. Лучше бы воевали так же, как бухать умеете, алкаши затраханые, – ворчал Резвый.

– Ты не будешь пить, сотник? – спросил Дарташ.

Ризан натянуто улыбнулся и покачал головой.

– Не могу себе позволить при исполнении, Ваше сиятельство. Я все же их командир. После задания, обязательно попробую Ваш чудный эль.

Наварона с гиканьем ворвалась в очередь к повозке, пинками откинула солдат и схватила себе три бутылки.

– Расступились, черти, это все мое. – хохотала Нава, – Все равно пить ни пить, ни драться не умеете, на вас жалко такое пойло тратить.

Дарташ неслышно материализовался возле Навароны и нежно взял ее под руку.

– Напиток крепкий, десятник Наварона, – мягко произнес у ее уха шаман, – я бы очень хотел, чтобы Вы оставались в трезвом рассудке, у меня на Вас особые планы.

Наварона запнулась на полуслове и сильно покраснела. Она посмотрела взглядом, полным помощи на Ризана и тот кивнул.

– Его святейшество прав, Нава, положи бутылки. Ты у нас самый сильный боец, тебе нельзя сейчас пить.

Шаман отпустил руку Навароны, криво улыбнулся ей и неспешно направился в сторону кургана.

– Особые планы, нет ты слышал, – задыхаясь от возмущения, прошептала Наварона, – старый хрен точно хочет меня. Зубы мне щерит на глазах у всего отряда. Сделай что-нибудь с этим, Резвый, так не пойдет.

– Не переживай, – отрезал сотник, – ничего он к тебе не катит. Если бы хотел затащить тебя к себе в палатку, наоборот бы спойл. Включи мозги, мужику уже за двести сорок лет. У него там внизу ничего не работает уже, поди.

Девушку убедил этот факт. Она немного успокоилась и смиренно отпустила бутылки.

– А теперь попрошу встать вокруг кургана! – бодро крикнул Дарташ, стоя возле черных камней, – Знаю, он всем вам уже надоел, но обещаю, это последний раз, когда вы его увидите. Приступаем!

Шаман хлопнул в ладоши и кивнул Ризану.

– Вы слышали верховного, выполнять! – рявкнул Резвый, – Лунная формация вокруг сопки. Мика, возглавишь левый полумесяц, Умар, пойдешь с ним, Наварона по правой стороне. У вас шесть минут, пошли, пошли, пошли!

Наварона едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Ризан всегда устраивал показуху даже из обычного построения. Солдаты, которые действительно успели сделать лишь по паре глотков, разочарованно закрыли бутылки и быстрым шагом выстроили нужную формацию всего за четыре минуты. Отряд образовал почти идеально ровный круг в три ряда вокруг горы черных камней. Повисла тишина, нарушаемая только шаманом, который фальшиво напевал непонятную песенку себе под нос. Его настроение заметно улучшилось за последние полчаса.

– Ну и что дальше, – шепнул Умар, плечистый, низкий копыеносец в ухо Мике. – Чего встали-то.

– Дальше он будет танцевать, – со знанием дела ответил пухлый десятник. – Шаманы, значит, все свои магические дела делают при помощи танца. Уж я-то знаю.

– Значит, сейчас старик будет корячиться и дождик вызывать на камушки, – прыснул Умар, вызвав тихий смех у соседей.

– Танцевать я не буду, – проявил невероятную чуткость слуха Дарташ, – Шаман моего класса может, как ты выразился, не корячиться, каждый раз, когда занят ворожбой. Кроме, пожалуй, действительно сложных заклинаний.

Мика и его солдаты побелели, как пергамент. Оскорбление верховного шамана часто заканчивалось пытками и смертью. В лучшем случае.

– Все приготовления я уже произвел задолго до вашего

прибытия сюда, можете не переживать. Для ритуала мне потребуется лишь один последний ингредиент, – весело, как ни в чем не бывало, продолжил шаман, – поверьте, приготовления у меня заняли ни много не мало, восемьдесят лет. Восемь десятилетий я искал все черные монолиты, вы хоть представляете, какой это титанический труд?

Резвый сочувственно покивал, старательно делая вид, что все понял.

– Шестьдесят тысяч камней, половину из которых паршивые макаки разобрали на сувениры. Я собирал их по всем континентам, выкапывал из выгребных ям, доставал с морского дна и с высочайших горных вершин. Некоторые люди умудрялись даже засовывать монолиты себе в задницы, упаси Ибраил их раскисшие мозги. Потеря даже одного камня была бы недопустима. Тот, кто строил Ковчег, прекрасно знал свое дело. Достаточно сделать заградительную печать из блестящих черных камушков, и проклятые людишки растащат их по своим карманам, сделав невозможным его вскрытие.

Резвый несколько иначе взглянул на несуразную кучу черных булыжников. Его внезапно бросило в пот. Он задался вопросом, зачем кому-то понадобилось так заморачиваться с этими камнями. От всей этой истории становилось не по себе.

– И вот, когда я почти закончил укладывать камни в правильном порядке и насыщать их своей магией, какие-то дети

начали ходить сюда и устраивать пьяные непотребства. Везде бутылки, мусор, девки полуголые. Пришлось прибраться. Проклятые мерзопакостные животные, вся мантия провоняла их поганой кровью, вынужден был заказывать новую. Но ничего, осталось немного, печать будет сломана уже сегодня.

Ризан понял, что услышал лишнего и поспешил увести разговор в другое русло.

– Как чудно, что сегодня Вы закончите ритуал. Значит, нам нужно просто стоять, я Вас правильно понимаю, ваше святейшество? – осторожно спросил сотник.

– Верно, Ризан, просто стоять. То, чем, вы солдатское отребье, занимаетесь половину своей убогой жизни, когда не сжигаете деревни и не насилуете женщин. Уверен, вы с этим чудесно справитесь.

Резвый промолчал. Глядя на кривую улыбку шамана на душе становилось беспокойно. Дождь постепенно перерастал в ливень, резко снизив температуру воздуха. Почва у кургана напиталась влагой и теперь холодными вязкими ручейками вползала солдатам в сапоги, заставляя их переминаясь. Люди Ризана начали шмыгать носами и переглядываться. Такого странного задания у них еще не было.

– И все же, Ваше святейшество, – прошептал сотник, спустя еще пять томительных минут молчания, – немного деталей предстоящей операции не помешали бы. В чем заключается наша миссия? Вы настояли, на полном обмундировании и вооружении, значит нам предстоит битва? Но с кем, здесь

никого кроме нас нет.

Шаман презрительно приподнял верхнюю губу и злобно блеснул глазами на сотника, но почти сразу вернул на лицо свою фальшивую улыбку.

– Видишь, ли – протянул с неохотой шаман, – ты когда-нибудь испытывал голод? Я имею в виду, настоящий голод, такой, когда готов даже съесть собственную ногу.

– Нет, Ваше сиятельство, не думаю.

– А вот она... она будет голодна. Она всегда голодна. И тем менее, просто связать вас и отдать, как баранов на съедение, для нее было бы неинтересно. Она любит вызов. Предпочитает, когда у жертвы есть шанс, возможность защититься. Хотя, у вас, конечно же, никаких шансов нет.

– Она? – нахмурился сотник. – Баранов? Я не совсем понимаю. Какие шансы?

– Вот-вот, и я о том же. Зачем давать шансы. По мне так, она просто играет с едой.

Ризан сморщил лоб еще сильнее, став похожим на доску для стирки белья. Сотник внимательно посмотрел на шамана, совершенно не в силах понять, о чем тот говорит, но встретился лишь с выражением холодного равнодушия на лице.

– Я, наверное, сильно понравился тебе, Ризан? Чего ты так уставился на меня?

– Я просто не до конца понял, – промямлил Ризан, – зачем мы здесь? Зачем мы охраняем кучу каких-то камней?

– Каких-то камней?! Послушайте только! Эта каменная куча, как ты выразился, легендарный Ковчег! Ты знаешь легенду о Ковчеге?

– Ковчег?! – поперхнулся сотник. – Тот самый Ковчег? Вот это?!

– Верно. Тот самый Ковчег. И мы его не охраняем, солдат. Мы его открываем, – спокойным тоном ответил шаман.

– Открываем?! Ковчег?!

Ризан расширил глаза от ужаса и на секунду у него перехватило дыхание. Сотник начал раскрывать рот, словно амур, выброшенный на берег, но почти сразу громко рассмеялся.

– Простите, Ваше сиятельство, я на секунду подумал, что Вы серьезно. Хорошая шутка. Нет, правда, зачем мы здесь.

Дарташ посмотрел сотнику прямо в глаза и его белесые глаза, казалось, заполнили расплавленным металлом саму душу бедного солдата.

– Мы здесь. Чтобы открыть. Ковчег. – Отчеканил шаман.

– Но-но, ведь... это же измена, – промямлил солдат. – То есть, это же шутка, да? Даже если бы Ковчег существовал, попытка его открытия карается смертью. В указе первого Кагана так сказано.

Теперь Дарташ удивленно посмотрел на сотника и громко рассмеялся. Его смех был похож одновременно на свист чугунного чайника и бляение старого козла.

– Что я вижу! Критическое мышление от солдата! Что ты

вообще забыл в армии с таким любознательным мозгом, сотник? Значит так, Резвый, если ты развернешь свою драгоценную бумажку, ты увидишь приказ о подчинении с подписью и оттиском кагана на дворцовом пергаменте, верно?

– Так точно, Ваше святейшество.

– А значит ты и твои обезьяны обязаны слушаться меня абсолютно во всем. Беспрекословно. И если я вдруг захочу, чтобы вы испражнились в свои модные шлемы, а потом их надели на себя, именно так вы и поступите! Это ясно?! – срываясь на тонкий крик спросил шаман.

– Так точно, Ваше святейшество.

– Славно. Итак, который час, сотник?

Сотник прищурился и взглянул на солнце.

– Около полудня, – ответил он.

– Отлично, почти готово. Остался последний штрих. Теперь мне стоит отойти, чтобы не запачкать мантию.

Шаман сделал два шага назад, заботливо приглаживая складки на своей белоснежной мантии. Ризан проводил его непонимающим взглядом. Внезапно все солдаты в первом ряду одновременно выронили из рук копья и схватились за животы. Через секунду тоже самое стали делать все остальные отряды. Солдаты Ризана с постаныванием согнулись пополам, кто-то упал на колени. Отовсюду начали раздаваться крики боли и возгласы недоумения, Мика попытался что-то произнести, но вместо этого забулькал и исторг из рта мощную струю крови, окропив камни. Пухлый десятник закатил

глаза и грузно рухнул на землю.

– Мика! – взревел Ризан.

– А вот и последний штрих. Толстяк хлебнул лишнего, ну, ничего, остальные ослаблены, но вроде пока живы. В принципе, нормально, – будничным тоном прокомментировал шаман.

Догадка гвоздем впиалась в мозг Ризана. Он выхватил поясной кинжал и приставил к горлу Дарташа.

– Ты... Ты..., – прохрипел сотник

– Надо же, какая реакция, – осклабился шаман, – а мне говорили, что ты трус и тугодум. Молодец, хвалю.

– Что ты... что было в бутылках?

– Разбавленный экстракт валана, волчья ягода, серная кислота и синий бадьян, – честно ответил шаман, – дьявольское пойло.

Еще несколько солдат начали блевать, обильно поливая черные камни кровью и остатками завтрака. Ризан дикими глазами смотрел за этим, не в силах поверить в происходящее.

– Сотник Ризан, что вы себе позволяете! – внезапно строго произнес Дарташ. – Вы хоть представляете, к чьему горлу приставили нож к горлу. Это полное нарушение субординации!

Ризан часто заморгал и на секунду ослабил хват кинжала. Дарташ ловким ударом ладони выбил кинжал из рук сотника и расхохотался.

– Нет, Вы посмотрите на эту вышколенную обезьяну. Вам солдафонам и правда промывают мозги. А если авторитетное лицо прикажет тебе умереть, ты так и сделаешь? Что ж, мой следующий приказ, солдат, умри, умри же во имя моей великой цели!

Горло Дарташа пробило лезвие палаша сзади, но не встретило сопротивления и прошло насквозь. За лезвием, сквозь шамана, пролетела Наварона, чертыхнулась и упала на землю.

– Какого черта! Я же попала! – выругалась Нава.

– Это проекция, дорогая, я же не идиот, вживую языками с вами тут чесать, – холодно произнес шаман. – Она уже скоро появится, не хотелось бы попасть под раздачу.

Резвый ахнул, только сейчас заметив, что тело шамана немного прозрачное и пропускает солнечный свет. Проекция Дарташа одарила его очередной кривой улыбкой и растворилась в воздухе.

– Проекция не отобьет кинжал рукой! Он еще рядом. Этот старый черт еще здесь. Резвый! Отдай приказ, очнись идиот! – закричала Наварона, начав махать палашом вокруг себя.

Звонкий голос десятника вырвал Ризана из оцепенения. Он тряхнул головой, быстро собрав в кучу все, что произошло за последние две минуты.

– Отряд! – рявкнул сотник, – Арестовать шамана за измену. Бейте наперняка, бейте насмерть. Разбираться будем по-

том. Выполнять!

Солдаты зашевелились и начали вставать с колен. Боль, скрутившая их животы начала потихоньку ослабевать, а разум проясняться. Люди Ризана похватали выпавшие из рук копья и бердыши и заново начали формировать строй.

– Рассредоточиться! – ревела Наварона. – Шаман прячется, общите каждый камень, принести мне его скальп!

– Потрясающе. Умная девочка, – произнес незримый голос над полем. – Сильное тело, ясный ум, стойкий характер. Ты выживешь. Ты выдержишь. Идеальный сосуд.

– Вы слышали?! Он еще здесь! Шевелитесь!

Наварона не договорила, мощный грохот прямо из недр земли сотряс все плато, снова подкосив ноги ослабевшим солдатам. Кровь, вытекшая на камни, зашипела и начала бурлить, испуская зловонный дым. «Карракх!» – раздалось из-под земли и сильный толчок вновь расшатал поверхность кургана. Черные камни, подброшенные невидимой силой, разлетелись по сторонам, сбивая солдат с ног. Один из таких камней пролетел в сантиметре от лица Навароны и пробил череп солдата, стоящего позади нее, его голова лопнула, словно переспелый арбуз.

– А, вот и наша гостя! – продолжал возбужденно вещать из пустоты Дарташ.

Курган затрещал и начал осыпаться камнями, острые черные осколки продолжали вылетать из него с огромной скоростью. Солдаты побросали оружие и бросились прочь от на-

сыпи.

– Куда, трусы! Держать строй! – крикнул шаман, – Дайте ей бой, которого она так жаждет.

Из образовавшихся щелей кургана повалил густой черный дым, быстро обволакивая плато. Резвый закашлялся и упал на колени. Дым имел отвратительный удушающий запах, запах спекшейся крови, разлагающейся плоти, мочи и фекалий, запах самой смерти. У сотника слезились глаза и закладывало уши от непрекращающегося грохота. Слева от него упал еще один солдат, пронзенный насквозь острым черным камнем. Хваленная вороненная сталь сминалась, словно бумага под градом камней. Где-то в глубине, под пеленой шока и страха, Ризан пообещал себе, как следует вздрючить столичного кузнеца, который впихнул ему этот хлам.

– Не затягивай с рождением, дорогая, – взволнованно пробормотал невидимый шаман, – Еще немного и монолиты перебьют все твои игрушки. Уклоняйтесь, черт бы вас побрал. И это элитный отряд? Пожалуй, отравленный эль был лишним.

Черный густой дым, беспорядочным облаком метавшийся по плато, внезапно поменял курс и начал скручиваться в спираль вокруг Навароны.

– Что происходит, – прохрипела в ужасе десятник.

– Нава! Беги оттуда, беги ко мне, – закричал Резвый и тут же согнулся в диком кашле.

Черный дым резко ускорил движение и ворвался в Нава-

рону, вливаясь в расширенные от ужаса глаза, уши, ноздри и рот, неумолимым потоком. Нава попыталась закричать, но все легкие забились тягучим дымом, выбивая из нее остатки кислорода. Боль миллионами острых клиньев впилась в каждый миллиметр ее тела, кости трещали, ломались и заново срастались, волосы начали расти с бешеной скоростью, грудная клетка прогнулась, раскрошив все ребра в мелкую пыль, кровь остановила свой поток. Черный дым продолжал вливаться в десятника, подняв ее обмякшее тело над землей на два метра. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем нескончаемый поток дыма начал редеть, и последняя тонкая струйка влилась в нос Навароны. Нава вздохнула раздробленными легкими и исторгла истошный, наполненный болью, вопль, после чего обмякла и рухнула на землю со смачным шлепком. Грохот успокоился, курган перестал изрыгать черные камни и недвижно застыл. Пыль начала оседать, солдаты со стоном стали подниматься. Всего осталось на ногах примерно половина от всей сотни. Ризан разлепил веки и медленно сел на колени. Вопли раненых и призывы о помощи разносились по всему полю, осколки многих искалечили, кто-то лишился конечности, кто-то глаза, остальные погибли. Резвый взглядом отыскал Наварону. Она лежала лицом вниз, в луже собственной крови, укрытая ярким ворохом своих разросшихся в человеческий рост волос. Десятник Наварона без сомнения была мертва. Резвый закрыл глаза и провел ладонью по лицу. В голове роились десятки во-

просов, боль тисками сдавливала грудь, боевой настрой испарился. Желание выжить было единственной мыслью, которая пульсировала сейчас в его голове. Он посмотрел на выживших солдат, покорёженные, окровавленные, ослабленные, сейчас они точно были не в состоянии выполнять боевые задачи и тем более противостоять шаману.

– Отряд, – прохрипел Резвый, – слушай мою команду. Собрать раненных, мы отступаем.

Солдаты подчинились и стали собирать снаряжение. Состояние шока им было не в новинку, но с таким они сталкивались впервые.

– Ворожба, чертова ворожба, ублюдские магики. Это что ж было-то... Мику нашего, суки.... Это ж как это..., – бормотал Умар, поднимая свое копьё с земли.

– Не тормозить! Быстрее, оставьте оружие, забрать тех, кто может идти, остальных на носилки. Умар, оставь Мику, ему уже не помочь.

– Командир, что делать с Навароной?

– Оставь тоже, она скорее всего..., – сотник осекся.

Наварона стояла в полный рост, широко раскрыв глаза и растопырив пальцы на руках. Ее рот был приоткрыт, на губах застыла, начавшая сворачиваться кровь. Ее доспех был разорван в клочья, под оголившейся грудью торчал кусок ребра, пробивший кожу, однако кровь не шла.

– Нава, ты в жива? – робко спросил подошедший к ней Умар.

Солдат приобнял искалеченную соратницу и осторожно взял под плечо.

– Давай, подруга, надо убираться отсюда, – заботливо произнес он.

– Нет! Назад! Отойди от нее! – завопил, почувявший неладное, Ризан.

Наварона резко дернула головой в сторону Умара и вырвала зубами солидный кусок плоти из его шеи. Ризан успел заметить несколько длинных острых клыков, блеснувших на солнце.

– Приятного аппетита, дорогая, – раздался в пустоте голос шамана, – а мне пора. И, пожалуйста, не злись, что еды так мало, клянусь Имраилом, сделал, все что мог. Каган нынче совсем не слушает свое окружение и выделил мне жалкую сотню.

Последние слова Дарташа растворились где-то вдалеке. Умар схватился за то, что осталось от его шеи, издал булькающий хрип и упал, истекая кровью. Резвый судорожно выхватил меч из-за пояса и выставил острием в сторону жующей Навароны. В ее голубых глазах застыло мертвое равнодушие ко всему происходящему, с губ багровым ручьем текла кровь и свисала яремная вена бедного Умара.

– Что за дьявольщина, Нава! Что ты такое творишь! – сдавленно крикнул сотник.

Нава сплюнула кусок непрожеванного мяса и ловко увернулась от брошенного в нее сзади топора. Солдат, метнув-

ший в нее топор выдохнул. Наварона с невероятной скоростью прыгнула к нему, покрыв расстояние в десять метров за два шага.

– Что... – успел произнести солдат, прежде чем Нава снесла ему голову одним ударом ладони. Наварона высоко издала крик радости и подставила лицо хлынувшему из раны фонтану крови. Десятник хохотала и прыгала, как маленькое дитя под дождем, потрясая головой убитого солдата, и ловила капли языком. Кровь быстро пропитала ее длинные волосы, которые теперь склизкими патлами волочились за ней по земле.

– Арбалеты! – в отчаянии крикнул Резвый, – Заряжай! Огонь, огонь, валите ее!

В Наварону полетели болты, от которых она увернулась, изогнув свое тело под невозможными углами. Еще не пришедшие в себя солдаты, начали судорожно перезаряжать поясные арбалеты, но слишком медленно. Наварона рыжей молнией пронеслась по полю и голыми руками оторвала головы еще десятку солдат. В голову каждого убитого она впибалась своими клыками и смаковала пару секунд, прежде чем бесцеремонно выкинуть на землю.

– Чудовищно, – прошептал сотник, наблюдая за расправой над своими подчиненными. – Чудовищно...

Наварона истребила остатки солдат за две неполных минуты, скорость ее передвижения нарушала все представления Ризана о возможностях человеческого тела. Сотник, не

в силах двинуться, смотрел, как его десятник добывает раненных, вырывает им сердца и пирует на их трупах. Крики и мольбы о помощи быстро стихли. Наварона не оставила в живых никого, кроме своего командира. Резвый, скованный шоком и ужасом, так и стоял на одном колене, вжимая пальцы в рукоять меча. Наварона причмокнула и оторвалась от шеи убитого солдата. Она тихо отрыгнула, галантно прикрыв рот ручкой и вонзилась взглядом в сотника. Задумчиво поелозив глазами по трясущемуся командиру, она улыбнулась, обнажив длиннющие клыки и бросила в его сторону чью-то окровавленную руку.

– Резвый, а Резвый. – скрипуче произнесла Наварона. Ее голос походил на две трущиеся друг об друга ветки. – Покажи, как умеешь бегать, не зря же такое прозвище тебе дали.

И Резвый побежал. Побежал так, как не бегал никогда. Он отталкивал пятками землю с силой, на которую никогда не подумал, что способен. Ни тяжелый доспех, ни боль в груди не замедляли его шаг. Ризан бежал, все его естество было предано бегу, он сам был бегом, он сам был ветром. Но недостаточно быстрым. Ризан успел пробежать двадцать метров, прежде чем Наварона настигла его. Мелькнули клыки, на сотника обрушилась тьма.

Глава 1. Антар.

Птицы с криком вспорхнули над ветками мертвого дерева. Лунный свет, на мгновение запестривший их маленькими крылатыми тенями, выхватил из темноты идущего в чаще

человека. На нем была лоскутная одежда, грубо, но надежно сшитая бечевкой и серая накидка с капюшоном, делавшая его неразличимым на мерзлой земле. Изящный резной лук, туго забитый стрелами колчан, наборы силков, длинный разделочный нож и легкая походная сумка внушительным багажом висели на спине, но, казалось нисколько не замедляли бодрый шаг путника. Стояла мертвая тишина, только редкие капли недавно прошедшего дождя дробно стучали по мясистым листьям звездоплодника. Пар обильно вырывался из приоткрытых губ, несмотря на давно растаявший снег, зима в этом году уходила неспешно, ее морозная хватка еще крепко держала леса в своих скрипучих когтях. Черничный лес грузно нависал сотнями тысяч веток над посеребренной луной поляной, лесной массив из сотен тысяч деревьев окружал путника со всех сторон, скрывая горизонт за разномастным лиственным покровом гигантского багрянника и шершавых вязов. Путник неспешно подошел к высокому дереву, потянулся и сладко зевнул. Он стянул с себя свою сумку и небрежно бросил на землю, из нее выкатилась небольшая походная кастрюля, кусок солонины и пара черных шариков. Человек посмотрел на образовавшийся бардак, махнул рукой и присел, прислонившись спиной к дереву. Он опустил капюшон на глаза и через несколько секунд захрапел. Луна скрылась за дождевым облаком, погрузив лесную опушку в почти непроглядную темноту. В кроне дерева, над головой путника неслышно зашумела листва и

загорелись два красных огонька. Они медленно приближались, пока из листвы не показалась крупная орлиная голова с мощным клювом. Потом вылезли руки, похожие на человеческие, увенчанные длинными когтями, перерастающие в крылья, которыми тварь цеплялась за ствол дерева. Птицеподобный монстр подкрадывался к путнику, практически бесшумно, шум когтей, скребущих по коре дерева скрывал поющий в листве ветер. Существо было уже в метре от путника, раскрыв длинный клюв, как вдруг шарики, лежавшие на земле, разорвались и выпустили град тонких игл по всему стволу дерева, просвистев аккуратно над головой путника. Сотни маленьких лезвий вонзились в тело монстра, ночную тишину разорвал страшный вопль, походивший на вой тысячи свиней на забое. Монстр грузно рухнул со ствола, прямо перед несостоявшейся жертвой. Человек спокойно встал, вытащил из кобуры увесистый нож и ловко метнул в трепыхающуюся тварь. Клинок вошел в пернатую тушу чисто, по самую рукоять и монстр почти сразу перестал бить крыльями по земле. Все действие заняло считанные секунды. Путник вытащил из-за пазухи небольшой жезл и одним движением разложил его в подобие копья. Затем, не оборачиваясь, быстро сделал кувырок вперед, как раз вовремя, чтобы увернуться от когтистых лап второго монстра, который бесшумно вылетел с кроны соседнего дерева. Пернатая тварь промахнулась и попала в большой валун, вонзившись в него когтями. Новый монстр был почти в два раза крупнее предыду-

щего и имел размах когтистых крыльев почти в восемь метров. Тварь издала ужасающий вопль, но не смогла снова ринуться на свою жертву, прочно застряв в камне. Путник, не спеша выцелил сердце на груди чудовища и сделал мощный бросок. Копье насквозь пробило тварь и пригвоздило ее к валуну. Как и в первом случае, смерть наступила мгновенно, и огромный монстр недвижно сник на камне. Человек облегченно вздохнул и наклонился за сумкой. Внезапно позади раздался зашумел куст черники и из него вылетел третий монстр, в разы меньше предыдущих. Он цеплялся когтями за землю, будучи еще не в состоянии летать. Увидев, поверженных чудовищ, детеныш жалобно запищал. Путник молниеносно скинул с плеча лук и натянул тетиву. Стрела смотрела монстру прямо между его горящих алых глаз, в которых, на мгновение отразилась непередаваемая, почти человеческая печаль.

– Ма.. Ма-ма, – раздалось из приоткрытого клюва.

Лучник дрогнул. Стрела задрожала в руке и прицел окончательно сбился. Он опустил лук и в этот момент монстр молниеносно прыгнул в его сторону, растопырив свои маленькие, но острые, как бритва коготки. Время словно застыло, и путник в замедленном действии наблюдал, как когти монстра приближаются к его лицу, неся с собой неминуемую смерть. Обычный поток времени вернул отразивший лунный свет клинок, который просвистел из соседнего куста и пригвоздил монстра к дереву где-то вдалеке. Умер он

не сразу, метательный нож прошел сквозь желудок, оставив монстра жалобно кричать и пищать на дереве.

– Ша-а-шлык! – торжественно произнес басовитым голосом куст.

Из куста выпрыгнул крупный пожилой мужчина с соколиным взглядом и вприпрыжку подбежал к лучнику и приобнял, затем схватил за плечи и начал вертеть, осматривая со всех сторон.

– Отец, прекращай, я в порядке, – глухо произнес лучник, снимая руки заботливого отца с плеч. – и подумай над смелой боевого клича.

Мужчина с переживающим лицом еще немного покрутил сына, после чего удовлетворительно кивнул и насупил брови.

– Антар, это был позор, которого мои глаза еще не видели на этом свете. В тебе точно течет моя кровь? Может тебя подкинули? Почему ты не выстрелил в мелкого засранца?

Антар молчал. В его голове еще звучали слова маленького монстра, который теперь жалобно скулил где-то в чаще.

– Основы охоты на сейлов, сын, быстро.

– Падшие сейлы всегда охотятся парами, нападают предпочтительно на спящих жертв, поэтому тактика «имитация сна» считается самой опасной, но при этом эффективной, – неохотно забубнил Антар, – сначала атакует самец, после налетает самка. У них легко предсказуемая траектория полета и паттерн атаки. При должном расчете, устранить обоих не составит труда для охотника. Иногда...

Антар сделал паузу.

– Чрезвычайно редко, – продолжил он, – пару может сопровождать их детеныш. Детеныши, как правило, не нападают на людей, но есть исключения. Рекомендуется устранять на месте, так как неспособность летать, они компенсируют мощными дальними прыжками.

– А-а-а, – протянул отец Антара, – значит теорию ты все-таки знаешь. Тогда для меня загадка, почему ты расслабился в конце и даже дал слабину, увидев заплаканного сученыша. Сын, я искоренил в тебе страх, но оставил сострадание. Признаю, это было моей ошибкой.

– Но ведь, ты слышал его. Он говорил. Человеческими словами.

– Падшие сейлы были когда-то разумны, да. Но теперь они совсем одичали и представляют угрозу. Они используют свои навыки имитации человеческой речи, чтобы заманивать одиноких путников в чащу и нападать на них. А едят они своих жертв, как ты знаешь, не сразу. Сейлы забирают людей в гнезда и склевывают сначала все мягкие ткани, глаза, язык, щеки, а остальное отдают молодняку. Это ужасная, медленная и мучительная смерть, Антар. Природа жестока, охота жестока и место для жалости здесь нет.

– Ладно тебе, Раохар, кончай парить своего сына, нам пора выдвигаться, – произнес еще один охотник, вышедший из лесной чащи, – лысый старик с красным, высушенным ветром лицом и доброй улыбкой.

– О, вот и подкрепление, – ухмыльнулся Раохар, – за каким чертом тебя брали с собой, Гасан, помощи никакой, только паек жрешь.

Гасан отмахнулся от него, подошел к Антару и похлопал по плечу.

– А от меня помощь и не требовалась, это ведь твой экзамен, верно, молодой человек, – с улыбкой произнес Гасан, – но батя твой в чем-то прав. Эти сейлы далеко не безобидны, на них выдали заказ, потому что они сожрали уже шестерых за этот месяц.

Антар встал, скинул капюшон и посмотрел отцу прямо в глаза. Раохар с теплотой отметил, как сын стал похож на него самого в молодости. Правильные черты лица, не длинные, черные, как ночь волосы и горящие интеллектом зеленые глаза, доставшиеся ему от матери. Тонкие, но крепкие руки были испещрены жуткими шрамами, – следами долгих и упорных тренировок искусству охотника. Новых шрамов не было вот уже пару лет, что безмерно радовало Раохара. Их отсутствие означало то, что его сын, наконец, преуспел в тренировках и больше не позволял себя ранить.

– Отец, – спокойно произнес Антар, – экзамен я завалил, спорить не буду. Но позволь мне сходить добить детеныша, на его крики может слететься вся стая, а со всеми ними мы втроем можем не справиться.

– Резонное замечание, сын, ты прав, сходи, закончи начатое. И так как ты не стал сегодня полноправным охотником,

принесешь мой нож обратно мне. Пока что я не могу тебе отдать.

Антар сдержанно поклонился и незаметно вздохнул, постаравшись скрыть разочарование. Раохар улыбнулся и ободряюще похлопал его по плечу.

– Ладно, сын. Нож вождя в любом случае тебе еще рано иметь. Но вот знак тотема ты давно заслужил. Думаю, никто в селении с этим спорить не станет. Ты моя кровь, моя гордость, все, что есть лучшее во мне, трехкратно отражено и в тебе, мой дорогой сын. Ты силен, ловок и по праву можешь зваться охотником Черничного леса. Подойди ко мне и прими свой знак.

Юный охотник радостно поднял голову, но постарался сохранить губы в горизонтальном положении. Любое проявление эмоций не красило охотника. Антар подошел к отцу с чувством полного достоинства, отодвигая воротник из волчьего меха. Раохар вытащил из нагрудного кармана тонкое перо орла, заполненное черными чернилами и размашисто нанес неровный круг на шею сына. Охотник слегка поморщился, когда заточенное перо пронзило его кожу, но болезненная процедура закончилась за неполную минуту. Старый охотник отошел от Антара и удовлетворительно кивнул, глядя на свое произведение.

– Поздравляю, сын. С сегодняшнего дня, ты полноправный охотник. Маркировка есть, конечно, пока без тотема, но место для него у тебя есть.

– Спасибо, отец – счастливо улыбнулся Антар.

– Когда-нибудь, ты заключишь пакт со зверем и получишь собственный тотем. Это, как ты помнишь, вершина охотничьего мастерства. Охотников, добившегося подобного, единицы во всем мире. В нашем селении всего пятеро имеют собственные тотемы, включая меня и Гасана.

Раохар гордо обнажил шею, на которой красовалась застарелая татуировка лупоглазой птицы, нахохлившейся на фоне луны. Рисунок на теле Раохара отличался высокой детализацией, что выгодно отражало его от корявенького круга на шее Антара. Видимо свой тотем Раохар наносил не самостоятельно.

– А теперь, когда с этим закончили, пойди и принеси мне мой нож.

Антар поклонился, в этот раз искренне и с куда большим удовольствием и скрылся в листве черники.

– Да ладно тебе, вождь, к чему такая строгость, отдай пацану нож тоже. Ты правда думаешь, твой парень бы не увернулся от той атаки? – шепнул Гасан.

– Проблема не в его навыках, а в его сердце, Гасан. Сын у меня слишком добрый. Отнимать жизнь ему дается с трудом. Антар пройдет любое из охотничьих испытаний с закрытыми глазами, но искоренить эмоции полностью, он не может. Парень еще не готов стать вождем.

– И тем не менее, он очень способный. Я не знаю никого из его сверстников в нашем селении, кто мог бы превзойти

его. Даже ты, мой старый друг уже в чем-то проигрываешь своему отпрыску.

Раохар поднял правую бровь и широко улыбнулся. Улыбка на его широком, заросшем жесткой щетиной лице выглядела поистине жутко.

– И что тебя натолкнуло на эту мысль, – миролюбиво спросил вождь, положив свою раскаченную руку на плечо худосочного товарища.

– А то, что ты на вчерашней охоте, оступился, мой друг. Когда охотился на мимикра.

– Ты имеешь в виду того мимикра, которого я разрубил на мелкие ошметки, не получив ни единой царапины?

– Верно.

– Тебе пора завязывать с алкоголем, Гасан. Скорее ад замерзнет, чем я совершу такую базовую ошибку.

– Безусловно, вождь, безусловно, – с легкой усмешкой, произнес старик, – твои движения были как всегда безупречны, но все же, на долю секунды, ты едва не подвернул лодыжку. И не говори, что не заметил этого.

– Почва еще обледенелая местами, Гасан, – с неохотой признал охотник, – зима уходит в этом году довольно неспешно.

– Сегодня почва скользкая, завтра тебя ослепит солнце, проблема в другом.

– В чем же?

– В том, что в этом году ты разменяешь шестой десяток,

старый друг. Никто не вечен, даже ты. Вдруг почва была бы слишком скользкой, чтобы ты успешно нанес финальный удар. Тебе ведь известно, что может сотворить с человеком коготь мимикра.

Раохар усмехнулся и с мягким упреком посмотрел на старика.

– Я все еще самый дееспособный охотник селения, старый ты хрен. Мой отец, дед Антара, завалил арадимского быка в семьдесят два года, да будет тебе известно.

– А еще у него был гарем из тысячи наложниц, которых он исправно потрахивал, в перерывах между охотой на великанов. Брось. Арадимские быки вымерли без помощи твоего папаша, а единственное, что он мог удачно прикончить, были бутылки рисового пива.

Вождь охотников нахмурился и заворчал что-то про всезнающих стариков, которые плохо кончают. Гасан был единственным в селении охотников, кто мог безнаказанно брюзжать и подшучивать над грозным вождем, чем часто пользовался.

– Но ты, Раохар, тебя запомнят не таким, – продолжил Гасан, – Величайший охотник наших дней, нетленный герой войны! Твоему сыну есть, чем гордится. А сам твой сын уже силен и надежен, пусть и молод. Пора бы поверить в него и дать ему немного свободы.

– Согласно твоей логике, – немного обиженно произнес Раохар, – таким древним развалинам, как ты и я, сидеть бы

себе тихонько у костра, да попердывать, а на охоту отправлять молодняк.

– Верно, – поддакнул Гасан, – добро пожаловать в клуб старых развалин, теперь у тебя есть полное право брюзжать на молодых и гадить под себя.

– Я бы и рад, – рассмеялся Раохар, – я устал. Колени болят, глаза все чаще слезятся, с утра не могу даже нужду нормально справить. Вчерашний бой дался мне довольно трудно.

– Ну так и отдохни немного, Рах. Зима была тяжелой, но она прошла, а мы все еще живы. Следующую охоту вполне сможет возглавить Антар.

Раохар с улыбкой посмотрел на сына, который неслышно вернулся и теперь хмуро очищал заветный нож, прежде чем вернуть его отцу. Гасан был прав в одном, его сын был не по годам умен и искусен. Охотники Черничного леса слыли легендарными воинами, искусными лучниками, яростными рубаками и великолепными стратегами. Их искусство было настолько велико, что многие их изобретения и физические умения считались чистой магией за пределами Черничного леса. Быт охотников сам по себе был очень непростым – выжить в одном из самых опасных лесов в мире, где каждое растение и животное стремиться тебя умертвить, задача не из легких, поэтому ремесло охотников считалось невероятно сложным и требовало исключительных боевых навыков. Но самым главным качеством, что делало выходцев из селе-

ния Раохара самыми эффективными охотниками в мире, – было отсутствие страха. Каждый меченный охотник их селения владел этим навыком, который они оттачивали с младенчества. «Страх», – говорил Раохар сыну, – «– это лишь сигнал. Ненужный и устаревший механизм организма, который говорит тебе, что ты в опасности. Отключи его, и ты получишь ровное сердце, сильные руки и ясный взгляд, чтобы выжить». Овладеть этим навыком в полной мере и достичь ранга охотника, могли единицы из сотен желающих. Многие жители охотничьего селения, не сумев преуспеть в искусстве охотника, находили свое место в более простых бытовых делах, в трудовой иерархии, но пользовались равноценным уважением и правами. В свои семнадцать лет, Антар, к необъятной гордости отца, уже мог считаться полноправным охотником и был одним из немногих, заслуживших свою метку. Он жадно впитывал знания из обширных книжных запасов местной библиотеки и каждую свободную минуту тренировался, не позволяя отвлекать себя томным взглядам молодых селянок, которым приходилось по вкусу высокий и крепко сложенный сын вождя. За прошлый охотничий сезон именно Антар сумел подстрелить двух исполинских сизых фазанов, обеспечив все селение мясом на целый месяц. Он действительно был достойным сыном своего отца. Мать Антара пропала задолго, до того, как тот научился осмысленно говорить. Воспитанием занимался сам Раохар, возвращая в нем мужество и волю к победе, единствен-

ные качества, о которых знал сам. Много лет вождь пытался найти свою жену, после чего был призван на Приграничную войну, в состав элитного карательного отряда. Там он самоотверженно топил в крови врагов всю свою печаль от потери любимой, вызывался на самоубийственные миссии, разил неприятеля стрелами, наматывал кишки на клинок, рвал шеи зубами, когда ничего другого не оставалось. Раохар прославился по обе стороны конфликта за невероятную жестокость и беспринципность. Зверь Черничных лесов, Охотник на людей, так его со страхом называли в стане врагов, Нетленный Герой войны, благоговейно величали его союзники. Ни то, ни другое звание охотнику было неизвестно и неинтересно. Блеску орденов и звону сыпавшихся градом монет, он предпочитал компанию бутылки, в узком горлышке которой всегда находил единственный выход к спасительному забвению. Но в один день война кончилась, а вместе с ней пришло осознание и последующее принятие неизбежной горькой правды. Суровая реальность пришла в его жизнь в форме нескладного мальчишки с глазами его пропавшей жены, который за годы войны успел позабыть отца. Увидев во взгляде сына неприятие и страх от вида, покрытого кровью косматого вояки, Раохар пришел в ужас, что может потерять единственного оставшегося ему родного человека. За короткий период Кровавый Зверь из Черничного леса сумел бросить пить, привел себя в порядок и превратился в прилежного, хоть и сурового отца, оставаясь им и по сей день.

– Не сейчас, Гасан, – твердо произнес вождь охотников, – сейчас мой сын не готов увидеть меня таким. Сейчас я должен быть сильным, несокрушимым, непобедимым, бесстрашным. Я должен быть примером для него и добытчиком для селения. И вот когда он будет готов, тогда я буду готов повесить лук на стену, закопать меч, укрыться одеялом и смиренно встречать старость под треск горящего костра и смех внуков.

– Это прекрасная картина, старый друг, – улыбнулся Гасан. – Прекрасная. За нее стоит бороться.

2.

До поселения небольшой отряд охотников добрался почти через сутки без особых приключений. Два раза они делали остановку, первый, чтобы дать пройти стаду вислоухих бронзобрюхов, их жесткая плоть в пищу не годилась, второй, чтобы подстрелить двух луговых бородавочников, чье жирное сочное мясо прекрасно сочеталось с овощами из сельской теплицы. По пути им встретились еще шестеро охотников, которые тащили с собой массивную тушу яка-альбиноса, чему особенно обрадовался, соскучившийся по телятине Гасан. Охотники тепло поприветствовали друг друга и разросшимся отрядом выдвинулись домой. Еще до того, как отряд увидел родные стены селения, они ощутили согревающий сердце запах дома. Уставших путников встретил приветливый аромат готовящейся на костре грибной похлебки, дубящейся кожи и топленного масла, которое селянки на-

чинали вымешивать с каждым приходом весны. Пройдя заросли гигантского чертополоха, отряд увидел мощный деревянный частокол из цельных бревен, высившийся на добрые четыре метра. Остановившись у ворот, Раохар по привычке свистнул соколом и приветливо махнул часовому в смотровой башне. Впрочем, во всех этих условностях необходимости не было. Часовые охотничьего селения заметили их приближение за два километра от лагеря и уже пристрелили бы любого, кого посчитали бы угрозой еще до того, как они увидели бы бревна частокола.

– Добро пожаловать, вождь! Добро пожаловать домой, охотники, – крикнул часовой и дал знак своим товарищам у лебедки. Тяжелые деревянные ворота со скрипом поддались и открылись наверх, пропуская охотников за стену. Уставшему взору вождя предстала его любимая картина: порядка двадцати сотен простых, но добротных деревянных домиков, гармонично расставленных по всему периметру селения, хижина звездочета, библиотека, лазарет, стрельбище, кузница, сад и общие бараки. Просто и со вкусом обставленный лагерь первых охотников за десятки лет разросся до небольшого селения, но сохранил свой аскетизм. Сюда, во время охотничьего сезона или на зимовку, приезжали некоторые охотники, сделавшие себе имя и славу за пределами Черничного леса, но большая часть населения, как сам Раохар и его сын, жили прямо здесь, в селении, предпочитая девственную природу городской шумихе. Образовав-

шийся квадрат в центре селения служил площадью, посреди которой стояло огромное кострище, для приготовления добычи нестандартно большого размера. Сейчас кострище пустовало, зато вокруг было разведено много мелких костров, на которых кипели дразнившие аппетит котелки, вызывая счастливые улыбки у бегавших вокруг детей. Взрослые были заняты повседневной рутинной, заточкой стрел, рубкой дров и активной беседой о планах на грядущий год. Актуальной темой разговора была поистине зверская в этом году зима, продлившаяся четыре долгих месяца. С учетом климата и стремления к единению с природой, местное население предпочитало из одежды привычную лоскутную одежду охотников, подбитую волчьим мехом. Такое одеяние не только обладало прекрасными маскирующими свойствами, но и сохраняло тепло в самые холодные зимы.

Раохар шумно втянул воздух, на секунду сменив привычное суровое выражение лица на широкую улыбку. Заметив его и других охотников, селяне, собравшиеся у костров, весело закричали и приветственно замахали руками. Увидев две упитанные туши бородавочников и огромного яка на носилках, крики стали громче и одобрительнее. Кто-то в толпе нелестно отозвался про затраханную зиму, и что он, наконец, поест свежего мяса. К охотникам подбежали женщины, сняли платки и прыгнули в объятия своих мужей. Страстные слезливые поцелуи и горячие слова любви, последовавшие за этим, были встречены еще большим количеством одобри-

тельных возгласов. Селяне побросали свои дела и присоединялись к толпе, выкрикивая поздравления с успешной охотой. Кто-то воспользовался общей суматохой, чтобы отлынуть от скучного дубления кожи, остальные похватались за струнчаки, кто-то уже подкатывал к площади бочонки с рисовой водкой. Намечалась серьезная пьянка.

– Вождь вернулся! Отряд вернулся! – запоздало оповестил часовой.

Раохар махнул рукой и быстро дал распоряжения разделить добычу и разжечь новый костер. Антар с усталой улыбкой вежливо отстранял девушек, стремившихся повторить обычай и прыгнуть к нему на грудь. Шкуродеры с высоким профессионализмом нарезали туши добытой дичи, в мгновение ока был сложен внушительных размеров костер, голосистые и уже не вполне трезвые сельские бахши ударили по струнам. Через неполный час воздух наполнили ароматы жарящегося мяса и звонкие голоса певцов, которые, после опорожненного бочонка выдержанной хаомы уже не старались попадать в ноты. Гасан взялся на спор с молодыми лучниками стрелять по подброшенным монеткам. Сколько медяков, подброшенных молодежью, Гасан подбивал стрелой, столько он клал себе в карман. Пока ни одна монета не коснулась земли. Раохар, как и полагалось вождю, развалился в кресле из черепа черного мастодонта, которого в юности застрелил сам и потягивал уваренный мед. Селяне тушили свои костры и тащили готовые похлебки в большому костру, на кото-

ром золотились бородавочки. Веселье закипало, дети пытались стянуть со стола свежих фруктов, подростки дрались за клыки мимикра, из которых получались отличные кинжалы, взрослые пересказывали старые анекдоты, концовку которых все знали наизусть, что не мешало толпе каждый раз взрываться от смеха. Робкие несвязные движения селян перерастали в дикие разнузданные танцы у костра, пламя, словно почувствовав возросшую энергетику, взлетело до облаков, придав закатному небу невероятный насыщенный оттенок. Бахши бросили попытки выдать мелодичные рулады пьяными голосами и стали орать горловые песни с первобытными мотивами, энергично выколачивая пыль из кожаных барабанов. Танцы становились все смелее, а слова откровеннее. Антар от танцев благоразумно решил отказаться, справедливо рассудив, что селяне морально не готовы к его позорным выпадам. Веселье обещало продлиться всю ночь и до самого утра, большинство селян было вусмерть пьяными, некоторые, так и не дождавшись мяса, спали лицами в остывающих похлебках. Ночь должна была быть долгой, насыщенной и расслабляющей. По меньшей мере, так думал Раохар, с наслаждением предвкушая спокойную ночь. По этой же причине, вид приближающегося часового не вызвал в нем ничего, кроме досады. Вождь распечатывал новый кувшин с медом, когда к нему неслышно подошел охотник с дозора.

– Вождь, – обратился тот к Раохару. – Кальката ждет Вас у западных ворот.

Раохар нахмурился. То, что брат ждал его у ворот с плохими новостями, он понял уже по голосу часового. Не дожимая посыльного расспросами, Раохар взял лук, колчан и незаметно вышел в сторону ворот.

3.

Кальката ждал с двумя часовыми у повозки, накрытой окровавленным тентом. Судя по озабоченному лицу охотника, Раохар понял, что под тентом лежит вовсе не новая дичь для костра.

– Великое Солнце, этот день слишком хорош, чтобы омрачать его похоронами, – пробормотал вождь, обняв Калькату, – кто покинул нас сегодня?

Брат вождя откинул тент, открыв страшную картину. Два изувеченных трупа молодых охотников лежали на волчьих шкурах, их кровь пропитала мех насквозь и въедалась багровым пятном в доски повозки.

– Рованна и Фахир из моего отряда, – с грустью произнес Кальката. – Да примут их Трое в свою семью.

– Да примут их боги, – повторили вождь и часовые, ударив себя по груди кулаком.

Вождь жестом приказал часовым оставить их с братом наедине. Некоторое время они хранили тишину, выказывая таким образом уважение погибшим. Кальката первым нарушил молчание.

– Погибли недавно и в этом основная проблема. Мы нашли их всего в двух километрах от селения, на смотровой

вышке. Ты знаешь, что это означает.

– Знаю, – вздохнул Раохар, – Не думал, что еще раз увижу такое на своем веку. Они ведь совсем еще дети.

– Кто констатирует смерть? – деловито поинтересовался Кальката.

– Мой сын, твой племянник, который напрасно пытается скрыться от меня.

Раохар грозно взглянул в сторону раскидистого вяза, в тени которого стоял Антар.

– Я не скрываюсь, – честно сказал, Антар, выйдя на свет – я жду, пока меня позовут старшие.

Раохар кивнул. Если бы его сын хотел скрыть свое присутствие, его бы не заметил и крупный отряд часовых в полдень, вооруженный факелами.

– Вот это воспитание, брат – расхохотался Кальката, – по-ди сюда, Антарка, обними любимого дядю.

Антар подошел и с трудом обнял огромного охотника, который был как две капли воды похож на отца, только значительно моложе. Будучи в полтора раза выше Раохара, Кальката отличался невероятной развитой мускулатурой тела, огромным квадратным подбородком, который всегда гладко выбривал, вечно смеющимися карими глазами и предпочитал аккуратный конский хвостик беспорядочным патлам старшего брата. На его широкой шее также красовался пустой круг, отмечающий полноправного охотника, но пока без тотема. Кальката увидел схожую метку на шее племян-

ника и расцвел.

– Посмотрите, кто стал настоящим охотником! Поздравляю, Антар! С этими месячными вылазками, я уже начал забывать твое лицо, племянник. Надо бы чаще видеться.

– Спасибо, дядя. Да, встречаться надо бы, – подтвердил Антар, – но не при таких обстоятельствах.

– Верно, – Кальката быстро закрыл своим массивным телом повозку. – Рах, я все понимаю, твой пацан тот еще боец и все такое, но я не думаю, что он должен смотреть на такое.

– Отойди, Кальката, – насупился Раохар. – Рано или поздно, мой сын возглавит всех охотников этого леса. С нашей профессией, он должен быть готов ко всему, это не первые трупы в его жизни и далеко не последние.

Антар шутливо похлопал по животу дядю и вплотную подошел к повозке. Взглянув на тела, он мысленно проклял себя за природное любопытство, которое заставило его пойти за отцом.

– Анализ, Антар. Причина смерти, характер ранений, уровень угрозы, ты все знаешь, – стальным голосом произнес вождь.

Антар провел взглядом по лицам убитых и проглотил подступивший комок. Одну из жертв он узнал – Рованна, милая, улыбочивая девушка, лет двадцати пяти. Она все время пыталась накормить Антара маковыми булочками, которые пекла сама. Готовить Рованна совершенно не умела, но он никогда не мог найти в себе силы отказать ей и давился непропечен-

ным тестом. Притчей во языцех об Антаре слыли два факта – его невероятные охотничьи навыки и еще более невероятная нелюдимость. Но Ровану он не избегал, ее обществу он был всегда рад, по причинам, в которых он бы никогда себе не признался. Но теперь это не имело абсолютно никакого значения. Рованна лежала на повозке с раскроенным черепом, трупное окоченение перекрутило ее тело в неестественный клубок. Ее короткие каштановые волосы свисали с черепа на куске содранного скальпа. В единственном уцелевшем глазу девушки застыло удивление, не успевшее перерасти в ужас. Она умерла быстро, неожиданно для себя, безболезненно. Антар приложил усилие, чтобы взять себя в руки.

Никаких эмоций. Отец не одобрит. Жизнь охотника состояла из ежедневных опасностей, и редко какой охотник погибал своей смертью. Покинуть мир, лежа в теплой постели, в кругу плачущих родных – роскошь, доступная лишь жителям больших городов, скрытым от ужасов мира за толстыми каменными стенами. Охотники же чаще всего погибали, насаженными на клыки какого-нибудь монстра, не пожелавшего стать добычей.

– Оба охотника погибли быстро, практически мгновенно, – помолчав минуту, начал Антар. – Рованне нанесен удар тупым орудием по черепу, сила удара и характер ранения предполагают, что нападавшим был самец горной мантикоры или обур. Чудовище было явно крупнее и сильнее среднего человека. Об этом говорит и ранение второго охотника,

которого проткнули сзади насквозь чем-то, по типу острого шипа. Это требует нечеловеческой силы удара и специфичных наростов ударного и колющего типа. И то, и другое есть в равной степени как у обура, так и у мантикоры. Я бы сказал, что мы имеем дело с кем-то из них, нетипично крупной особью. Уровень угрозы я бы определил как самый высокий, так как справиться сразу с двумя охотниками может только очень опасная тварь.

Раохар угрюмо молчал. Кальката сосредоточенно скручивал листья табака в трубочку, стараясь скрыть легкое смущение.

– Я ошибаюсь? – спокойно спросил Антар.

– Да, племянник, ошибаешься, – мягко ответил Кальката, – но это неудивительно. На твоём месте, я бы тоже пришёл к таким выводам.

– В чём моя ошибка?

– Я не берусь утверждать насчёт Рованны, девчонка ни пожать приготовить, ни из лука стрелять не умела.

Антар скрипнул зубами.

– Но Фахир, – продолжал Кальката, – был матерым меченым охотником, моей правой рукой, его умения, как охотника, могли бы посоперничать даже с твоими, Антар. Скажи, ты бы позволил грузной, пыхтящей мантикоре подкрасться к себе незаметно и также незаметно нанести удар в спину?

– Нет.

– Вот и Фахир не позволил бы. Он бы засадил стрелу ей

между пластин на расстоянии пяти тысяч шагов. Нет, его жизнь оборвала тварь куда более опасная, чем мантикора, обур или огненный циклоп. Твой отец и я немало таких на войне положили.

Антар вопросительно посмотрел на Раохара.

– Человек, – тихо произнес Раохар, – их убил человек. А нет монстра страшнее человека.

– Человек, – медленно повторил Антар.

В его голове возникла картина лица Рованны. Он видел, как топор с отвратительным чавканьем врезается в ее голову, как обрывается ее едва зародившийся крик, как угасает свет в ее единственном уцелевшем глазу. Она уже никогда не научится готовить. Никогда. Чудовищное слово. Всю его тяжесть Антар ощутил только сейчас. Это не был несчастный случай на охоте, не была защита перепуганного животного, это был злой умысел, осознанное, холодное, расчетливое убийство. Эмоции, которые он умело подавлял ранее нашли выход в виде чистой незамутненной ярости.

– Кто? – спросил Антар не своим голосом. – Я вырву ему сердце.

Раохар задумчиво смотрел куда-то в даль. Кальката, наконец, справился с самокруткой и раскурил ее, выпуская клубы едкого зеленого дыма.

– У меня есть только одна мысль, – сказал брат вождя.

Раохар неуверенно кивнул.

– Северный клан? – спросил он.

– Да, – Кальката сплюнул, – Сучье племя. Это давно должно было произойти. Фанатики решили перейти с баранов на людей.

Раохар задумчиво чесал подбородок, не сводя взгляда с изувеченных трупов.

– Не знаю даже. Какой в этом смысл? Мы всегда жили с ними в относительном мире.

– А какие есть варианты? В этих лесах только мы и эти конченные на десятки километров вокруг. Тамошний вождь каждый месяц приносит в жертву молочную корову, чтобы выводить чирики со своей задницы.

– Шаман Тотока хороший человек. – возразил Раохар, – немного странный, но я не думаю, что он или его люди способны на такое.

– Немного странный? Рах, он законченный психопат. На прошлое собрание кланов он приехал голым на бритом осле, потому что ему так сказали звезды. В конце месяца Ткача, помнишь? Уже снег лежал.

– Это не доказывает его вину, но согласен, проверить стоит. Собирай отряд.

– Другое дело, – Кальката кровожадно улыбнулся. Его обычно добродушное лицо внезапно приобрело хищное выражение – Давно пора выжечь эту грязь из наших лесов.

– Мы идем на переговоры, брат. Не на войну.

– Переговоры идут продуктивнее с ножом в руках, брат. Северный клан может и соборище религиозных придурков,

но они далеко не беззащитны.

Раохар снова нехотя согласился. Эксцентричные быть может, но все же северный клан состоял из опытных охотников, которых возглавлял настоящий шаман. Пусть и со слегка прикипевшим мозгом, но с его силой приходилось считаться.

– Согласен, снаряди своих бойцов полной экипировкой и, – Раохар помедлил, – разрывными стрелами. Просто для виду.

– Я иду с вами, – злобно прошипел Антар

Кальката с сомнением смерил взглядом дрожащего от ярости племянника.

– Я думаю, тебе лучше остаться здесь, племяшка. Тебе знаком термин «состояние аффекта»?

– Нет! Рованна была другом, моим другом, – резко оборвал его Антар, – я обязан отомстить за нее. Ее убийца падет от моей руки.

– Какая жажда крови, брат! Это действительно твой сын, – рассмеялся Кальката. – Успокойся, племяш, где твой хваленый контроль эмоций. Охотники умирают каждый месяц, чем твоя подружка отличается от десятков других?

Антар крепко сжал кулаки и гневно посмотрел дяде в глаза.

– Ого, Антар, это что вызов? – со смехом спросил Кальката.

– Нет.

– А, по-моему, вызов. Давай, племяшка, потанцуем. Тебе нужно выпустить пар.

– Сейчас не время и не место, – холодно произнес Антар. – Сейчас надо думать о поиске убийцы. О том, как найти и покарать его.

– О, как! Покарать? Да ты никак в гневе, племянник. Давай, нападай, нельзя держать в себе столько негатива.

– Дядя, я не собираюсь...

– Надо же, – глумливо произнес Кальката, наклонившись над трупом Рованы, – не такая уж и красавица была. Ни сисек, ни рожи, чего ради вся эта истерика. Клянусь небом, я бы лучше отодрал косулю помясистее, чем вот это.

Антар осекся на полуслове и с диким ревом кинулся на дядю. Поведение, недостойное охотника и уж тем более, сына вождя, но сейчас манеры его волновали в последнюю очередь. Кипя от заполнившей все его естество злобы, молодой охотник посылал удары в лицо дяди, расплывшееся в нахальной улыбке. Кальката, хохоча, уворачивался от кулаков Антара. Несмотря на то, что он был почти в полтора раза выше и в два раза тяжелее, он предпочитал не попадать под тренированные удары племянника.

– Как ты воспитывал сына, Рах? Он двигается, как беременная свиноматка. Визжит примерно также.

Антар, взревев, прыгнул на Калькату и ударил ногой в воздухе. Огромный охотник ловко увернулся от одной ноги, но тут же мотнул головой назад, от удара второй, которую Ан-

тар, оперевшись на руку, выгнул в сложном акробатическом ударе. Кальката брызнул кровью сквозь стиснутые зубы, но сохранил равновесие.

– Вот так, пацан, – прохрипел он, – вот теперь это разговор. Теперь я говорю с мужчиной, а не с плаксивой сукой. Принимай ответку.

Проявив невероятную для своей массы грациозность, Кальката нырнул под Антара и засадил ему кулаком под ребра. Племянник ухнул и отлетел на два метра назад, упал, но почти сразу поднялся на ноги. Могучий удар Калькаты выбил весь воздух из легких Антара, ребра ныли, в глазах появилась цветастая рябь, кровь проступила на побледневших губах.

– Какой жалкий вид, Антар, и это лучший охотник селения? Рах, передай бразды правления той жирной портнихе Ненель. Баба у руля, все лучше, чем наш Антарка.

Антар стремительным зигзагом кинулся к дяде и нанес сокрушительный удар по челюсти. В этот раз Кальката упал, но моментально развернулся на земле и дал мощную подсечку племяннику. Антар сделал петлю в воздухе и грохнулся вниз, Кальката со звериным ревом бросился на него. Они сплелись в клубок и катались по замерзшей почве, беспорядочно дубася друг друга. Раохар устало смотрел на них, изредка улыбаясь, когда Антар наносил дяде особенно удачный удар.

– Ладно, достаточно, – сказал вождь, спустя пару минут.

Кальката с хохотом вскочил с еле живого племянника и

подал ему руку.

– Победа как обычно за мной, пацан. Но ты был хорош, посмотри, как горд твой отец.

– Мальчик просто пожалел тебя, братишка – рассмеялся Раохар. – Иди, умойся, нам скоро выступать.

Антар схватился за руку дяди и поднялся, сплевывая кровь. Болело все тело, левый резец слегка качался, но вроде бы ничего сломано не было. Однако оглушающая душевная боль ушла, рассудок прояснился, вместо слепой ярости, в голове сформировалась четкая цель – возмездие.

– Я иду с вами, отец. – повторил Антар, привычным спокойным тоном.

– Антар, Кальката прав, тебе лучше будет остаться с Гасаном и возглавить оборону селения.

– Отец, я буду вам полезен, особенно если дело дойдет до драки.

– Сын, я не ставлю под сомнение твои способности или желание отомстить. Но, посмотри сюда, – Раохар показал сыну свои жилистые крепкие руки. – Эти руки отняли уже много жизней. Слишком много. Я не хочу, чтобы ты пошел тем же путем.

– Тем, кто отомстит за Рованну должен быть я, отец. У нее не было никого ближе, а значит, это моя обязанность.

– Одним трупом дело не ограничится, Антар, ты ведь понимаешь это. Понимаешь ведь? Если убийца и правда из северного клана, почти наверняка все его жители встанут на

его защиту. В этом случае нам просто придется вырезать их всех.

– Вырезать всех? – медленно повторил Антар.

– Да, сын. Всех.

Раохар снова вздохнул и его лицо внезапно резко постарело, покрывшись глубокими морщинами.

– Если Кальката прав и северный клан ударился в фанатизм, нам не останется другого выбора. В конце-концов, мы близкие соседи. Я не могу держать под боком настолько серьезную угрозу. Ее придется устранить. Ради нас, ради наших детей.

– Но отец, там ведь тоже дети. Мы ведь не можем так поступить.

Раохар посмотрел на сына и Антар увидел в глазах отца глубокую печаль наряду с твердой решимостью. Он внезапно понял, что его отец способен на все.

– Я уверен, что до этого не дойдет, – поспешно добавил вождь, – мы сильнее, нас больше, мы лучше вооружены. Может Тотока и экстравагантен, но он далеко не дурак. Он не станет выходить на открытый конфликт, зная, что проиграет.

Антар слышал, как голос отца дрогнул. Вождь сильно сомневался в своих словах. Северный клан славился не только своим сумасбродным образом жизни, но и духом единства. Если Раохар призовет к ответу одного из них, сразиться придется со всеми. В глубине души, Антар понимал, что конфликт, скорее всего неизбежен, как и то, к каким страшным

последствиям он приведет.

– Ладно, – Раохар хлопнул в ладоши, – Кальката, ты еще здесь? Я отдал приказ собирать людей, шевелись. Поднимай Гасана, под страхом расстрела отбери у старого черта бутылку, расставь часовых по периметру, чтобы через полчаса все были трезвые, вооруженные и очень опасные, даже Ненель.

– Принято, вождь.

– И я прошу вас обоих хранить в секрете все произошедшее. Пока мы не удостоверимся в причастности северного клана, смерть наших охотников должна оставаться несчастным случаем на охоте. Мне не нужна паника в селении.

– Отец, я бы хотел... – с нажимом произнес Антар.

– Не заставляй меня повторяться, сын, – в голосе Раохара прозвенел металл, – вождь отдал тебе приказ, раз просьба ты не понимаешь.

– И приказ вождя будет исполнен, – с легким сарказмом ответил молодой охотник.

Антар театрально поклонился, махнув затылком по траве, и отправился к селению, стараясь не смотреть на повозку.

– Как с ним было легче, когда он был ребенком, – пробурчал себе под нос вождь.

– Да, пацан вырос бунтарем, – весело произнес Кальката, скручивая вторую самокрутку, – помню, я в его возрасте...

– Кальката, сучий ты сын, у тебя есть время курить и предаваться воспоминаниям? Я отдал приказ, приступай к выполнению.

– Сучий сын? Нельзя же так о нашей матушке, брат – со смехом сказал Кальката.

Брат вождя выкинул незажженную самокрутку и с неохотой поплелся вслед за племянником.

Раохар был полностью погружен в свои мысли о предстоящей операции, о ее возможном ужасном исходе. Неужели старый маразматик Тотока окончательно слетел с катушек и им действительно придется воевать с ними. Эта мысль была настолько невероятна, насколько и возможна. Раохар искренне надеялся, что все произошедшее – действия одного отщепенца, со сдвигом по психике, а не провокация всего северного клана. Если все пройдет гладко, то шаман выдаст им преступника, которого они допросят и тихо прикончат где-нибудь в чаще. А после можно будет отправиться на заслуженный отдых. Теплый плед, сладкий мед, смех внуков и треск костра. Он, наконец, позволит себе разжиреть, расслабиться и вообще вести себя, как обычный старик. Курить вонючий табак Калькаты, ругать непоседливую молодежь и с гордостью смотреть, как его сын справляется с обязанностями вождя. Погрузившись в поток мыслей о сыне, Раохар с теплотой смотрел вслед Антару. Он не видел, его сжатых кулаков, до крови стиснутых зубов, не видел его глаз, горящих решимостью сделать то, на что никогда не решался до этого в жизни – нарушить прямой приказ вождя.

Глава 2. Танцующая с дождем.

По небу лениво скатилась яркая звезда.

Огда опустил удочку и жадно вдохнул ночной воздух. Его первая за семь недель вылазка на рыбалку из душной крепости действовала по-настоящему целительно. Прохладный речной бриз, медитативный процесс ловли и крепкий ячменный бозо согревали старые кости лучше любой припарки. Седой алебардист опрокинул в горло очередную чарку и удовлетворенно крякнул, причмокнув губами. Ветер донес до него струнную музыку, детский смех, грохот сталкиваемых пивных кружек и беззлобную ругань пьяных столяров из поселения внешнего кольца. Городская река, на берегу которой удобно расположился Огда, протекала сквозь крепостную стену, через отверстие, закрытое тройной массивной решеткой. По обе стороны реки резвилась молодежь, оборванцы из нижних сословий и холеные ребята из каганского квартала вместе возились в приречной грязи. Прозрачные, свежие, кипящие жизнью воды Понки объединяли жителей города, стирая границы и социальные различия. Словно звери на водопой, каждый вечер, они собирались у воды посудачить о делах, промыть кости соседям, Совету и солдатам. Кости самого Огды, как командующего заставой тоже промывались здесь чаще остальных. Юные девушки и парни обильно поливали друг друга ледяной водой из ушатов. Молодые парни, в попытках впечатлить девиц, взялись прыгать по скользким камням бурлящего порога. Допрыгнуть до финиша не удалось никому. Девушки, грязно ругаясь о про-

мокших цветастых платьях, вытаскивали своих несостоявшихся обольстителей из воды на потеху другим наблюдателям. Их звонкий хохот заглушили первые фейерверки, озарившие небо искрящейся палитрой красок самых причудливых форм и оттенков. Огда с хмелеющей улыбкой наблюдал, как на небе расцветают цветы, бегут по облакам экзотические твари, как бушует пламя, переливается вода и рвут пространство молнии. Верховный шаман Ширма и ее ученики действительно знали, как усладить взор в праздничную ночь. Впрочем, считал Огда, цветастые картинки в небе, были настоящим расточительством талантов великой бабули. Времена грозных Властителей стихий, Танцующих среди молний, нетленных героев войны давно прошли. Мирное время способствует деградации боевых навыков, появлению ржавчины на мечах и росту жирка на животе. С этой философской мыслью Огда отправил кусок жаренного барашка в рот и залил его щедрой порцией бозо. Поплавок его удочки покачивался на воде и ни разу за весь вечер не погрузился, рыбы были ленивы и сыты сегодня, как и сам рыбак. Отсутствие клева не могло испортить старому солдату настроение, ведь сегодня был великий праздник. Сиенна – священная ночь, ночь мира, процветания, ночь смеха и салютов, ночь парада планет, ночь перед Великой охотой. Ничто не могло ее очернить, ничто и никто. Сегодня люди отдавали себя тягучему меду, жарким танцам и безмятежной любви. Но как только первые лучи солнца коснутся земли, все изменится. Улыбки

на лицах сменит напряженное ожидание, смех утихнет и новый день увенчают либо счастье, радость и новый пир, либо горький скорбный плач. Плач по тем, кто уже никогда не увидит новый день.

Поток мыслей прервал знакомый дробный стук копыт по камням, раздавшийся сзади.

– Снова набрал вес, Койор? – спросил Огда, не обернувшись.

Подошедший фыркнул и похлопал безупречно прокаченный пресс, под военной формой.

– Как ты всегда безошибочно меня узнаешь, старик? Выдает мой прекрасный парфюм? —спросил Койор.

Огда обернулся и многозначительно посмотрел на мускулистые ноги собеседника, оканчивающиеся внушительными черными раздвоенными копытами. Козлиный низ, обильно поросший густой черной шерстью, сильно контрастировал с волевым, гладковыбритым лицом Койора, солдатской короткой стрижкой и строгим зеленым камзолом, пуговицы которого едва сходились на широкой груди.

– Так как ты единственный шайтан в нашей ставке, догадаться по стуку копыт нетрудно. А то, что стук становится с каждой неделей громче, говорит о том, что ты налегаешь на сладкое – ослабился Огда.

– Шайтанов не существует, старый ты алкаш, – со смехом ответил козлоногий. – Я сирх, за двадцать лет, что мы знакомы, мог бы запомнить. Мы красивые, сильные, добрые и

крайне редкие существа. А на сладкое я налегаю не меньше, чем ты на свое кукурузное пойло.

Койор грузно процокал к стульчику и с комфортом устроился, откупорив глиняную бутылочку бозо из запасов алембардиста.

– Которое, впрочем, очень недурно на вкус, – произнес он, облизывая губы, – но налегать не стоит, завтра вылазка.

– Ты неисправимый солдат, сирх, когда ты уже научишься немного расслабляться. И прояви уважение к традициям. Великая Охота – это Великая охота, никак не вылазка.

Койор презрительно фыркнул, на мгновение приобретая еще большее сходство с козлом.

– Вооруженный до зубов отряд гоняет по лесам бедного барана. После чего зверски убивает его, потрошит и жарит на костре его и его потомство, если молодняк по неосторожности окажется рядом с «великими» охотниками. Обычная варварская вылазка за мясом как по мне.

– Так как ты, сирх, привык травку щипать, тебе не понять всю прелесть куска свежего мяса после длинной зимы жевания черствой солонины и заплесневелых помидоров. И не забывай, что твой бедный барашек достигает восьми метров в холке и вполне себе плотояден. В один год мы потеряли шестерых на такой «вылазке». Это, Черничный лес, солдат, тут слабые не выживают.

– Тебе бы мелодрамы для городских мамзелей писать, старик. Мы никого не теряем уже пять лет. Каждая охота успеш-

на, каждый раз вы убиваете беззащитное животное и триумфально тащите его труп в город. Я не одобряю, конечно же, но понимаю, что это единственный ваш способ выжить в нынешних реалиях.

Огда с недоверием хмыкнул. В то, что сирх, будучи сам полужверем, мог сочувствовать охотникам, он верил с трудом. Койор махом опустошил бутылку и потянулся за новой.

– Впрочем, – сказал он немного мягче, – думаю, крепостные лучники настолько хорошо набили руку на вылазках, что потеря уже больше не предвидится, не в этом поколении.

– Мне бы твой оптимизм, шайтан, – невесело усмехнулся Огда, – посмотри, кто составит нам компанию в этом году.

Огда достал из нагрудного кармана скомканный листок и сломанные, заляпанные очки. Водрузив их на кривой нос, алебардист окончательно состарился, что не могло не расстроить Койора. Много лет назад, будучи еще совсем юным кадетом, он пошел под командование грозного главнокомандующего, нетленного героя войны, мастера алебарды – Норге Огдаризира. Сверкающий взгляд из-под забрала рогатого шлема, трещавшие от напора мускул доспехи и горящее на солнце острие трехметровой алебарды, – образ, навсегда отпечатавшийся в памяти юного Койора. Едва пробивавшаяся седина в волосах лишь прибавляла весомости образу все сильного командору Норге. Великий командор Норге, могучий командор Норге, человек, положивший конец кровавой Приграничной войне, все мужчины хотели быть похожим на

него, все женщины хотели оказаться в его постели. Но вот прошло двадцать лет. Семидесятилетнего старика Огду обвешали орденами и отправили командовать, с позволения сказать, войсками, на самом краю света. Здесь, на восточной речной заставе Черничного леса, он дотягивал остаток своих дней в компании еще одного героя войны, опального шамана Ширмы. Койор, будучи одним из самых молодых и перспективных офицеров армии каганата, предпочел отказаться от звания капитана и последовал за своим старым наставником и другом, о чем теперь иногда втайне жалел. Сидя здесь, в глухомани, без активных действий, он чувствовал, как притупляются рефлексы и атрофируются мышцы. Койор видел себя, как грозное оружие, которое закинули в чулан, вместе с метлами и мотыгами, где он теперь медленно покрывался ржавчиной. Грядущая вылазка, или, как ее называл Огда, Великая Охота, должна была стать свежим глотком воздуха для заскучавшего по боям Койора. Взрослый самец альдебарана представлял собой серьезную угрозу, схватка с которым, послужила бы отличной тренировкой. Есть мясо бедного животного, отъявленный вегетарианец Койор, конечно, не собирался, но в душе он понимал, что дряхлеющий Огда и кучка ленивых недисциплинированных лучников не завалят такую крупную добычу без его помощи.

Огда прокашлялся и начал читать.

– Указом от его каганского владычества, света очей своих вассалов, вражеских ночных кошмаров, блистательного, ве-

ликого, грозного и т.д., и т.п., короче, указом Великого Кагана, обязую отправить лучшего специалиста столицы на обучение и последующее участие в Великой охоте на шестую речную заставу у реки Понка, что на южной границе Черничного леса, под командование нетленного героя, командора Норге Огдаризира, далее идут описания уже моих регалий. Читать их не буду, все знают, какой я чудесный.

– Лучшего столичного специалиста? – удивленно спросил Койор. – Сюда? Наверное, какая-то ошибка. С трудом верится, что каган стал бы ссылать своих лучших кадров в эту задницу мира.

– И очень зря, этот специалист талантлив, ты вряд ли выступишь с ней в поединке один на один.

– Да неужели, – с недоверием пробормотал Койор, в свои молодые годы, успевший снискать славу, как один из самых одаренных мечников каганата. – И кто же этот мастер меча?

– Танцующая с дождем, – произнес Огда с загадочной улыбкой.

– Танцующая? Шамана, стало быть прислали.

– Шамана, сирх. Из столицы, а значит одного из самых лучших. Что ты противопоставишь бушующим молниям? Тот неуклюжий кусок металла, который ты называешь мечом?

– Пожалуй, ничего, – согласился Койор, – но это, черт возьми, нечестно. Если столичный шаман в компании могучих воинов самого кагана пойдет на охоту, не вижу нашей

роли в этом мероприятии. Бедного альдебарана разорвут на котлеты, пожарят и сожрут прежде, чем он успеет заблестеть.

Огда сложил листик и драматично выдержал паузу.

– Столичный шаман, в общем-то, стал шаманом совсем недавно. Если быть точнее, официальное вручение титула проходит прямо сейчас в Зале Стихий.

– Что?!

– К нам в помощь его дальновидное святейшество прислал свою младшую дочь, Татимитрис. Она только сегодня закончила свое обучение у Ширмы и сейчас получает свое шаманское имя. Теперь она Тоша, Танцующая с дождем.

Койор раскрыл и без того нечеловечески широкие зеленые глаза от удивления.

– Тати? Малышка Тати?

Огда кивнул, улыбаясь еще шире.

– Верно, Тати, а точнее теперь Тоша. Плюс, привычного сопровождающего отряда воинов не предвидится. Великий каган хочет, чтобы его дочь в одиночку сразила альдебарана, чтобы доказать, что достойна носить звание шамана. Ты и я сыграем роль наблюдателей, наша задача оказать ей помощь, в случае если что-то пойдет не так.

– Пойдет не так?! – вспыхнул Койор, – конечно, все пойдет не так. Каган совсем кукухой поехал, отправлять нам свою малолетнюю дочь, вместо боевого отряда. Нам с ней нянчит-ся теперь, пока она играет в шамана?

– Все верно, мой козлоногий друг. Так что учись манерам,

нам предстоит провести время в приятной компании дамы.

– Что ты городишь, старик, как ты себе это представляешь?! Мне одному биться с восьмиметровым чудовищем? С бесполезным стариком и избалованным ребенком на шее?

Огда примирительно поднял ладони и рассмеялся.

– Ребенком ты видел ее давно, Койор, когда твои копытца были еще розовыми и мягонькими. Сейчас Тоше уже семнадцать, она выросла, расцвела, стала настоящей красавицей. Уверен, ты оценишь, или женщины тебя тоже не прельщают, как и мясо?

– Ты нас погубишь, старик, – сокрушительно произнес Койор, обхватив голову руками.

Огда ободряюще похлопал своего протеже по широкому плечу и протянул новую бутылочку.

– Не переживай ты так. Ты же знаешь Ширму, для нее сам каган не авторитет. Если даже такая вредная и принципиальная старуха решила, что Тоша достойна своего имени, значит, кое-что девочка уже умеет. И ее сила придется к нам очень кстати.

Койора слова старика особенно не утешили. Он помнил Тошу, как капризную маленькую девочку, которая любила мазать сопельки на его форму и со смехом убегать, когда он служил при дворце. Представить ее в роли такой могущественной сущности, как шаман ему, совсем не удавалось.

– Пусть Каган и не переживает особенно за своих детей. Это легко, когда у тебя их пятеро. Но, если Тоша или как там

ее теперь, погибнет на охоте, нас с тобой живьем сварят в кипятке и подадут на ужин каганским ирбисам. И не думай, что я приукрашиваю.

– Знаю, – задумчиво пробормотал Огда, – слышал о подобных... прецедентах. Его владычество не ведает милости к врагам.

– И? Какие варианты? Может уговорим девчонку не рисковать так сильно? Побудет тыловой поддержкой, кинет пару молний, пока мы с парнями разматываем животное.

– Приказы Кагана не обсуждаются, ты же знаешь, сирх. Расслабься, все будет отлично, я уверен в тебе. Ты же самый талантливый воин каганата. Уверен, тебя бы ждало большое будущее на Дармской заставе, воевал бы с дэвами, греб бы золото и славу.

– Да-а, – задумчиво протянул Койор, – там шансы выжить были бы точно выше, чем с такой миссией у меня здесь.

– Тоше же не зря дали такое звучное звание, – не заметив комментария, продолжил Огда, – Танцующая с дождем, надо же. Уверен, она получила власть над могучими стихиями, и кто знает, может даже стала самым сильным учеником сварливой Ширмы.

2.

– Ты самый слабый мой ученик! – в который раз уже повторила Ширма, – и, наверное, самый слабый шаман, которого я знаю.

Маленькая женщина, с властным голосом и надменным

лицом, с виду была совсем не страшной. Однако каждое ее слово вызывало неподдельный страх в окружающих учениках. Верховный шаман Ширма не выглядела на свои почтенные семьдесят два года. Ее выдавал лишь пронизанный опытом взгляд карих глаз, обведенный едва различимым ободом морщин и строгий пучок черных волос с галантным проблеском седины. Разумеется, не обошлось без магии и правильной диеты, но благодаря этому, Ширма сохранила внешность эффектной сорокалетней женщины, что регулярно подчеркивала, плотно облекая осиную талию своей мантией.

– Чем ты так разгневала своего великого отца, чтобы он поручил тебе такое задание? Или он так пытается действовать мне на нервы?

Тоша понуро стояла на одном колене, опустив плечи и выслушивала разгромную тираду о своих способностях уже битый час. Радости от получения заветного звания не было совсем. Утром Ширма загнала своих учеников в общий крепостной зал и громогласно объявила о своем решении. Никто из двенадцати учеников, конечно же, не удивился, что громкий титул, получила в итоге дочка кагана, что не могло не раздражать новоиспеченного шамана.

– Удивляйтесь, сволочи, – в гневе думала она, – дивитесь же, вы тут тухнете годами, а я достигла звания шамана за шесть месяцев. Неужели вы думаете, это из-за отца. Неужели никто совсем не верит, что я добилась этого сама.

– Это не из-за твоего отца, – громко произнесла Ширма,

когда впервые объявила о своем решении. – Я хочу, чтобы все собравшиеся тут ученики раз и навсегда зарубили себе на своих сопливых носах. В стенах Зала Стихий я и только я решаю судьбу своих учеников, ни Совет, ни Огда, ни Каган, ни сам святой Имраил не имеют надо мной власти. Даже если его владыческое великолепие соизволит прийти сюда со всем своим войском, чтобы убедить меня изменить свое решение, я превращу его и всю его августейшую свиту в камень и поставлю украшать свою уборную. Это всем понятно?

Ученики, робко зашептали слова согласия. В том, что их учителю хватит могущества исполнить свои угрозы, никто не сомневался.

– И если я решила, что Тоша достойна своего имени, значит так оно и есть! Встань, Танцующая с дождем и прими свою мантию.

Тоша медленно встала с колен и подошла к своей учительнице. Ростом она пошла в отца, высокая и стройная, с длинными черными волосами до пояса, бледной кожей и фиалковыми глазами. Нежное аристократичное лицо и ухоженные руки настоящей принцессы сильно отличали ее от замызганных, грязных учеников из обычных семей. В шаманы принимали всех, у кого проявлялся магический дар с раннего детства, вне зависимости от социального положения, однако получить заветную белоснежную мантию и новое имя удавалось очень немногим. Тысячи желающих так и останутся в серых ученических робах, их талант к магии, конечно

же, найдет свое применение и поможет построить достойную жизнь, но уважение и трепет, которые вызывали титул шамана, для них навсегда останутся закрытыми. Тоша аккуратно приняла мантию шамана, стараясь, чтобы дрожащие руки не выдали ее волнение. Она пыталась изобразить пренебрежительное равнодушие ко всему происходящему, но удавалось ей это с трудом. Мало кто из присутствующих, включая саму Ширму, знал, что идея стать шаманом и сразить опасного зверя, принадлежит самой Тоше. Тяга к магии и отвращение к монотонной, наполненной притворством жизни принцессы, вкуче с врожденными способностями, зародили в ней мечту, – посвятить свою жизнь стихиям и общению с духами. В день своего шестнадцатилетия, когда Великий Каган, устав разгонять бесчисленных ухажеров своей прекрасной дочери, объявил, что готов отдать ее замуж за достойного кандидата, Тоша, наконец, решилась. Перспектива быть проданной на утеху чреслам какого-нибудь престарелого короля, ей совсем не улыбалась. Каган, на удивление спокойно отпустил дочь, приняв несогласие с его решением.

– Эскортировать тебя никто не будет, – холодно произнес Великий Каган, в день, когда его дочь пришла просить об обучении у Ширмы, – придворные шаманы учили тебя много лет, с проблемами на дорогах справишься сама, особенно если планируешь получить такой высокий статус. Если ты погибнешь в процессе, значит такова цена твоего непослушания.

Тоша смиренно приняла все условия, выдвинутые отцом, и довольно просто и быстро добралась до речной заставы, где и начала свою квалификацию под руководством Ширмы. Те полгода, что она провела в компании простых забот и людей, понравились ей больше, чем семнадцать лет красочных пиров, которые организовывал отец. Там, в сверкающих дворцах, забитых под завязку лицемерами, люди выстраивались в очередь, чтобы выbleвать очередной пустой фальшивый комплимент ей или ее отцу. Жизнь, целиком устраивавшая ее великого родителя, но никак не соприкасавшаяся с ее собственным мироощущением. Здесь же, на краю цивилизации, в приречной заставе, она услышала оскорбления в свой адрес и ничем не прикрытую правду, горький вкус которой, к ее удивлению, ей даже понравился, в первый раз в жизни она почувствовала себя уязвимым живым человеком. Здесь Тоша услышала, что ее неземная красота, в принципе, очень даже земная, и что у мельниковой дочурки грудь значительно больше. А магические способности не такие уж и выдающиеся, половина учеников Ширмы одолели бы ее честным бою, буквально шелкнув пальцами.

– Ириска, моя лучшая ученица, испепелит тебя, просто шелкнув пальцами. Ты понимаешь это, Тоша? – словно услышав ее мысли, спросила Ширма.

Тоша медленно кивнула, нарастающее раздражение уже трудно было сдерживать. Ириска, взъерошенная девчушка, лет десяти, гордо вздернула носик и показала ей язык.

– Я бы дала ей звание Танцующей с пламенем, но она слишком юна. Ты здесь самая старшая по возрасту, но каждый из моих учеников имеет гораздо больший боевой потенциал, чем ты. Твои же боевые навыки, Тоша, никуда не годятся. Однако, звание я дала именно тебе, ты понимаешь почему?

– Папуля золотишка подкинул, – шепотом прыснул толстый светловолосый мальчишка, немногим старше Ириски.

Ширма слегка дернула пальцем и толстяка окружила плотная полупрозрачная сфера. Мальчик свалился на колени, выпучил глаза и схватился за горло.

– Я, кажется, предупреждала насчет подобных шуточек, особенно тебя, Ярил. – спокойно произнесла она. – В наказание, я убрала весь кислород из сферы, которой тебя окружила, но, уверена, ты это уже заметил.

Посиневший Ярил захрипел и попытался выбраться из плотного круга, но тот упорно следовал за ним, высасывая кислород из окружающего пространства. Остальные ученики потупили взгляд и старались не смотреть на задыхающегося собрата. Ярил был новеньким и еще не успел толком познакомиться со скверным характером учителя. Верховный шаман покрутила пальцем, сужая круг вокруг хватавшего ртом воздух ученика.

– Я могу душить тебя часами, непослушный мальчишка, а могу и прикончить прямо сейчас. В этом заключаются маленькие радости моей работы. Я верховный шаман, а вы мои

ученики, мои подопытные, мои рабы, если угодно. Я могу делать с вашими жалкими душонками все, что только пожелаю! Могу сделать из вас самых могущественных существ на планете, а могу скормить свиньям и в конце месяца получить за это солидную зарплату. Надеюсь, это все понимают?

Дети послушно кивнули. Ярил бессильно закатил глаза, его раздутые щеки налились кровью и, казалось готовы были лопнуть, мальчишка давно бы потерял сознание, но магия шара не давала ему это сделать.

– Впрочем, – пробормотала Ширма, – у нас на это нет времени.

Грозный учитель лениво махнула рукой, и мальчик исчез в яркой вспышке.

– Я телепортировала его на крышу, – успокоила она уже собравшуюся закричать Тошу, – Повисит трусами на флюгере пару часов и научится манерам. Я не убиваю своих учеников... без особой надобности. Впрочем, этот бесформенный тюфяк, с годами станет могущественным шаманом, Тоша. Того же я не могу сказать о тебе.

Тоша решила не вступать в полемику с той, кто так запросто телепортировал человека на добрых десять метров вверх. Такое сложное заклинание требовало исполнения полноценного танца и многих лет практики, Ширме же хватило легкого движения руки.

– Единственная причина, по которой я решила удостоить тебя звания, это твоя невероятная гармония со своей стихии-

ей.

Впервые за весь день, Тоша искренне улыбнулась. Несмотря на ежедневный разнос и унижения со стороны своего учителя, Ширма все же увидела то, что, как надеялась Тоша, будет ее преимуществом. Увидела и оценила.

– Я знала, что Вы увидите, учитель! – радостно выпалила она. – Иногда, мне кажется, знаете, я не хочу показаться странной, но иногда я почти уверена, что со мной говорит Дух и я...

– Даже не начинай, – резко оборвала ее Ширма, – Духи веками ни с кем не говорили и вдруг решили поболтать с тобой? С посредственным третьесортным шаманом? Лично я вижу зарвавшуюся избалованную девчущку, которая возомнила себя центром Вселенной!

Тоша покраснела от ярости, но перечить учителю не стала. Как бы Ширма ее ни костерила, но именно ее, выбрали в качестве шамана, значит есть причина.

– Итак, – немного успокоившись, продолжила верховный шаман, – ты умеешь вызывать дождь. Я бы сказала, ты вызываешь прекрасный дождь, в этом, пожалуй, тебе действительно нет равных. Даже я не смогу добиться таких чистых и насыщенных полезными минералами осадков, как ты. А я, поверь, могу добиться очень много. Такая гармония со своей стихией, действительно большая редкость. Это и только это позволит тебе вступить в наши ряды. Я назначу тебя в аграрный отряд у озера Голубые хребты, попробуешь начать там.

– Аграрный отряд?! – возмутилась Тоша, – Вы меня огурцы поливать отправляете?!

– Девочка, – на удивление мягко сказала Ширма, – ты не воин. Шаман аграрного типа большая редкость, поэтому ты будешь ценным кадром, внесешь свой вклад в избавлении нашего каганата от голода и болезней. Тебе известно, сколько районов в стране страдает от засухи?

Тоша собралась спорить, но верховный шаман жестом заткнула ее.

– Мое решение неоспоримо! – привычным жестким тоном отрезала Ширма, – Что касается твоего безумного задания, Огда со своей шайкой головорезов сами разберутся. Я напишу письмо твоему сумасбродному отцу, что присваиваю тебе звание и без всякой там охоты на монстров.

– Я сделаю это сама, учитель! До поездки сюда, я долгое время тренировалась, столичные шаманы годами меня натаскивали и я, я смогу...

– Вызвать дождь? – насмешливо перебила Ширма. – Чтобы альдебаран простыл? Или ты хочешь утопить его? Животинка так-то метров семь в высоту, много времени займет.

– Я сразу его молнией, – прошипела, уже переставшая скрывать ярость Тоша, – а потом принесу Вам его зажаренный труп!

– Я не ем мясо, Танцующая с дождем, и тебе не следовало бы. Мы, шаманы, живем в гармонии с природой, ее стихиями и ее обитателями. И если ты собралась убить бедное жи-

вотное, чтобы что-то, кому-то доказать, то возможно, ты не достойна носить эту мантию.

По сверкнувшим угрозой глазам, Тоша поняла, что верховный шаман не шутит. Она покорно поклонилась и прижала покрепче к себе заветное одеяние. Ширма, заметившая это, раздвинула уголки губ в легкой улыбке.

– А теперь иди, Тоша. Я нарекла тебя шаманом и теперь мы равны в статусе. Как старшая по званию, я вправе назначить тебя в любой отряд нашей необъятной страны, но... – Ширма немного помедлила, – на твое личное время влиять не вправе. Теперь ты полноправный шаман и вправе делать то, что тебе заблагорассудится. Я лишь настоятельно прошу уважить своего старого учителя и помнить о границах собственных возможностей. Не погуби себя раньше срока, девочка, в жизни есть много вещей, которым можно себя посвятить.

Тоша в третий раз сдержанно поклонилась, все ее мысли теперь кружились только вокруг ее нового статуса. Она быстро забежала за колонну в зале, стащила с себе ненавистную серую робу и натянула прохладную белую мантию. Конечно, в своих мечтах, она представляла церемонию облачения несколько более эпатажной, чем возня в темном углу зала, под смех детишек, но ей уже не хватало терпения. Мантия легла плотно, словно вторая кожа, при этом совершенно не ощущаясь в весе, Тоша на секунду почувствовала себя совершенно голой, но все же эффект был поразитель-

ный, она сразу почувствовала небывалый прилив сил. Модные зигзагообразные вставки по бокам мантии из мягкого красного материала, приятно завибрировали при соприкосновении с кожей, она почувствовала покалывание на кончиках пальцев, синие искорки легкой рябью пробежали по ее телу, снимая все раздражение и усталость, накопившееся за эти дни.

– Магия, – ахнула Тоша

– Конечно магия, – чванливо отозвалась Ширма, – или ты думаешь, шаманы носят портки из камыша. А теперь ступай, пока мои ученики не полопались от зависти. Ириска вон взорвется сейчас, уже паленным запахло.

Тоша с пафосом вышла в центр зала и не удержалась от взгляда на дрожащую от злости Ириску.

– Прочь с дороги, мелочь – с победной улыбкой гордо произнесла Тоша.

Ириска заскрежетала зубами, но все же согнулась в нелепом поклоне.

– Как прикажешь, шаман, – прошипела она и отошла в сторону.

Тоша триумфально двинулась к выходу, покачивая длинными рукавами. Шаман, думала она, теперь я шаман. В это верилось с большим трудом. Казалось бы, только вчера ей было восемь лет, и она тщетно кривлялась, пытаясь вызвать хотя бы небольшую капельку влаги с небес, как вдруг сегодня, она здесь, в Зале Стихий, и один из самых знаменитых

шаманов в истории, вручает ей статус ее мечты, пусть и с порцией унижений и оскорблений, но каждый должен с чего-то начинать. Белая, словно первый снег мантия, отметила она про себя, в тандеме с черными шароварами и красными вставками, смотрелась очень стильно. Возможно, она стоит у истоков нового писка моды. Мантия отлично легла вплотную по ее красивой фигуре, видимо плотность и длина фиксировалась, так как Ширма, предпочитала носить мантию свободно, выделяя только талию. Свежеиспеченный шаман повернулась к Ширме и ее ученикам.

– Спасибо за все, учитель! Я обязательно добьюсь высот и не посрамлю свое новое имя! – крикнула она, помахивая рукой.

Верховный шаман Ширма, на удивление тепло улыбнулась и молча махнула в ответ. Тоша вдруг поняла, что ей действительно будет не хватать этого места и всех этих вреднющих детишек. Возможно когда-нибудь, когда она сама станет верховным шаманом, она вернется сюда, чтобы выпить чаю со своей старой учительницей, кто знает, возможно даже, как с равной себе. Разумеется, для этого придется сильно попотеть. Послужной список Ширмы был завидно длинным и включал в себя переломные победы в битвах, как минимум в двух войнах и изобретение лекарства от древесной кори, которая месяцами косила население страны. Во всем каганате только она и еще с десятков человек имели право присуждать звание шамана. Такого права не было даже у само-

го кагана. Если бы не ее ужасный характер, она бы и по сей день бы оставалась в статусе верховного придворного шамана. Однако из-за своего нежелания помогать Его владычеству, в кровавых карательных экспедициях против мирного населения, она была разжалована. А отказывала Ширма, как правило, в яркой и очень грубой форме, обычного шамана за такую дерзость бы давно разорвали лошадьми, но с учетом давних заслуг, каган отправил упрямую старуху в эту глухомань, чтобы она посвятила остаток своих дней обучению детей.

Тоша чинно, как и полагалось ее новому статусу, направилась к выходу, хотя ее распирало желание бегом отправиться за пределы крепости и испытать свои способности. В том, что ее новое одеяние было пропитано магией, сомневаться не приходилось, она чувствовала себя такой сильной, словно была способна затопить целый континент. Тоша обернулась, чтобы в последний раз с признанием взглянуть на Ширму, как вдруг увидела что-то странное. Под крышей купола образовалась яркая точка ослепительного белого света, которая быстро расширялась. Верховный шаман Ширма стояла прямо под источником света, но совсем не замечала его, продолжая медленно махать Тоше вслед. Слишком медленно, ее рука рассекала воздух, словно он был из тягучей патоки. В памяти резко всплыли неприятные воспоминания из детства: Тоша играет в догонялки с юными кухарками, внезапно отступает и падает вниз с крутой лестницы, она летит вниз,

ее тонкая шейка выгибается под опасным углом, острие копья, в руках стражника, спящего внизу, быстро приближалось, еще немного и оно взрежет ее нежную кожу. Она погибнет, так и не став шаманом, а бедного стражника казнят за халатность, и, вероятно, всю его семью. Великий каган не славился милосердием. Однако копьё вдруг остановилось, Тоша удивленно смотрела на застывшие в ужасе лица маленьких кухарок и на собственные ножки, болтающиеся в воздухе, а к ее пяткам медленно приближалась чья-то волосатая рука. Краем глаза Тоша увидела молодого солдата с копытами, вместо ног, который с бледным от испуга лицом тянулся к ней. Койор поймал малышку, зацепившись правым копытом за перила лестницы и бесцеремонно перекинул обратно. Принцесса Татимитрис ойкнула, упав на попу, но тут же поднялась и пнула своего спасителя.

– Аккуратней надо, я же принцесса! – взвизгнула шестилетняя Тати.

Койор повернулся к ней, на его покрытом испариной лице кипел плохо сдерживаемый гнев.

– Может ее величество соизволит больше не бегать, по таким крутым лестницам, – стиснув зубы, проговорил он.

– Не соизволит, бывай козлик.

Тоша показала ему язык и побежала вниз, мгновенно забыв о случившемся. Последующая грязная ругань молодого солдата потонула в тумане воспоминаний. Сейчас, стоя в Зале Стихий, смотря на этот яркий огонек, она вдруг поня-

ла, в какой смертельной опасности находилась. Тогда, в момент возможной гибели, время замедлило свой ход, замедлило точно также, как и сейчас. Все инстинкты резко обострились и завопили об угрозе. Яркий свет уже залил весь купольный потолок, казалось небольшое солнце разгоралось прямо посреди зала.

– Взрыв, – пронеслось в голове Тоши. – Прямо сейчас здесь образуется взрыв, шар из огня и горячего газа, который убьет ее и всех тех, которые по-своему стали ей близки за прошедшие полгода. Прямо сейчас, – подумала она, – я умру.

Пламя от взрыва такой силы сожрет ее идеальную кожу, как сухой пергамент, останутся только обугленные кости. Тоша резко одернула себя. Нет, так глупо она не погибнет, не в первый день ее шаманства. Никто сегодня не погибнет, она теперь шаман, она шаман! Она сможет защитить их всех, нужно только сотворить что-то великое, по-настоящему шаманское!

«Вызвать дождь?», – пронесся в голове насмешливый голос Ширмы.

– Смейся, старуха, – подумала Тоша, – посмотрим, как ты запоешь, когда увидишь мой защитный барьер.

Она сможет, она спасет и себя и всех остальных. Нужно только поставить барьер. Базовое-то, в принципе, заклинание, она сможет, вот только тело совершенно перестало ее слушаться. Тоша махнула руками мельницей, скрестив ват-

ные ноги в первом движении и время возобновило свой ход. Яркий свет мгновенно разросся и заполнил собой все пространство.

– Имраил, Иебор и Трекасса, – прошептала Тоша, начиная танец.

Раздался мощный взрыв. Своды крыши Зала стихий вздулись и разорвались, открыв звездное небо. Кирпичи и камни распались на осколки и ринулись во все стороны вниз, словно тысячи каменных кинжалов. Тоша не успела закончить даже первый шаг, как свет поглотил ее и все окружение, разбивая сознание на мельчайшие крохи. Шаман почувствовала острую боль в виске, там, где был свет, осталась только тьма, верх поменялся с низом, право, стало левым, а лево осталось ничем, пустотой, темным обезличенным местом.

– Никого не защитила, – промелькнула у нее в голове тающая мысль.

Танцующая с дождем потеряла сознание.

3.

Продвигался отряд довольно быстро, не смотря на редкие остановки. Раохар давал время своим бойцам время продышаться и выветрить остатки алкоголя. Твердо решив со всем управиться до следующего утра, вождь с братом пинками собрали лучших бойцов из отряда Калькаты и отправились задолго до того, как восточный край неба озолотился первыми лучами солнца. Всего шестнадцать человек в традицион-

ных лоскутных меховых доспехах, вооруженные до зубов, с запасными колчанами, они походили на гигантских опасных ежей, ощетинившихся сотней стрел каждый. Двигались ровным клином, бесшумно пересекая проселки, чащи, обходя ареалы обитания зверей по широкой дуге, Раохару не нужны были лишние задержки. Шли максимально скрытно, что вызывало двойственные чувства в душе вождя. Еще недавно они ходили вразвалочку по этим тропам, не боясь открыто показаться перед часовыми северного клана. Сейчас же, скрыв свое присутствие, они тенями скользили среди высокой травы и заметить их могли разве что охотники искуснее их самих. Несмотря на молодой возраст и отсутствие меток тотема у людей Калькаты, в одном Раохар был уверен. На всем белом свете не было охотников искуснее выходцев из его селения. Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы тени потеряли свою эффективность, отряд перешел быстрый бег и уже через два часа, они достигли приграничной территории северного клана. Граница четко виднелась, благодаря резкому переходу от плоского, бедного на растительность, луга к буйно растущим кустарникам знаменитой черники, насыщенный вкус которой и прославил их лес на весь мир. Путешественники и искатели приключений стягивались в Черничный лес со всего света, в попытках вкусить заветный плод, но чаще погибали в когтях зверей, так и не добравшись до ягод. Благодаря все еще низкой температуре воздуха, кусты были увешаны крупными, сочными ягода-

ми черники, переливающимися цветом ночного морозного неба. Раохар позволил себе некоторую вольность, зачерпнул полную горсть черники и опрокинул в рот. Яркий вкус пробурился в горле и освежающей бодростью разлился по телу вождя, мгновенно улучшив настроение. Вождь жестом отдал указ и отряд скрылся в спасительной листве черники. Продвинувшись на север еще немного, Раохар почувствовал запах готовящейся пищи, свидетельствующий о скором приближении к обжитым местам северного клана.

Кальката втянул воздух носом и кивнул, подтверждая догадки брата. Раохар осторожно двинулся вперед, возглавив клин охотников, попутно стараясь уловить в витающем аромате нотки хмеля. Он надеялся, что люди из северного клана, по старой традиции сварят на ночь пива и вылакают несколько котлов, что значительно снизит их боеспособность. Если все же разразится битва, он и его бойцы смогут легко одолеть пьяных и не особенно умелых соседей.

Вскоре показали первые признаки цивилизации: растяжки и силки, поставленные на мелкую дичь. Раохар с удивлением и растущим беспокойством замечал в ловушках маленькие тельца кроликов. Тушки пролежали тут почти сутки, уже начав разлагаться. Непозволительно долгий срок для опытного охотника. В суровых условиях Черничного леса, кроличье мясо считалось настоящим деликатесом, никто из охотников никогда бы не оставил такое лакомство червям. Либо северный клан и правда вусмерть упился, либо произо-

шло что-то действительно страшное. Раохар глазами указал Калькате на кроликов и тот нахмурился, мгновенно поняв всю серьезность ситуации.

– Хороши дела у северных, если столько мяса в силках гнить оставили, – пробормотал Кама, невысокий, но крепко сбитый охотник из отряда Калькаты.

Кальката не оборачиваясь отвесил смачную оплеуху подопечному. Брат вождя свирепо взглянул на свой отряд и приложил указательный палец к губам, затем подошел к Раохару и наклонился к его уху.

– Нужно сходить на разведку, Рах, – неслышно шепнул Кальката, – тут что-то не так. Иди ты, только барахло оставь, на моих бездарей полагаться нельзя. Или может мне сходить?

Раохар улыбнулся и покачал головой.

– Я сам, братишка, в тебе грации, как в трехлапом бегемоте.

Раохар жестом подозвал Каму, все еще обиженно потиравшего затылок и вручил ему лук. Колчан со стрелами он отдал Калькате, кинжал охотнице Аридке, красотке с нефритовыми волосами, а метательные ножи ее брату Вольпе, который, в противовес своей сестре был редкостным уродом, но обладал выдающимися боевыми навыками. Теперь снаряжение вождя было в надежных руках. Довольный своим выбором, Раохар удовлетворенно кивнул и с удовольствием размялся. Будучи разгруженным, он мог быстро и бесшумно

передвигаться по обширной площади, не вступая в бой, если таковой предвидится.

– Туда и обратно, брат, – прошептал Кальката, – увидишь кого, не геройствуй, сразу обратно, мы прикроем.

– Я все еще самый дееспособный охотник селения, братишка – ослабился вождь, – ты лучше за сосунками своими присмотри.

Раохар прижался лбом ко лбу Калькаты на прощание, затем показательно быстро нырнул в чащу и с большой скоростью скрылся из виду, заставив остальных охотников невольно охнуть.

– Что это было, он словно исчез! – громко воскликнул Кама и тут же получил еще одну оплеуху от Калькаты.

Раохар пробежал в таком темпе еще две сотни метров, пока не скрылся из виду, после чего остановился, тяжело дыша. Пот обильно струился по заросшему бородой лицу вождя, впечатлять молодежь своим эффектным исчезновением становилось с годами все сложнее, все-таки техника волчьего бега требовала поистине огромных усилий. Переведя дух, вождь быстрым шагом двинулся в сторону селения. Запах жарящегося мяса становился все более ощутимым и резким, и все менее приятным, кто-то явно передержал молодого бычка на огне. Первая весенняя трава приятно пружинила под ногами, и Раохар быстро достиг пункта назначения. Раздвинув листья папоротника, вождь увидел широкую поляну, до самой линии горизонта утыканную нелепыми домиками,

с покосившимися круглыми дверями, стены и крыши которых были построены из соломы, костей и гигантских веток. Входы в жилища украшали небольшие статуи из затвердевшей глины, птичьего помета и вороньих черепков, тут и там стояли каменные чаны с подозрительной синей жижей, на спиленных ветках исполинского вяза сушилась яркая одежда из крашенного войлока и черных перьев, предназначенная для ритуальных празднеств. Северный клан. Раохар добрался. Вождю не составило труда понять, что драться с сумасшедшими соседями ему уже не придется. Следы были тщательно скрыты, но по мельчайшим отверстиям в стенах домов, примятой траве и окончательно не выветрившемуся запаху крови, Раохар понял, что недавно тут была жестокая битва. Судя по повисшей мертвой тишине, весь северный клан был истреблен или взят в плен неизвестным противником. Вождь оценил обстановку, битва была короткой и эффективной, в принципе битвой он бы это даже не назвал. Захватчики быстро напали на вероятно, еще сонных, охотников северного клана и вырезали половину из них, еще до того, как те проснулись. Судя по характерному запаху содержимого котлов, в пиво северного клана подсыпали экстракт синего бадана, который обладал мощными седативными действиями. Хлебнув такого пойла, человек не проснулся бы, даже если бы его медленно жарили на решетке. Тех немногочисленных, кто бодрствовал, вероятно женщин, детей и нескольких часовых, хирургическим методом убрали,

быстро перерезали глотки или застрелили из луков. Стреляли беспорядочно, о чем свидетельствовали многочисленные отметины на домах и предметах быта, было отдано предпочтение скорости зачистки, нападавшие сильно торопились. После чего все трупы убрали, кровь смыли, стрелы повытаскивали и тщательно навели порядок вокруг. Быстрая, качественная, вопиюще бесчестная, но эффективная военная операция. Раохар поймал себя на мысли, что он бы провел зачистку точно также.

Вождь волчьим бегом переместился в тень ближних домов и бесшумно двинулся вглубь территорий клана. Миновав еще несколько десятков кривых домиков, образующих своего рода небольшую улочку, вождь добрался до центрального проселка, где и увидел первые трупы. Около четырех десятков окровавленных тел были разбросаны по заросшему волчьей ягодой пустырю. Тут, судя по всему и состоялось основное сражение. По иронии судьбы именно здесь находилось кладбище северного клана. Северяне предпочитали хоронить своих умерших прямо в земле, предварительно завернув тела в цинковые полотна. Раохар всегда находил этот обычай диким или как минимум необычным. Он сам и жители его селения предпочитали предавать павших собратьев огню на почетной, и по-своему красивой, церемонии, чем обрекать на многолетнее гниение в земле. Начиная с этого участка, что-то пошло не по плану, и филигранная ликвидация северян стала невозможной. Разразилась нешу-

точная сеча, о чем свидетельствовал характер ран на охотниках. Люди буквально рвали друг друга на части зазубренными лезвиями. Раохара бросило в холодный пот, когда он осознал, что все оружие, использованное на телах северян, северянам же и принадлежало. Вождь огляделся вокруг. В высокой траве действительно обнаружились разделочные ножи со страшными лезвиями, по форме напоминающие изогнутые пилы. Не самое эффективное оружие ближнего боя, тем не менее, было самым популярным среди северян. Других клинков или даже стрел на поляне не наблюдалось. Цепь событий с щелчком восстановилась в голове Раохара. Кто-то напал на северный клан, предварительно усыпив добрую половину селения с помощью снотворного, подмешанного в пиво. Оставшиеся же северяне поубивали друг друга в крайне жестокой манере. Вождь охотников потер лоб, не в состоянии понять происходящее. Тут его внимание привлек один из северных охотников, который, в первый осмотр казался мертвым, теперь же Раохар увидел, что тот вполне себе жив. Северянин, пожилой бородатый мужчина с разбитыми в кровь руками, сидел, прислонившись к камню и смотрел в пустоту. На его коленях лежал труп женщины, которую он гладил исступленно по волосам. Ее тело было полностью покрыто кровью, что не давало возможности толком разглядеть погибшую. Вождь решил, что информация сейчас дороже излишней осторожности и быстро приблизился. К тому же, вид у северного охотника был совсем не враждебный,

скорее тому нужна была помощь. То, что Раохар принял издалека за пышную бороду, оказалось засохшее пятно крови, растекшееся по нижней части лица и шее мужчины. Охотник заметил Раохара, но даже не потрудился повернуться в его сторону. Он по-прежнему выглаживал слипшиеся от крови волосы женщины, бормоча что-то невнятное.

– Что здесь произошло? – тихо спросил вождь.

Северянин все-таки удосужился посмотреть на Раохара. Старый охотник легонько вздрогнул. Взгляд у его собеседника был пустой и равнодушный, словно из него высосали душу, а лицо превратили в одну большую гематому.

– Теперь все хорошо, – вялым голосом ответил охотник, – она, наконец-то молчит.

– Она? Ты про эту женщину?

– Да, это моя соседка. Эй, болтушка, поздоровайся, у нас гости, – позвал охотник, приподнимая голову женщины.

Раохар пропустил удар сердца от шока. Женщина была еще жива, но наверняка жалела об этом. Губы несчастной были намертво сшиты стальной леской, на которую обычно удили крупную рыбу. Этой же леской ей пробрили оба запястья и голени, обмотав все тело, полностью обездвигив. Затягивали туго, леска прошила кожу, прочно врезавшись в мясо. В таком состоянии, она была, как минимум сутки, о чем говорило начавшееся загноение ран по всему телу. Северянка взглянула на вождя налитыми кровью глазами и слабо промычала. Не нужно было обладать развитой дедукцией,

чтобы осознать, какую боль она испытывала в тот момент. Раохар среагировал моментально, отдавшись во власть порыву. Вождь ударил северянина тыльной стороной ладони по лицу и вырвал бедную девушку у него из рук. Северянка застонала от боли. Вождь охотников перенес ее плоский камень и быстро разрезал леску, попавшимся под руку ножом. Раохар принялся осторожно вытаскивать леску, прекрасно понимая, что раны и запущенное заражение крови оставляли мало шансов девушке на выживание. Вождь охотников краем глаза следил за северянином, который продолжал также безучастно смотреть на происходящее, уже с разбитым носом.

– Что ты делаешь? Она же так хорошо молчит, – укоризненно пробормотал охотник.

– Что я делаю? Что ты с ней сделал?! – яростно прошипел вождь.

– Я охотник. Охочусь в основном по ночам, на ночных лемурув. У них теплая шерсть, мускатного цвета.

– Что?! При чем здесь это?

– Как это при чем? Я охочусь по ночам, что неясного? – с легким раздражением произнес северянин, – мне бы выспаться днем, а соседка моя постоянно болтает с подружками по утрам. «Бу-бу-бу, бу-бу-бу» под моим окном, уже сил никаких не было.

– И поэтому ты зашил ей рот?!

– Эффективно, да? И ноги ей тоже сшил, а то громыхала

своими лапищами, кобыла затраханная. Я уж думал отрезать себе уши, только чтобы не слышать ее.

Северянин вдруг осекся и хлопнул себя по лбу со счастливой улыбкой.

– Слушай, а точно, – довольно пробормотал он, вытаскивая зазубренный нож из-за пояса, – как это я сразу не догадался. Так долго возился с ее граблями, а ведь можно было решить все проще.

Раохар не успел его остановить. Охотник схватил себя за ухо и отточенным движением мастера-разделочника, оттяпал себе левое ухо.

– А-а-а-а! – взвыл охотник и закатался по земле, размазывая по траве собственную кровь, – сука, как же больно-о-о! Стоп! Почему я все еще слышу? Почему я слышу? Ах, да, точно. Второе же ухо есть. Счас исправим.

В этот раз Раохар все же вмешался. Он прыгнул вперед, выставив колено, перенеся центр тяжести на правую ногу. Очень болезненный и тяжелый удар, Раохар часто использовал его, чтобы лишить противника чувств. Удавалось всегда, удалось и теперь. Охотник отлетел назад, получив еще раз в свой многотрадальный нос и отключился. Второе ухо он все же сохранил.

– Великий Имраил, что здесь произошло, – прошептал вождь охотников.

Словно отвечая на его вопрос, сзади неслышно поднялась на колени израненная девушка и схватилась за нож, остав-

шийся в земле, прежде, чем вождь успел среагировать.

– Спасибо, – с трудом прошептала она сшитыми губами.

Северянка вонзила зазубренное лезвие себе в горло и резко дернула рукоять. Ошарашенного вождя окропило кровью с ног до головы. Он бессильно наблюдал, как девушка падает на землю и сотрясается некоторое время в предсмертной агонии, прежде чем навсегда застыть.

Последние капли крови опали на траву. Повисла тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием шокированного охотника. Раохар стиснул зубы и попытался проанализировать ситуацию. Пока ни один из вариантов, возникших в голове, не мог объяснить театр кровавого абсурда, который перед ним разворачивался. Времени было в обрез. Он уже должен был возвращаться к своим людям с отчетом, но ответов пока не было. Запах жареного мяса становился все сильнее, и вождь не придумал ничего лучше, чем отправится посмотреть на его источник. Он быстро покинул кладбище, стараясь не оборачиваться и двинулся дальше вдоль улицы. Охотник решил сократить путь и взобрался на невысокий травяной холм, нависавший над всем селением. Отсюда открывался отличный вид на главную площадь северного клана, где они устраивали все свои наиболее значимые ритуалы.

Тут, прямо возле каменного кургана, взору вождя предстало ровно то, что он и ожидал увидеть: порядка полутора сотен трупов, беспорядочно сваленных в огромную кучу. Мужчины, женщины и дети, с раскрашенными лицами, разо-

рванными клинками горлами, со сломанными шеями, пробитыми черепами и выколотыми сердцами. Бежевая клановая одежда из натурального хлопка, которой так кичились северяне, висела на трупах чернеющими багровыми тряпками. Их убивали быстро и безжалостно. Видавшего виды Раохара пробило в пот. Он видел войну с самой ее ужасной и темной стороны, но с такой бесчеловечностью он столкнулся впервые. Не пощадили даже младенцев, окровавленные грязные кулечки с изувеченными личиками были демонстративно сложены в отдельную кучку, словно мешки с мусором. Некоторых, как с растущим гневом, отметил Раохар, забивали насмерть голыми руками. Вся гора из тел была обильно облеплена трупными мухами, почва вокруг так пропиталась кровью, что образовала небольшое озеро. Неподалеку от ужасной братской могилы догорали несколько десятков странных существ, охваченных фиолетовым пламенем. Твари были ростом значительно выше среднего человека, обильно покрытые шерстью, слегка сгорбленные, с выдающейся вперед челюстью, с длинными острыми клыками и когтистыми лапами. Из черепа, над заостренным ушами, торчали короткие, похожие на козы рожки. Прямо в черный мех были вшиты костяные наросты, видимо служившие своего рода доспехом. Раохар не без труда узнал в тварях дэвов, которых не видел со времен войны. Воевать с ними пришлось ему лишь раз, но впечатление осталось неизгладимое. Детально трупы разглядеть было невозможно, из-за огня, пожиравше-

го плоть монстров. Запах горелого мяса смешивался с трупным запахом разложения от кучи тел, создавая чудовищную комбинированную вонь. Огонь магический, это Раохар понял сразу, такой мог гореть неделями, медленно сжигая свою цель, причиняя невыносимую боль. Действительно ужасающее заклинание. Вождь взглядом начал искать шамана, который его сотворил и почти сразу же нашел. Шаман Тотока был привязан веревкой к двум широким деревянным перекладинам, на которых селяне обычно вялили мясо. Из его ладоней торчало по кинжалу, струящаяся из ран кровь уже успела свернуться, что говорило о том, что он висит тут давно, да и в целом, вид вождя северного клана оставлял желать лучшего. Абсолютно голый, истощенный, лишенный одного глаза и большей части зубов, Тотока, свисал с перекладины, но был на удивление все еще жив. Седой старик с изможденным лицом смотрел на то, что осталось от его сородичей и из единственного уцелевшего глаза непрерывно стекали слезы, перемешанные с кровью. Раохар подавил в себе желание броситься на помощь к старику. То, что шамана оставили в качестве приманки, догадаться было несложно. Раохар еще несколько долгих секунд принимал решение, после чего все же решился вернуться к отряду. Без оружия и подмоги он не хотел рисковать соваться в очевидную ловушку. Вождь уже собрался ретироваться, как вдруг, на площади возник незнакомец. Материализовавшись словно из воздуха, незнакомец в полном латном доспехе вальяжно прошел

к месту, где висел искалеченный шаман. Раохар замер в напряженном ожидании, его сердце сильнее забилося, напомнив ему о запретном чувстве, от которого он отказался многие годы назад. Страх. Что-то в человеке, внезапно появившемся на площади, вызывало в Раохаре это неприятное громоздкое, липкое чувство, вкус которого стал ему совершенно чужд. Настораживал как минимум тот факт, что незнакомец появился бесшумно, что для чуткого слуха Раохара было невозможно, особенно с учетом массивного обмундирования пришельца. Рыцарь был высоким, гораздо выше вождя, на нем был необычный тяжелый доспех безупречно белого цвета, горжет, юбка, наручи и саботон были украшены сложным узором из белых стальных когтей. Тяжелый шлем, в форме закрытого барбюта, был также украшен когтями. На шлеме полностью отсутствовали прорези, оставляя загадкой, как незнакомец говорил или даже дышал. Вождь вдруг ощутил легкое неприятное жжение в затылке и невольно потянулся рукой к голове. Небрежной легкой походкой, громко бряцая своими латами, рыцарь подошел к Тотоке. Двигался он так легко, слегка подпрыгивая, словно на нем не было доспеха, весом в добрые полтонны. Подойдя к шаману, рыцарь покачал головой, словно сокрушаясь, затем безошибочно повернулся в сторону, где прятался Раохар и помахал ему рукой.

– Можешь не прятаться, друг, выходи, – глухо произнес незнакомец.

До Раохара было добрых двести метров, но казалось, что низкий голос рыцаря звучит совсем рядом. Вождь ощутил, как все чувства обострились и забили тревогу, а своим инстинктам он доверял. Незнакомец был опасен.

– Можно было бы и не напрягаться со всем этим спектаклем, – продолжал бубнить рыцарь из-под шлема, – ты пришел за смертью по собственному желанию.

Раохар вышел из высокой травы на свет и взглянул на оппонента. У рыцаря также отсутствовало оружие, что давало определенное преимущество, если дело дошло бы до драки.

– Кто ты? – спокойно спросил вождь

– Злодей – рассмеялся рыцарь, – хотя, конечно, как посмотреть. Возможно, я самый настоящий герой!

– Зачем ты убил всех этих людей?

– Ты мне льстишь, охотник. Вырезать триста человек и остаться безукоризненно чистым, пожалуй, слишком круто даже для меня.

Рыцарь любовно погладил перчаткой блестящий панцирь, имитировавший гипертрофированную мускулатуру, впрочем, чтобы легко двигаться в таком доспехе, он действительно должен был обладать невероятной физической силой. Тотока захрипел и вытаращился на незнакомца, в его единственном глазу загорелись одновременно ненависть и безграничный ужас. Раохар заметил, что языка шамана тоже лишили, вырвали щипцами и прижгли, чтобы он не умер от

кровопотери.

– За что ты так с бедным Тотокой? – спросил вождь.

– Я ничего ему не сделал. Кстати, такой опасный дед, смотри, сумел спалить всех моих дэвов, они мне, вместо домашних питомцев.

– А язык вырвал ты ему забавы ради?

– Ты не слушаешь, друг, – вздохнул под шлемом рыцарь, – я не трогал его. Я вообще только сейчас пришел сюда, что ты пристал ко мне.

– Кто сделал это с ним?

– Люди, конечно же, кто еще способен на такую жестокость. Не то, чтобы я осуждаю, но такой маниакальный подход напрочь лишен эстетики.

Раохар сощурился, пытаясь разглядеть лицо оппонента за сплошным забралом.

– Что ты там несешь, ты не человек?

Рыцарь воздел руки к весеннему солнцу, которое уже начало порядочно припекать.

– Нет, – протяжно произнес незнакомец, – к счастью, не человек. Хотя, определенные преимущества у вас есть. Например, вкусовые рецепторы. Интересно, каков на вкус яблочный пирог. Или пирожное со сливочным муссом. Знал

ли я это когда-то?

– Ясно.

Раохар слегка присел в ногах и откинулся, чтобы принять позу низкого старта.

– Что такое? Драться со мной собрался? – усмехнулся рыцарь.

– Да.

– И почему же? Потому что я не человек?

– Если ты не человек, значит ты мимикр, доппельгангер или любая другая сволота дрянная. В любом случае, нелюдь.

– И? Поэтому меня надо убить? Вот за что я люблю людей, так это за справедливый прагматизм. Неужели для светской беседы я обязательно должен быть человеком? Ты чувствуешь себя уверенней, если я такой же жалкий, болезненный, хлюпающий мешок слизкой плоти? Бьющийся в агонии лет так сто, если повезет, потом в сырую землю, червей кормить. Бр-р-р.

Рыцарь обхватил свои массивные плечи и изобразил дрожь.

– Вот это перспективы, вождь. Если бы о этом предупреждали ваших новорожденных, они бы в ужасе залезали обратно в чрева своим матерям.

Раохар не ответил, но весь его вид излучал крайнюю враждебность.

– Хорошо-хорошо, я понял, давай попробуем, – пожал плечами незнакомец.

Рыцарь подобрал с земли труп молодого юноши и схватился за его затылок. Недовольно ворча про слишком крепкие кости, он оторвал голову парнишки с легкостью, с которой фермер вытаскивает репу из чернозема. Обильного кровотечения не было, кровь уже успела свернуться. Рыцарь повернул оторванную голову лицом к Раохару и схватил ее за щеки.

– Здравствуй, вождь, как твои дела? Теперь тебе комфортно разговаривать со мной, глядя на мое новое человеческое лицо? – спросил рыцарь, двигая губами трупа в такт своим словам.

– Тварь! Что ты делаешь?! Что ты себе позволяешь?! – прохрипел вождь, – я убью тебя, – пообещал Раохар звенящим от ярости голосом.

Рыцарь громко рассмеялся, его смех, усиленный акустикой шлема, разнесся по всему селению. Смех был искренний словно вождь рассказал действительно смешную шутку.

– Громкие слова для безоружного старика в меховых тряпках, – не переставая хохотать, сказал рыцарь, – нет, я все понимаю, конечно, вы охотники, серьезные парни, все дела. Но убить меня?

Незнакомец небрежно выкинул голову, согнулся в глухом смехе, после театрально стряхнул несуществующую слезу с забрала и укоризненно погрозил пальцем. Несмотря на все манипуляции с телом, он умудрился не запачкать доспех кровью. Вождь тем временем оценивал свои шансы. Раохар,

будучи все еще очень ловким, не проиграл бы в рукопашном бою один на один с неуклюжим на вид трехметровым верзилой, закованным в толстостенную броню. Тем не менее, вождь был достаточно опытным воином, чтобы оценивать силу противника, не вступая с ним в бой. И в данный момент, от этого верзилы веяло невообразимо высоким уровнем угрозы. Все, что вождь хотел, это немного потянуть время. Если бы он, Раохар, не вернулся бы к Калькате в течение получаса с отчетом, брат вождя по установке должен был отправиться следом со всем отрядом. Так, имея за спиной отряд матерых, вооруженных до зубов охотников, можно было бы думать и о спасении бедного шамана.

– Ладно, я подыграю – развел руками рыцарь, – все равно, не болтал ни с кем... не знаю сто, двести, может тысячи лет. Там, внизу, теряешь счет времени.

Здоровяк, демонстративно пнул от себя труп молодой женщины из северного клана и присел на освободившееся место в позе лотоса. Его громоздкий на вид доспех оказался на удивление гибким, позволив владельцу без проблем скрестить ноги. Тело северянки пролетело добрых шесть метров и с ужасающим хрустом расплющилось об угол каменной хибары. Раохар сдвинул брови.

– Что ты не поделил с северянами? Откуда такая жестокость? – прорычал с плохо скрываемым гневом вождь.

– Опять же, я лично ничего не делал твоим драгоценным соседям. Видишь ли, кто-то взялся вскрывать Ковчег! Оста-

лись же в мире энтузиасты. Кому-то это действительно удалось, но зачем? Ладно освободить меня, я очаровашка, могу понять. Но ведь они высвободили и эту ненормальную суку. Ты представляешь?!

Рыцарь прервался и выжидающе уставился в сторону Раохара.

– Я тебя не понимаю, – честно ответил вождь.

– Вот кому это могло понадобиться? – задумчиво продолжил рыцарь. – Ну да ладно. А насчет этого бардака, ну что я могу сказать. Я не привык отказывать людям. Я просто помог им осуществить свои фантазии. Видишь ли, вы смертные, просто ходячий сборник страстей на трясущихся нерешительных ножках. Вы тушите их в себе годами, стыдливо прячете и стараетесь не обсуждать, ведь далеко не все из них укладываются в рамки, навязанные вашим социумом. Вам бы нестись в объятья своих желаний на всей скорости, но некому подтолкнуть. И вот тут вступаю я. Я! Я! И только я! Я один стираю все ваши бесполезные границы. Помогаю решиться на то, что вы все так давно жаждете, но боитесь себе признаться. Так что, отвечая на твоей первый вопрос, я все же, наверное, герой.

Рыцарь упер руки в бока и горделиво выпятил грудь.

– Ах, мне надо раздобыть красивый плащ. Чтобы в такие моменты, он развевался на ветру, подчеркивая мое великолепие, – радостно озвучил свои мысли незнакомец.

– Что ты тварь там несешь? Какой плащ? Не знаю, как ты

со всем этим связан, но за смерть северного клана ты ответишь, – пригрозил Раохар.

– Кончай этот парад лицемерия, вождь, – усмехнулся незнакомец, – разве ты и твои люди не шли сюда с той же целью? Покрошить бедных северян за своих несчастных убитых охотников.

Раохар сощурился и поджал губы.

– Откуда ты это знаешь? Откуда ты вообще знаешь меня?

– Скажем так, я вижу людей насквозь, – глухо рассмеялся рыцарь. – Ты, Раохар, как черная фреска на белой стене. Яркий костер в ночной степи. Эти вот твои подвижные густые брови, солдатская суровость на лице, сжатые кулаки и, конечно, твои невероятные глаза. Мне не нужно даже залезать в твою голову, чтобы прочитать тебя. А чтиво, должен, заметить, весьма увлекательное. У тебя была насыщенная жизнь, вождь охотников.

– Я польщен. Обязательно оставлю автограф на твоём трупе.

– Ну перестань ты уже, – отмахнулся рыцарь, – мы же ведем культурный диалог, зачем все сводить к насилию. Конечно, убить тебя все равно придется, но поверь, мне это не в радость.

– К чему тянуть, – с хищной улыбкой спросил вождь, закатывая рукава, – давай потанцуем. Или ты боишься безоружного старика в лохмотьях?

– Видишь ли, убить тебя, это как раздавить пальцем тара-

кана. Сделать это легко, но на душе будет так противно, – скучающе протянул рыцарь.

Рыцарь положил голову на ладонь и затих, повернувшись забралом в сторону спящего солнца, пробивавшегося сквозь густо заросшие кроны вязов на площадь.

– Как давно я не грелся на солнце, – мечтательно произнес он, – вождь, а хочешь расскажу стих? Там, во тьме, время начинает терять свой вес. Сначала, ты не слышишь собственные мысли от бессильного крика. Отчаяние достигает апогея, тяжесть одиночества и холода дробит каждую частицу твоего тела, а рассудок неизбежно искажается. Но потом, когда буря эмоций стихает, ты осознаешь, что прошел всего месяц. Боль, которую ты чувствуешь в этот момент. Знаешь, в ней есть что-то чистое, светлое и даже согревающее. В таких условиях пробуждаются новые таланты. Я вот, например, попробовал себя в поэзии, и вроде как, получается неплохо. Вот послушай, придумал только что:

***

Клац-клац-клац, мы выковали сталь,
Мы вложим ее в руки отщепенцев.
Чтоб в массы те несли нашу мораль.
И громко задавали ход тенденций.
Бац-бац-бац, мы точим наши зубы,
Чтобы вгрызаться в шеи несогласных.
Мы не чураемся методик грубых.
Единым назовем мы самых разных.

А что же дальше? Дальше смерть.
Всех тех, кто новый мир не примет.
Дымящихся событий круговерть.
Прошу к столу, дерьмо остынет.

– Зачем все это, – проигнорировал словесные излияния
вождь.

– Зачем все что? – недовольно спросил рыцарь, ожидавший более экспрессивной оценки своего произведения.

– Зачем убивать столько людей?

– Ты правда хочешь поговорить о таких мелочах? Моя поэзия тебя совсем не заинтересовала? – с легкой обидой в голосе спросил рыцарь.

– По-твоему, война – это мелочь?

– А кто говорит о войне? – холодно отрезал незнакомец. – Представь, вождь, ты, после тысячелетнего отсутствия возвращаешься домой и видишь, что твой дом кишит грязными крысами. По полу волочатся их грязные хвосты, по углам размазано вонючее дерьмо. Как долго ты будешь колебаться, прежде чем убьешь каждую пискливую тварь и все ее потомство, чтобы не расплодилось? Как много вины ты испытываешь за это? Кто из твоих знакомых осудит тебя за желание очистить свой дом от заразы? Тебе будет неприятно, к горлу подступит тошнота, но спустя какое-то время, ты вспомнишь об этом инциденте со смехом, за кружкой пива, в кругу друзей. Это ни разу не война, вождь. Это генеральная уборка.

– Стало быть, геноцид?

– Стало быть, геноцид.

Оба замолчали на какое-то время, слушая журчащих сверчков в траве и тихое пение ветра в листве. Весна заявляла о своих правах все сильнее с каждым часом.

– Знаешь, а стихи у тебя паршивые, – первым нарушил молчание вождь.

– А ты умеешь настроить на бой противника, вождь, – рассмеялся под шлемом рыцарь.

– Я протянул достаточно времени, мои люди уже здесь, я слышу, как они окружают тебя.

– Надо же, какое совпадение, – всплеснул руками рыцарь, – я тоже тянул время. Видишь ли, я знаю, что ты ловкий трюкач, а у меня нет никакого желания гоняться за тобой по деревьям. Поэтому я ждал, пока подействует яд. Немного экстракта синего бадана и ты будешь тихим и послушным, как старый сытый песик, не подозревающий, что хозяин везет его на реку, чтобы утопить.

– Я не идиот, чтобы пить ту отраву, которой опоили северный клан.

– Верно, поэтому я добавил немного зелья в кровь дэвов, которых заботливо поджарил наш общий друг. Как тебе аромат? – спросил рыцарь у побледневшего Раохара. – Уже кружится голова?

В этот момент у Раохара потемнело в глазах, он закашлялся и упал на одно колено, яд, который он незаметно вды-

хал все это время, практически парализовал его тело. Сквозь выступившие слезы, он увидел, как рыцарь поднялся с земли и медленно направился к нему.

– Надо же, какой эффект, наверное, я немного переборщил, – бурчал рыцарь, подходя к вождю охотников.

Раохар сделал титаническое усилие и встал с колен, сжав кулаки.

– Из тебя хреновый повар, нелюдь, – с вялой улыбкой ответил вождь, выставя вперед увесистые кулаки.

– О, маскулинность перед лицом неизбежной смерти, обожаю! – расхохотался незнакомец.

– Кончай трепаться, нападай. Или ты думаешь, что щепотка бадана остановит меня?

– Вождь ты меня сегодня совсем не слушаешь. Разве, избавляясь от крыс, ты давишь их своими руками? Нет. Ты выпускаешь котов.

Конечно сыграл свою роль парализующий яд, но все же, вождь был уже достаточно стар. В молодые годы, он, может и успел бы среагировать на шорох, но на склоне лет, его едва хватило на легкий уворот, чтобы избежать прямого попадания в сердце. Ослепительная вспышка боли пронзила Раохара сзади, фонтанчик крови блеснул на солнце и скудно окропил ближайший куст волчьей ягоды. Вождь охотников пошатнулся и устоял на загнутый кончик собственного клинка, торчащего из груди.

– Прости, брат, – тяжело дыша, произнес сзади Кальката.

4.

– Не понимаю, чем плох мой план, – сокрушался Койор, – я с парнями подрежу сухожилия альдебарану, она жажнет его молнией. Технически, она сама его убьет, мы просто немного ускорим процесс.

– Ты так беспокоишься за малышку Тошу, шайтан, это так мило. Знаешь, после охоты, ты бы мог пригласить ее пощипать вместе травку. Конечно, снизу ты козел козлом, но выше пояса очень даже ничего.

– Ты можешь отнестись к этому хоть немного серьезно? Если мы будем работать не по ежегодному плану, баран всех нас перебьет.

– Ты вроде сначала сам меня успокаивал, что ты так распереживался теперь, – усмехнулся Огда.

– Потому что теперь, успех всей операции и срок нашей жизни под угрозой из-за прихоти дворцовой мазельки и ее безумного папаши.

Огда задумчиво пустил колечко дыма из трубки, которую недавно раскурил.

– Не переживай, сирх, я все продумал, я же все-таки твой великий командир.

– Удиви меня, командир, как мы выйдем из этой тупиковой ситуации живыми.

Старый алебардист загадочно улыбнулся и показал трубкой на ночное небо. Там, у самых звезд, небосвод едва заметно мерцал, словно кто-то рассыпал на нем праздничную

мишуру.

– Защитный купол? Ты серьезно?

– Купол, как ты знаешь, был создан, чтобы защищать нашу славную заставу от внешних угроз. Это комплексное, сложное, интеллектуальное заклинание. Восьмиметровый хищный альдебаран более чем серьезная угроза для города. Купол поймет это и перестроится на атакующий режим. Барашек прожарится до самых костей, едва прикоснувшись к нему. Наша задача – втроем приманить его к краю купола, что метрах в пятиста от западного входа в крепость и шашлык готов.

– Огда, за что ты носишь «нетленного героя», скажи. Такой высокий титул совсем не вяжется с твоими примитивными стратегическими навыками.

– Я уже снарядил солдат приманкой, – не обращая внимания на сарказм, продолжил Огда, – они равномерно разложат ее от пастбища альдебарана до западного края купола. А там мы будем ждать. Девочка кинет пару заклинаний для виду, баран эффектно покроется корочкой, яркая победа.

– Ты хоть понимаешь, что будет, если защита не выдержит?! Раненный, злоющий монстр разнесет половину заставы, прежде, чем мы остановим его. Сколько людей погибнет при этом?

Огда отрицательно покачал головой.

– Ты недооцениваешь наш купол, Койор. На наше захолустье выпала честь принимать у себя величайшего шамана из

ныне живущих, сама Танцующая с небом, верховный шаман Ширма создала этот барьер. Никто и ничто не в состоянии разрушить его, пока эта бабка ходит по этой земле.

– Пожалуй, – немного успокоившись согласился Койор, – в деле ее не видел, но слышал много историй. Ширма действительно могущественный шаман. И все же.

– Кончай сгущать краски, шайтан, план сработает. Скорее солнце посинеет, чем кто-то сможет пробиться сквозь наш барьер.

Огда довольно ухмыльнулся, про себя решив занести эту удачную фразу в свой личный список аргументов в споре. Алебардист уже собирался закрепить триумф новой бутылочкой бозо, как вдруг его внимание привлекла яркая сияющая точка в небе. В следующий момент, на небесном магическом куполе с громким хлопком образовалась дыра. Мощный взрыв разнес в щепки крепостную крышу, прилегающие башни с бойницами и добрую половину восточного крыла замка

5.

Раохар медленно повернул голову и столкнулся взглядом с родным братом. В руках у Калькаты был нож самого вождя, загнанный по самую рукоять Раохару в спину. Брат вождя тяжело дышал, на вспотевшем лице читалась буря эмоций, эйфория, сожаление, радость и глубокая печаль сменяли друг друга ежесекундно.

– Извини, брат, – повторил Кальката, все еще не в состо-

янии отдышаться.

– Кальката, брат, – тихо произнес вождь, слова вылетали изо рта с глухим свистом, было пробито левое легкое.

– Да, брат, я. Я, черт бы тебя побрал. Что ж ты дергаешься, зачем все так усложняешь? Ты бы не мог, – Кальката закашлялся, яд подействовал и на него. – Слушай, как ты так носишься, Рах? Этот чертов волчий бег у меня все силы забрал.

Раохар не ответил. Он бороздил своими желтыми глазами родное и столь горячо любимое лицо брата. Нежелание признавать действительность боролось с дикой болью в груди, которая тяжелым якорем возвращала его в происходящее.

– Кальката, – неверяще произнес Раохар, – ты? Ты что? Ты что наделал, брат?

Кальката нервно вытер выступивший пот левой рукой. Сзади него неслышно появились остальные члены отряда. Кама, Аридка, Вольпе и остальные, встали в боевой позе, нацелив луки со стрелами в лицо своего вождя. Раохар в шоке смотрел на боевой строй своих людей, он впервые видел его с такого ракурса, четырнадцать луков охотников Черничного леса были направлены прямо ему в лицо. Во взгляде каждого читалась непрошибаемая решимость.

– Я убиваю тебя, брат. Знаю, понять это сложно, от тебя это и не требуется. Просто, ты бы не мог умереть уже, а? – устало спросил Кальката.

Ситуация отказывалась укладываться у Раохара в голову. Все ценности и убеждения, подобно, листьям в месяц Ту-

манов, опали с дерева рассудка в одну беспорядочную кучу. К реальности его вернул Кальката, начавший проворачивать рукоять ножа в ране.

– Давай, брат, отключайся, – бубнил Кальката, – я совсем не хочу обсуждать с тобой все это. Умри уже, пожалуйста.

Яркая вспышка боли отрезвляюще подействовала на Раохара и он резко перехватил руку брата своей рукой.

– А, ну что ты в самом деле! – завопил брат вождя, – к чему такие сложности, подыхай уже.

– Нет уж, брат, сейчас ты все мне объяснишь, – спокойно ответил Раохар.

– Ну почему ты еще жив, а? Почему демон не сожрал тебя до сих пор.

– Я людей не ем, что за гадкие стереотипы, – отозвался рыцарь позади.

– Демон?! Так ты у нас демон, значит! Как я сразу не догадался. А где же копыта и хвост? – воскликнул с ухмылкой Раохар. Его улыбка с проступившей на зубах кровью теперь выглядела еще более жутко.

– Еще одно дурацкое клише. Я тебя расстрою, если скажу, что рогов у меня тоже нет?

– Не особо.

Держа Калькату правой рукой, Раохар разжал левую ладонь, на землю из нее упали два маленьких черных шарика.

– Нет! – завопил Кальката, но было поздно.

Шарики развалились от удара и черный дым плотной за-

весой заполнил все видимое пространство. Раздался звон ломающейся стали и последующий сочный удар по лицу. Кальката отлетел на метр с кровоточающим носом и осколком ножа в руке.

– Дымовая завеса? Впечатляет, – где-то вдалеке глухо усмехнулся рыцарь.

– Что происходит?! – завопил Кама, пытаюсь разглядеть собственный лук в кромешной тьме.

– Шашка! – взревел Кальката, пытаюсь подняться на ноги, – я же просил забрать у него все снаряжение, идиоты!

– Ничего не видно, – тоненько взвизгнула Аридка, – Куда стрелять, Кальката?

– Убрать луки, идиоты, – прошипел брат вождя, – друг друга поубиваете.

Охотники завозились в темноте, внезапно раздался смачный шлепок из черного тумана кубарем выкатился Кама, из его носа непрерывно хлестала кровь.

– Мой ноф, он выбил мне вубы, фука, – орал Кама, выплевывая зубы.

Вслед за Камой из тумана вылетели три его метательных ножа, метящие рыцарю прямо в шлем. Незнакомец решил не обременять себя уклонением, молниеносными движениями руки поймав все три снаряда.

– Что ты, сучий потрох, сделал с моим братом и его людьми? – раздался в плотной темноте голос Раохара.

Рыцарь в белых доспехах отбросил ножи на землю и по-

жал плечами.

– Ты отстанешь от меня сегодня или нет? Еще раз говорю, лично я ничего не делал. Совсем. Мы просто мило поболтали, и твои парни сами вырезали весь северный клан. Кто ж знал, что в них скрыто столько кровожадности. И тебя вот пришить решили. Я не виноват, что ты никудышный управленец и против тебя восстают твои же люди.

Вождь не отвечал. Анализ боя и характер ранений северян свидетельствовали о том, что отряд Калькаты действительно мог быть ответственен за всю эту бойню.

– Ты, гнида ржавая, околдовал их, значит. Как и тех несчастных северян. Расколдовывай обратно и может быть, я подарю тебе быструю смерть.

В продолжающемся разрастаться тумане раздался глухой смех рыцаря.

– Какая уверенность в своих людях, Раохар. Ты не допускаешь мысли, что я им просто заплатил? Всех можно купить, вождь, уверен, даже у тебя есть цена.

– Чушь – спокойно ответил вождь – это идейные верные люди, они бы никогда не пошли бы на такое. Их околдовали, опоили, если они и сделали это, то точно не по своей воле.

– Знаешь, в чем прелесть моего таланта. Я ведь действительно никого не заставляю что-то делать, вождь. Я просто показываю людям их настоящую натуру. Их истинное лицо. Я показал правду твоим людям, я показал правду всему северному клану. То, что случилось позже, лишь результат их

собственных желаний.

– Абас прав, – прозвучал знакомый тихий голос в темноте, – мы сделали это по своей воле.

– Вольпе? Что ты такое говоришь? – неверяще спросил Раохар.

Вольпе кивнул в темноте, медленно ведя луком в сторону голоса вождя.

– Абас прав, – повторил охотник, – мы, Кальката, я, Аридка, мы все действовали по своей воле. Мы напали на северный клан днями ранее, мы отравили северян, мы убили их, пока они спали, мы пытали шамана, это все были мы. Мы сделали то, на что у тебя не хватало яиц много лет, вождь.

– Вольпе, я отказываюсь принять это, только не ты. Ладно брат мой идиот, но ты, с твоим характером, с твоим интеллектом, я не верю, ты не мог пойти на это – упорствовал Раохар.

– Я... я скальпировал мать, на глазах у ее малолетней дочери, Раохар, а после забил и ее насмерть черенком от лопаты. Я до сих пор слышу, как она кричит. Все тише и тише, пока я крошу ее маленький череп своими пальцами. Мы делали такие страшные вещи. Я лично убил в тот день двадцать четыре человека и не испытывал при этом ни малейшего желания остановиться. И я не остановлюсь, ты понимаешь, вождь?

Раохар молчал, темнота, вырвавшаяся из дымовых шашек, полностью скрыла солнце, нельзя было увидеть даже собственных ног.

– Ты слышишь меня, вождь, – бормотал Вольпе, выцеливая луком малейший шорох, – я уже не остановлюсь, пока не убью каждого охотника в этих лесах. Сначала ты, Раохар, потом старик Гасан, потом все остальные, я освежую твоего сына, а труп скину волкам. И я сделаю это по своей воле, ты ведь понимаешь это, вождь, ты давно это понял, ты знаешь, что тебе придется сделать, чтобы остановить меня.

– Знаю, – тихо отозвался вождь где-то вдалеке.

Вольпе резко обернулся на голос и выпустил стрелу. Звякнула тетива и раздался тихий вскрик Аридки. Охотница упала на землю, со стрелой, торчащей из солнечного сплетения. Аридка еще дергалась несколько мгновений, после чего яд мантикоры, нанесенный на наконечник стрелы добрался до ее сердца, и она умерла.

– Знаю, – повторил вождь сзади, в сантиметре от уха Вольпе, – спасибо, что помог мне понять.

Раохар резко обхватил его плечи и мощным ударом колена в спину перебил все позвонки охотника. Вольпе, хрипя, выронил лук и упал на землю. Перекрученный в форме кривой подковы, Вольпе молча подергался несколько секунд, затем посмотрел на Раохара, что-то прошептал и навсегда застыл.

– Вольпе, Аридка! – взревел Кальката, – как так, брат, своих убиваешь? Какой ты после этого вождь, маразматик ты старый.

Охотники завозились в темноте, пытаясь нащупать друг

друга.

– В кольцо, в кольцо, сучьи дети, – вопил брат вождя, – пытаюсь собрать оставшихся охотников из своего отряда, – луки на изготовку.

– Спасибо, Вольпе, да примут тебя Трое в свою семью, – тихо произнес Раохар.

– Что ты несешь, ирод? Убил его, а теперь благодаришь? Совсем уже ум потерял, старик. Я знал, что тебя пора кончать, знал! – сорвался на крик брат вождя.

Раохар не ответил. Повисшую тишину периодически нарушали сопящие охотники, им кое-как удалось-таки сбиться в кучу и теперь они напряженно вслушивались в темноту.

– Где он? Где эта фука, – шепелявил Кама.

– Заткнись, тварь бесполезная, – рявкнул Кальката, – луки на изготовку, услышите шорох, стреляйте разрывными!

Охотники последовали приказу и судорожно стали натягивать разрывные стрелы. Стрелять такими снарядами вслепую было опасно, охотники рисковали подстрелить друг друга, однако перспектива встретиться лицом к лицу в бою с вождем пугала их больше.

– Имраил, – прошептал Раохар во тьме, – Иебор и Трекасса. Услышьте мой клич.

– Огонь! – заверещал Кальката, услышав страшные слова.

Охотники выпустили стрелы, которые разорвались, распустив десятки осколков в округе. Скрикошетив от камней, лезвия пробили грудные клетки трем охотникам и лишили

руки еще одного. Поднялся дикий рев, охотники побросали луки и выхватили клинки. Где-то в темноте раздался глухой вскрик, потом еще один и еще, следовавшие за ними шлепки тел о землю, свидетельствовали о том, что вождь свернул шею еще троим.

– Сгруппироваться, мать вашу! Теснее! Теснее! – орал Кальката.

– Эмоции, братишка, – раздался голос Раохара сразу со всех сторон. – Эмоции ведут к поражению.

– Да провались ты в пекло со своими нравоучениями! – Взвыл брат вождя, и выпустил три стрелы подряд в темноту.

Не попал. Туман уже начал немного рассеиваться, и охотники смогли увидеть очертания друг друга. Внезапно, словно вихрь, в образовавшийся клин ворвался Раохар и быстрыми движениями ладоней перебил горло еще двум подопечным Калькаты. Охотники с переломленными шеями рухнули на землю. Раохар исчез также быстро, как появился, остальные успели только моргнуть.

– Что за дьявольщина! – визжал Кама, – где он?!

– Тотем, идиоты, – орал Кальката, – вспомните его тотем.

Охотники как один посмотрел на верх и во все еще густом дыме, увидели два ярких, желтых огонька на ветке мертвого дерева.

– Филин, – успел выдохнуть Кама.

Желтые зрачки вождя вспышкой оказались на расстоянии вытянутой руки от Камы. Раохар одним движением вы-

рвал гортань у незадачливого охотника. Кама, схватился за страшную дыру, образовавшуюся в горле, кровь рекой сочилась сквозь пальцы, заливая волчий мех. Он еще продолжал булькать и дергаться, когда вождь снова стремительно исчез.

– Кама, – выдохнул брат вождя, – Рах, ты же его нянчил в младенчестве, ну как же так, что ты творишь?!

В дыму раздались еще два приглушенных вскрика и последующий ужасающий хруст.

– Бесполезно, – прошептал Кальката, – это как с призраком воевать.

Брат вождя бессильно стоял и слушал, шлепки и удары вокруг себя и последующие за ними стоны умирающих охотников. Через несколько секунд все было кончено. В повисшей тишине было слышно только прерывистое дыхание огромного охотника.

– Ну давай, брат, – прошептал Кальката, – давай, не тяни. Я приму это как мужчина. Или может ты уже все? Может ты уже загнулся там, а? Может ты подох уже, ублюдок старый, ну зачем так все было усложнять?!

Кальката продолжал истерично орать, когда Раохар бесшумной тенью скользнул к нему за спину. Вождь нанес брату быстрый удар пальцем в основание черепа и тот рухнул, словно мешок с тыквой, лишившись сознания. Поднявшийся ветер разогнал остатки дымовой завесы, снова открыв солнцу поляну перед площадью. Раохар стоял, окруженный искореженными телами своих сородичей, полностью выма-

занный в их крови, всклокоченный, с диким выражением лица, он походил на злобного раненного медведя. Обломанное лезвие его ножа плотно торчало в груди, не давая крови вытечь, что окончательно добило бы полумертвого вождя. Рыцарь, умудрившийся не замарать доспех во всей этой суматохе, поднялся с корточек и медленно начал хлопать. Стальной звон перчаток был, казалось, единственным звуком, разносившимся над площадью.

– Bravo, вождь! Я правильно произношу? «Bravo»! Кажется, именно это слово кричат люди в высшем сословии, после хорошего спектакля, – воодушевленно произнес рыцарь. – Впрочем, откуда тебе, дикарю неотёсанному об этом знать.

Раохар молчал, глядя на мирно храпящего Калькату посреди тел его подчиненных.

– И тем не менее, отличное шоу, – продолжал комментировать демон. – Проткнутый насквозь, отравленный, ты умудрился в одиночку положить целый отряд профессиональных охотников. Разрази меня небо, голыми руками! Зачем? Ты пытался произвести на меня впечатление? Буду откровенен, тебе удалось, вождь. Я почти рад, что не пришел в этот мир лет так двадцать назад, когда ты был в расцвете сил, не хотел бы я с тобой тогда встречаться.

– Пожалуй, – проглотив комок в горле, ответил вождь, – но ты не переживешь и эту встречу.

– Небо великое, не исключено, вождь, совсем не исклю-

чено, после того, что я тут увидел.

– Я сейчас убью тебя, – спокойно произнес вождь, направившись к здоровяку. – Давай уже закончим этот фарс.

Рыцарь примирительно поднял ладони.

– Ну что ты за животное, Раохар, может лучше поболтаем? Я уверен, узнай ты меня получше, мы бы с тобой подружились, как я подружился с твоими людьми.

– Твои второсортные чары на меня подействуют, демон.

Раохар осторожно отдышался. Клинок в груди превращал каждый вздох в агонию, но важно было потянуть время и выветрить остатки яда из легких, чтобы хватило сил проверить то, что планировал вождь.

– Не будь таким категоричным. Ты слишком мало знаешь о мире, чтобы позволить себе такую роскошь, как категоричность, – отмахнулся рыцарь, – не попробуешь, не узнаешь, верно?

Демон поднес руку к шлему и аккуратно снял переднюю панель шлема, которая оказалась выпуклой съёмной маской.

– «Глаза», – мелькнула мысль в голове Раохара, – «все происходит через глаза, нужно избегать прямого взгляда».

Вождь поспешил сконцентрироваться на шее противника, но от увиденного невольно перевел взгляд обратно на лицо. Под маской у рыцаря было пусто. Тьма. Абсолютная, всепоглощающая тьма смотрела на Раохара из-под открытого забрала. Беззвездная ночь перед самым рассветом. Бархатная темнота магнитила внимание с невероятной силой, обвола-

кивая охотника мягким невидимым покрывалом. Раохар почувствовал сладкую безмятежность и комфорт, которые испытывают маленькие дети, когда их укачивают после бутылочки теплого материнского молока.

– Вот, вождь, молодец. Видишь, все не так уж и плохо. А теперь, расскажи мне, о чем ты жалеешь больше всего в жизни. Чего ты хочешь? – раздался чарующе приятный голос из темноты.

Вены на шее Раохара вздулись от напряжения. Вождь сопротивлялся чарам, призвав на помощь все свои внутренние волевые ресурсы. Сделать это было в высшей степени непросто, он стремительно проваливался в манящую черную пропасть, сулящую умиротворение и долгожданный покой.

– Потрясающая выдержка, Раохар. Пока что ты единственный, кто продержался дольше секунды. Ну же, давай, поделись со мной своими сожалениями.

– Я жалею только об одном, – с трудом выдавил из себя Раохар.

– Да-да? Рассказывай, – с интересом подался безликий рыцарь вперед.

– О том, что мне пришлось слушать твой бездарный стих. Раохар ухватился за свой левый мизинец и быстрым движением сломал его, закусив губу. Импульс очищающей боли пронзил все тело вождя, освобождая его от чар и Раохар ментально отвел взгляд на землю.

– Ни рифмы, ни построения, – продолжил вождь, с облег-

чением вдыхая свежий воздух, – и это все, что ты выродил из себя за две тысячи лет? Залезай-ка лучше в свою яму, из которой вылез и посиди там еще парочку тысячелетий, потренируйся.

Рыцарь не ответил. Лица у него не было, но по слегка поникшей позе можно было понять, что тот смущен. Постучав стальными пальцами по маске, демон вернул ее на место, снова скрыв завлекающую тьму за сталью.

– Знаешь, я обычно довольно снисходителен к людям, Раохар. Низшие существа и все такое. Но тебе удалось меня по-настоящему взбесить, – произнес демон, после минутного молчания.

– Занесу в список личных достижений.

Рыцарь презрительно хмыкнул внутри шлема.

– Мне уже порядком надоело твое невежество.

– Что? Я тебя сильно задел, нелюдь? Извинюсь перед твоим трупом.

– Вот! – вскинулся демон, – вот об этом я и говорю. Твой затраханый Вольпя или как его там уже назвал мое имя, а ты и ухом не повел. Неужели ты никогда не слышал об Абасе Архонте, несправедливо заточенном в Ковчег? Мама тебе в детстве не рассказывала страшные сказки про меня, нет?!

Раохар артистично почесал затылок, сделав вид, что старательно вспоминает.

– Да я же знаменитость, черт бы тебя побрал! – взорвался демон. – Архонт – опустошитель земель, Бич рода шонси,

Глас Совершенности! Все грозишься убить меня, но честное слово, это все равно что пытаться помочиться на солнце, в попытке его потушить. Неужели ты не видишь разницы в нашей силе? Где твой страх? Где твой ужас? Ты хоть в курсе, какими силами я обладаю? Какие силы мне подчиняются? Неужели в ваших народах не ходит легенд обо мне?

– Глаз .. чего еще раз? Ты так тараторишь, я не запомнил.

– Глас Совершенности! – нетерпеливо повторил демон.

– Это у тебя имя такое?

– Одно из многих. Но я предпочитаю «Архонт». Коротко и со вкусом.

– Отнюдь, полная безвкусица. Нет, извини, впервые слышу, – насмешливо произнес Раохар.

Вождь охотников не спеша достал из-за пазухи еще три черных шарика и кинул их в опешившего рыцаря, который даже не стал уклоняться.

Знакомая черная завеса из дыма за секунду заполнила все пространство, вновь поглотив солнце.

– Нет, ну это наглость, каких пару тысяч лет и про меня все забыли, – продолжал бубнить Архонт, не обращая внимания на дым.

Раохар кинулся на рыцаря, на ходу сорвав кинжал с пояса мертвого охотника. Раздался громкий звон, визг стали и мощный удар железа о плоть. Внезапный порыв ветра, явно магического происхождения, мгновенно сдул дым с поляны, снова открыв доступ свету. Посреди трупов стоял огромный

рыцарь, держа в одной руке руку Раохара, в другой сломанный кинжал.

– На что ты вообще рассчитывал? – холодно спросил абас, сжимая руку Раохара в своей исполинской стальной перчатке, – как твои фокусы с темнотой сработают на того, кто родился в ней? Ты специально положил своих людей голыми руками, чтобы я поверил, что ринешься на меня безоружным и не замечу кинжал? Святая наивность.

Раохар не ответил, тогда рыцарь, легко сжав кулак, сломал все оставшиеся пальцы на левой руке вождя. Ни один мускул не дрогнул на лице лидера охотников.

– Великое солнце, – выдохнул демон под шлемом, – ну покричи что ли, я не знаю. Встречный тебе вопрос, вождь, ты-то сам человек? Откуда столько ненужного стоицизма.

Вождь слабо улыбнулся, но ничего не ответил.

– Или это усталость и предсмертное отчаяние? Ничего лучше не придумал, кроме самоубийственной атаки в лоб? Ладно, я понял, давай и правда закругляться, уже неинтересно. Не переживай, мучать тебя не буду, ведь несмотря на распространенные стереотипы, жестокость мне несвойственна. Прощай, вождь, ты достойно держался.

Абас поднял широкую ладонь, больше похожую на небольшую гильотину, над головой вождя, как вдруг сзади раздался характерный шлепок. Такой звук обычно издает голое тело, при ударе о сырую землю. Рыцарь резко повернулся и увидел еще один кинжал, который Раохар незаметно мет-

нул в завесе, торчащий из перекладины, на месте, где был привязан Тотока. Сам шаман уже стоял на ногах и успел избавиться от ножей в ладонях. Голый обезображенный старик с протяжным криком махнул руками в сторону гиганта в доспехах, сцепившегося с вождем.

– Ах ты крыса, – успел выдавить демон и в следующий момент из земли выбились три огромных, конусообразных куска камня, которые насквозь пробили рыцаря, слегка оторвав от земли его огромное тело. Черная, как смола жидкость вырвалась из отверстий в доспехе и вязким ручейком стала стекать вниз.

– Танцующий со скалами Тотока, – с безумной улыбкой произнес Раохар, сильнее насаживая абаса на камни уцелевшей рукой, – вот это магия, нелюдь, вот так надо колдовать, как тебе ощущения? Не кружится голова?

Онемевший Тотока поднял руки и торжествующе захрипел.

– Надо же, – продолжал ликовать Раохар, – даже у тебя есть кровь. Похожа на жидкое свиное дерьмо, но все же она есть. А значит, тебя можно убить.

Демон оставался неподвижным какое-то время, затем пошевелил немного конечностями и легко спрыгнул с каменных шипов, словно они были смазаны маслом. Вождь, получив по голове легкий тычок стальной перчаткой, упал на землю. Из трех рваных круглых отверстий обильно хлынула черная жидкость, безвозвратно испортив белоснежный до-

спех рыцаря.

– Ах вы сукины дети, – злобно прошипел Архонт, – мой новый доспех, ну что вы за твари бездушные. Ты хоть знаешь, сколько его ковали для меня по моим, кстати говоря, эскизам?! Это был мой авторский доспех!

Раохар в шоке смотрел на рыцаря, который сокрушенно счищал собственную кровь с доспехов, словно в его груди не было трех дыр, размером с голову ягненка.

– Что ты такое, – прошептал вождь, – почему ты не сдох.

Абас легонько шевельнул пальцем и три тонких каменных иглы размеров пронзили обе ноги и оставшуюся руку Раохара, пригвоздив его к земле. В этот раз вождь не стал сдерживаться и громко взвыл от боли, чудом не потеряв сознание. Тотока на заднем плане без сил опустился на землю.

– Это, значит, знаменитый Танец со скалами? – безучастно спросил Архонт, – ваши шаманы правда учатся годами, чтобы камешки двигать? Ничего более примитивного я не могу представить. К слову, вождь, тебе действительно удалось меня разозлить, невероятно. Я говорил, что мучать тебя не стану, но после того, что вы с другом натворили, так просто я вас не отпущу. Впрочем, мараться тоже не хочу.

Демон щелкнул пальцами и неподалеку со стоном очнулся Кальката.

– Все-таки ты сентиментален, Раохар. Убил своих людей без тени сомнения, а вот на родного брата рука не поднялась. И очень зря, теперь он будет твоим палачом. Кальката,

мой новый верный друг! Оборви уже, наконец, жизнь своего упрямого брата. Но не торопись, делай все со вкусом, как ты любишь. Как закончишь, займись шаманом. А мне надо принять ванну. Слишком много близкого контакта с мерзким людским отребьем за один день.

Кальката затуманенным взором посмотрел на брата, вищащего на каменных шипах, кивнул и вытащил собственный нож в форме большого тесака с рукояткой на белой кости.

– Начну с глаз, брат, – пробормотал Кальката, не своим голосом, – вырежу твои поганые желтые глазенки, как же они меня доставали в детстве, когда ты ими тарасился на меня из темноты.

– Ты сильнее этого, брат – спокойно произнес вождь, – тебя обработали, вправили мозги, не поддавайся чарам. Ты знаменитый Кальката, ты щит Черничных лесов, не позволяй командовать собой.

Кальката остановился, отсутствующе смотря сквозь Раохара, быстро поморгал, после быстро приблизился и схватил его за горло.

– Нет, все же сначала вырежу язык, слушать тебя уже нет никаких сил, – прошипел Кальката, поднеся нож ко рту брата.

Раохар закрыл глаза и умиротворенно улыбнулся. В какой-то момент, сквозь бурю бушующих мыслей к нему в голову закралось облегчение. Смерть. Теперь ему ни нужно ни за что отвечать и эти последние секунды жизни по праву мо-

гут принадлежать только ему. Его сын силен и позаботится о себе сам. А что Раохар? Он наконец-то отдохнет.

– Все в порядке, Кальката. Я люблю тебя, братишка, – попрощался вождь.

Лезвие не коснулось лица Раохара. Серебристым бликом в солнечном свете, на площадь влетела стрела, выпущенная из кроны близрастущей ивы. Пролетев с тихим звоном, стрела прошла широкое плечо Калькаты и воткнулась в траву. Вскрикнув, огромный охотник выронил кинжал и упал на одно колено. Раохар воспользовавшись моментом, резким рывком сломал каменные иглы и перекатился в сторону, не в состоянии встать на ноги.

– Как вы все мне надоели! – сокрушался Архонт, неспешно подходя к лежащему Раохару, – куда ты там покатишься вождь? Планируешь уползти от меня?

В этот момент внимание рыцаря привлекла серебристая стрела, пробившая плечо Калькаты, а точнее звук, который она издавала. Тихий, шипящий звук, похожий на догорающий фитиль. Пороховая стрела разорвалась с ярким взрывом, мощность которого совсем не соответствовала скромным объемам снаряда. Трехметровый рыцарь в почерневшем от огня доспехе отлетел на несколько метров и упал на землю, с грохотом брошенного пустого ведра. Безликий демон случайно принял весь удар на себя, что сохранило жизнь Калькате. Брат вождя с обожженным лицом был отброшен взрывом назад, на то же место, где снова потерял сознание.

Антар выпрыгнул из-за дерева и побежал к отцу, попутно выстрелив еще две серебристых стрелы в сторону упавшего демона. Два мощных взрыва, последовавших за этим, все же подпалили волосы, мех и брови вождю, который по мере возможностей отползал в сторону сына. Юный охотник, все еще не в полной мере освоил технику волчьего бега, поэтому непозволительно долго бежал до Раохара, но все же достиг его и заключил в объятия. Вождь приподнялся на колени и обнял сына искалеченными руками.

– Это его не остановит, – выпалил он, не дав сыну отдышаться, – слушай меня, Антар, слушай внимательно. Ты должен предупредить кагана об опасности. Там лежит абас Архонт, настоящий демон! Как бы глупо он сейчас ни выглядел, это самый опасный враг, с которым мне приходилось сталкиваться. Если кто и способен его остановить, это Великий каган. Тебе нужна его помощь. Запомнил? Передай все слово в слово.

– Отец, – перебил его Антар, – я ничего не понял из сказанного, но ты сам сможешь передать это его владычеству. Сейчас я тебя подниму и...

Раохар поднес палец к губам сына и слабо улыбнулся.

– Мы оба знаем, что я не жилец, сын. Я знал, что день настанет, но не думал, что так скоро. Черт, я даже не придумал прощальной речи, не знаю, что и говорить сейчас.

Антар потупил взгляд. Он посмотрел на ставший багровым от крови меховой доспех отца и понял, что тот говорил

правду.

– Мы справимся, – дрожащим голосом произнес Антар, – ты не умрешь здесь, я отнесу тебя в селение, Гасан подлатает тебя, он делал это много раз.

Раохар покачал головой и ласково потрепал сына по щеке.

– Ну что за семейка, – произнес почерневший от копоти абас, выходя из стены дыма и огня, оставленные бомбами, – сын у тебя, конечно, непошибаемый Раохар. Антар, ты хоть слезу выдави для приличия, как никак отец умирает.

– Обязательно, – отозвался Антар, не поворачиваясь к рыцарю, – как только убью тебя.

– Твой отец грозился тем же самым и посмотри на его жалкий вид.

Раохар крепче сжал сына, затем снял с него лук, нож и сумку.

– Для более легкого полета, – пояснил сыну вождь, с улыбкой.

– Я не понимаю, отец, что ты делаешь? Я быстро закончу с этим железным недоумком, и мы сможем вернуться.

– Надеюсь ты все запомнил, сын. Передать кагану. Враг наступает. Архонт. Демон. Нужна помощь кагана, – не обращая внимания на возражения сына, сказал вождь. – Ни в коем случае, не возвращайся в селение. Гасан справится сам. Твоя задача передать мои слова в точности кагану.

Архонт с хрустом размял шею и быстрым шагом направился к отцу с сыном.

– Не знаю, что ты там бормочешь, Раохар, но ты, наверное, умом окончательно тронулся, если решил, что я отпущу твоего сына из этих лесов, чтобы он все растрепал.

Раохар подал какой-то знак рукой в воздух и на заднем плане вновь поднялся на ноги Тотока. Демон махнул рукой с легким смешком.

– Не смейся меня, вождь, дед едва стоит на ногах, он не сможет и свечку зажечь сейчас. Дал бы ему уже спокойно умереть.

Тотока расплылся в жуткой беззубой улыбке и глухо рассмеялся, так выглядит человек, предвкушающий триумф. Спекшаяся кровь из его многочисленных ран внезапно загорелась фиолетовым пламенем, после чего огонь перекинулся на руки, ноги и моментально охватил все тело смеющегося шамана. Архонт и сам Антар догадались, что сейчас произойдет, но было слишком поздно. Антара охватило фиолетовое пламя и приподняло удивленного охотника в воздух. Задний щиток стального доспеха демона разлетелся в клочья, разорванный огромными черными кожистыми крыльями, каждое из которых достигало четырех метров в размахе.

– Не позволю! – Прорычал изменившимся голосом огромный рыцарь, расправив крылья.

– Не надо, отец, – вскрикнул Антар, – я смогу победить его! Оставь меня тут!

– Жги, Тотока! – скомандовал вождь.

Абас сорвался с места, махнув мощными крыльями и од-

ним рывком преодолел все расстояние до Раохара. Антар исчез в яркой вспышке за мгновение до того, как демон сбил вождя своим телом, ломая охотнику позвоночник, разрывая почки, селезенку и печень. Тотока, охваченный пламенем, рухнул на землю и застыл с умиротворенной улыбкой на лице. Раохар и вцепившийся в него крылатый рыцарь пропахали телами землю и остановились, прижавшись друг к другу.

– Лежим как старые приятели после бурной пьянки, – осклабился полумертвый Раохар.

Демон не ответил, он смотрел на двенадцать тонких стрел в уцелевшей руке вождя, которые тот успел вытащить из сумки сына, перед ударом. Тикающие серебристые наконечники были прижаты прямо к рельефному животу его доспеха.

– О да, – улыбнулся вождь, – славно мы тебя поимели, нелюдь.

Колоссальной силы взрыв разнес центральную площадь северного клана в щепки, подняв до самых небес столп пламени, камней и пыли.

6.

Тоша очнулась от свербящей боли в виске, словно небольшой дятел принял ее голову за ствол дерева. Новоиспеченный шаман приподнялась на локтях и увидела над собой огромные валуны и куски стекла, парящие на фоне звездного неба, окруженные прозрачной сферой.

– Прости, один все же пропустила, – отозвалась издалека Ширма, держа руки крестом у самого пола. Ее лицо покры-

лось испариной от напряжения.

Тоша посмотрела на небольшой окровавленный камушек, лежащий у ее руки, голова гудела жутко, но общее состояние было удовлетворительным. Все остальные каменные осколки пола так и не коснулись. Ученики отделались легкими царапинами и испугом, но в целом все были целы и невредимы, даже Ярил, которого Ширма ухитрилась быстро телепортировать обратно. Сам Зал стихий был в более плачевном состоянии. Окруженные защитной сферой Ширмы, остатки некогда на вид нерушимого потолка, висели в воздухе, образовавшаяся гигантская дыра открывала сказочный вид на звездное ночное небо. Убедившись, что все в безопасности, Ширма расслабила руки и камни с грохотом упали вниз, подняв кучу пыли.

В дыру на потолке влетел Койор, и грузно приземлился на мощные копыта. В одной руке он держал большой двуручный ятаган в матерчатом кожане, в другой покрасневшего Огду под мышкой, который всегда считал такой способ передвижения крайне унижительным, но с учетом ситуации, выбирать не приходилось.

– А вот и кавалерия, – усмехнулась Ширма.

Шаман приложила палец к губам, предотвратив все расспросы, затем подошла к куче дымящихся камне и пальцем поманила к себе обоих. Убедившись, что их никто не слышит, Ширма кивнула старику.

– Какого черта тут творится? – тихо спросил, отдышав-

шись Огда. – Зачем ты взорвала к чертям свой купол, психичка?

– Ты пытаешься сделать мне комплимент, Огдаризир? – томно произнесла шаман, похлопав пышными ресницами – мол, я так могущественна, что никто кроме меня не в состоянии сломать мой барьер?

– В принципе, да. Я не знаю, у кого еще хватит сил и дурасти, чтобы повернуть такое.

– Сколько комплиментов, командор, еще немного и я подумаю, что ты пытаешься за мной приударить. Опоздал ты, конечно, лет на тридцать, но я, в принципе не против.

– Ширма...

– Ладно, черствый ты хрен, мог бы и проявить побольше такта для женщины в трауре.

– В трауре?

– Да, я только что потеряла брата.

– Брата? У тебя был брат? Да что тут черт возьми происходит.

Верховный шаман с улыбкой кивнула и только сейчас все заметили, что в краешках ее глаз поблескивают слезы.

– Был, мерзавец, ушел красиво, как и всегда хотел. Осталось только понять зачем.

– Ширма, мне нужны разъяснения, я, в отличие от всех тут собравшихся, читать мысли не умею – раздраженно произнес Огда.

Ширма украдкой вытерла глаза и подозвала рукой Огду и

Койор к краю образовавшейся дыры. Остатки свода немислимым образом сохраняли целостность, во многом, благодаря магии верховного шамана.

– Котопир, мой младший брат, тоже был шаманом. Это он пробил мой купол, уж бог знает зачем ему это понадобилось.

– Котопир? Впервые слышу, – отозвался Койор.

– Да, он никогда не получал столичную квалификацию, этот сумасбродный идиот отправился в соседние леса, где стал известен под именем Тотока, организовал свой культ, в общем неплохо устроился. Насколько я знаю, он был счастлив все эти годы там.

– Ясно, твой сумасшедший братец с местными дикарями, объявил нам войну или что? – спросил Огда, – какого черта ты молчала о нем? Враждебный шаман, способный пробить твой купол – это большая проблема для всего государства.

– Нет причин для переживаний, – с грустной улыбкой ответила Ширма, – Котопир не угроза и никогда ей не был, он был миролюбивым и очень посредственным шаманом. Уничтожить мой купол, пусть даже и на мгновение, он смог бы только, прибегнув к крайним мерам, к магии крови. Ну знаешь, когда используешь собственную кровь, как источник магии. Глупая смерть, на мой взгляд. Я на такое никогда бы не пошла.

Огда посмотрел наверх, на ночное небо и увидел, что купол уже затянулся и вновь встал нерушимой стеной.

– Мой брат, – продолжила Ширма, – отдал свою жизнь,

чтобы на несколько секунд разрушить городской купол и создать портал внутри.

– Зачем, – спросил командор, – зачем ему это понадобилось?

Ширма пожала плечами и показала скрюченным пальчиком на дымящуюся грудку камней.

– Не знаю, но уверена, вон тот парень сможет раскрыть эту тайну.

Огда заглянул за камни и встретился взглядом с Антаром, лежащем на куче разбитой черепицы. Юный охотник дико уставился на командора, судорожно пытаясь нащупать отсутствующий кинжал на боку, затем произнес всего одно слово и потерял сознание.

– Та-ак, – протянул Огда, – это еще что за хрен? Что он там бормотал, что за... «Архонт»?

Ширма вздрогнула и обняла себя за плечи. Огда с неприятным холодком, пробежавшим по спине, отметил, что впервые видит выражение ужаса на лице могущественного шамана.

– Смерть, – произнесла дрожащим голосом верховный шаман, – это значит «Смерть».

Близился рассвет.

Конец первой главы.

Глава 3. Ширма.

– Демоны! Демоны, значит, – в десятый раз воскликнул Огда, ходя кругами в своём кабинете, – Демоны, слышал,

Койор, родственнички твои объявились! А единорогов, срущих бабочками, этот пацан случайно не видел?

Ширма сидела на единственном уцелевшем стуле посреди обломков мебели и камней. Взрыв не обошёл стороной и кабинет военачальника заставы. Верховный шаман невозмутимо смотрела на свои ухоженные ногти, Койор предпочел усесться на небольшой плоский камень, удобно подогнув под себя копыта.

– Ужасный демон из легенд шонси внезапно объявился. Здесь. В нашем Имраилом забытом крае.

Ширма закончила рассматривать свой маникюр и осуждающе посмотрела на Огду.

– Я понимаю твой скептицизм, Огдаризир, но мой брат бы не стал бы отдавать свою жизнь, чтобы неудачно пошутить.

– Мы оба знаем, насколько сумасбродные охотники северного клана.

– Я бы сказала, немного странные.

– У них сношение с козами считается спортом.

– Ну хорошо, они эксцентричны, но далеко не глупы. Все, о чем я прошу, это попросить у кагана подкрепления из летней ставки.

– Всего-то? Без проблем.

– Огдаризир, – мягко произнесла шаман, – ты ведь знаешь легенды о Ковчеге. Пропать мира. Средоточие Зла. Две тысячи лет назад мир был объят хаосом. Жизнь принимала самые ужасные и невероятные формы, которые сражались

друг с другом за право выжить. Люди вышли победителями из этой схватки.

– Да-да и заточили всю шваль в одном месте, назвав его Ковчег. Ширма, мне семьдесят два, поверь, я застал время, когда легенды шонси еще были в моде. Мама часто грозилась в детстве, что сошлет меня в Ковчег, потому что там обитают все невыносимые маленькие монстры, вроде меня.

– Отлично, так и передашь начальству.

– Как ты это себе представляешь? Ваше владычество, пожалуйста, мобилизуйте элитные войска и отправьте к нам, чтобы мы смогли защититься от самых настоящих демонов? Как думаешь, он сразу сварит меня в масле или сначала поднимет на смех при всем дворе?

– Если хотя бы на секунду допустить, что мой брат не безумен. И что Ковчег действительно существует. Если принять во внимание, что теоретически, такой проект вполне по силам альянсу могущественных шаманов. Огромный портал, без отправного и конечного пункта. Бескрайнее пространство, без ограничений по времени. Если допустить, что в древности, люди действительно создали подобное и заключили там нечто ужасное. Ты можешь представить, что оттуда вылезет после двух тысяч лет заключения, каннибализма и инбридинга?

– И рассказал нам об этом самый настоящий демон? Какая чушь, Ширма! Я прям слышу, как шипит масло в котле с моим именем.

– Ты пользуешься большим авторитетом у в каганате, он послушает тебя. Можешь преподнести это, как учения, как личную прихоть, да как угодно, – Ширма сложила руки домиком и посмотрела старому алебардисту в глаза, – Ты понимаешь, что будет, если эта застава падёт, за нами пахотные луга, тысячи беззащитных крестьян, ты читал легенды, ты знаешь, что такое демоны и как они обходятся с людьми.

– Ты правда думаешь, что я буду рассматривать угрозу вторжения мифических тварей серьёзно? Опираясь на слова какого-то лесного оборванца.

– Огда, ты достаточно стар, чтобы помнить легенды о Пяти Демонах Ковчега, высеченных на монолитах шонси. Нанесение текста на неразрушимый материал занял десятки лет. Совет давно тайно признал, что шонси бы не стали так заморачиваться, чтобы запечатлеть обычный народный фольклор. Нет, это не просто легенды, это предупреждение о темных временах, которые начинаются уже сейчас.

Ширма прервалась, чтобы дать информации закрепиться в уме упрямого старика.

– В глубине души ты уже поверил мне, Огдаризир, – вкрадчиво произнесла шаман, – просто не хочешь признавать это.

Огда устало опустился на расколотую седушку, оставшуюся от его любимого кресла и обхватил голову руками. Ширму можно было обвинить в чем угодно, но не в трусости. Она никогда не проявляла страха даже перед многотысяч-

ным войском врага. Сейчас же, несмотря на внешнюю оболочку спокойствия, Огда чувствовал в ней холодные щупальца ужаса, которые шаман старательно скрывала.

– Допустим я тебе немного верю, – вздохнув, сказал Огда, – но, чтобы привести войска сюда, даже под видом учений, мне требуется больше доказательств. Прости, но я не могу так рисковать и оставлять летнюю ставку беззащитной. А вдруг король Дитрас решит нарушить мир именно сейчас. У него наверняка есть шпионы в тамошней крепости. Эта поганая крыса обязательно нападет, увидев такой шанс.

– Да, это будет вполне в его духе, – нехотя согласилась Ширма.

– Предлагаю расспросить пацана, – нарушил молчание Койор. – Ты, старик, не можешь принимать такие решения, исходя из одного слова, которое произнес какой-то мальчишка. Вы тоже хороша, Ваше сиятельство, не подумал бы, что Вам свойственна паника.

– Шайтан как всегда прав, – с ухмылкой произнес Огда. – Я слышал, ты приказал своим парням связать его, думаю, это лишнее, он истощен и без сознания. Знаю, что ты злишься, но давай будем помягче с ним.

– Помягче?! – вскипел Койор, – взрыв, который его принес, убил двух наших часовых, испепелил просто! Это были мои друзья, Огда, хорошие люди!

– Это не его вина, – вступилась за охотника шаман. – Мой брат знал, что единственное, куда ему хватит сил перенести

парня, это ближайшая ставка, то есть сюда. Предполагаю, он создал портал во время сражения и у него не было времени на точное прицеливание.

– Мы детально разберемся в этом, – заверил Огда, – но пока что не перегибай палку.

Койор уже не слушал, он хлопнул дверью с другой стороны, оставив стариков слушать удаляющийся топот его копыт.

– Я поговорю с ним, Ширма, – заверил Огда.

– Твой протеже очень импульсивный и у него острый язык, Огдаризир. Как бы твой шайтан сейчас не покалечил того парнишку.

– Не волнуйся, Койор добрый малый, он даже муравьев на земле обходит. К тому же, если ты видела метку на шее нашего пленника? Этот юнец был из Черничных охотников, а это суровые парни. Еще не ясно за кого сейчас стоит переживать.

2.

Койор громко процокал в перевязочной палате и пинком выбил дверь. У солдата было паршивое настроение, поэтому и тактику допроса он изначально выбрал жесткую. Он будет большим и страшным, громко сопеть и делать бешеные глаза, а пацан со страху сразу выложит кто он и зачем здесь появился. В бредни про могущественного демона, скептик по натуре Койор сразу не поверил. Тот худосочный парнишка наверняка был одним из тех лесных придурков, которые резали баранов под луной с дикими воплями, а его вождь

свихнувшийся шаман, который хлебнул перебродившей черники и случайно закинул пацана в их крепость. И вот из-за этой всей дурости, погибли два хороших человека. Ну сейчас-то он задаст как следует этому дикарю. Койор влетел в проем двери и уже собирался разразиться грязной руганью, как вдруг увидел двух своих стражников, лежащих на полу без сознания, с веревками в руках. Лесного парня нигде не было. Мозг солдата за доли секунды проанализировал ситуацию и Койор уже собрался ретироваться, но не успел. Сирх почувствовал холодок металла на своем горле и горячее дыхание на затылке.

– Шевельнешься, вскрою от уха до уха, – прошипел Антар, свисающий с потолочной перекладины. – Быстро отвечай, кто ты и что это за место.

Койор услышал легкую дрожь в голосе Антара.

– Пацан, – спокойно произнес солдат, – ты ведь никогда не убивал человека. Я чувствую в тебе это.

– Я убил десятки монстров, а тебя человеком назвать сложно. Ты кто такой вообще.

– Тебе тот же вопрос, – сказал Койор и резко дернул головой назад.

Антар получил мощный удар головой в нос и слетел с перекладины, но сразу же поднялся, сжимая в руке кинжал, который отобрал ранее у бесчувственного солдата. Кровь текла из разбитого носа, в глазах двоилось от удара, но это не помешало юному охотнику полностью рассмотреть своего оп-

понента – выше него в полтора раза, широкоплечий, мускулистый мужчина, лет тридцати, с раздвоенными копытами вместо ног. Обычно спокойное и доброе лицо Койора, покраснело и кипело от тихой ярости.

– Шайтан, – с удивлением выдохнул Антар.

– Шайтанов не существует, я сирх. – сквозь зубы парировал солдат.

Койор скосил глаза на двух крепостных стражников. Оба мирно похрапывали, на их бригантинах не было ни капли крови, а значит парень просто вырубил их ударами в нервные узлы. Причем, довольно умело. Затем сирх осмотрел Антара и с растущим раздражением заметил, что практически вся его одежда состоит из волчьего меха.

– Про хлопок ты не слышал, да, варвар? Что за безответственное отношение к природе. И ты, конечно, не в курсе, что ваши игры с магией стоили жизни двум моим друзьям!

По заметному замешательству на лице, Койор понял, что Антар совершенно не понимает, о чем тот говорит.

– Ладно. Попробую максимально просто. Кто ты такой. И какого хрена забыл в моей крепости?

– Архонт, – выпалил Антар, вспомнив последние секунды перед тем, как его забросило в портал, – Отец.

– Так, если ты собираешься нести чушь про каких-то демонов...

Койор не договорил, Антар бросил кинжал и быстро выбежал в полуразрушенный дверной проем.

– Куда! – рывкнул Койор и ринулся за ним.

Сирх выбежал в коридор и помчался вслед за охотником.

Благодаря своим мощным ногам и копытам, скорость Койор развивал невероятную, значительно выше человеческой. Но догнать Антара у него получилось не сразу. Охотник бежал впереди него, лишь немного уступая по скорости.

– Какого черта, – скрипнул зубами Койор, – это невозможно.

Антар резко прервал волчий бег, кувыркнулся вперед, гася скорость и выкинул обе ноги назад, ударив крепкой подошвой ичиг в челюсть, подоспевшего Койора. Солдат ухнул от боли и неожиданности, и повалился на пол.

– Отвали от меня, сирх, не до тебя сейчас, – прошипел Антар.

Койор поднялся, по налитым кровью глазам, можно было догадаться, что удар он почувствовал и был в бешенстве.

– Пацан! – прорычал сирх.

Антар рванул вперед, но тут же упал, пойманный за пятку Койором. Охотник оттолкнулся от пола руками и нанес свободной ногой еще один удар солдату по челюсти, сирх в долгу не остался и пихнул Антара кулаком под ребра. Оба отлетели на метр друг от друга. Антар вскочил первый и быстро взобрался по камням, торчащим из стены на подоконник широкой бойницы. Рассветный бриз приятным холодком ворвался в легкие и Антар застыл на секунду, ошеломленный прекрасным видом. Бесчувственного охотника притащили в

самую высокую башню крепости, с намерением в ней же и запереть для допроса. Взору Антара открылась бескрайняя зеленая поляна, на которой расположилась речная застава. Большая часть поляны представляла собой гладкую степную равнину с редкой растительностью, упирающаяся в бесконечную гряду деревьев Черничного леса на востоке. Город насквозь прошивала широкая река Понка, казавшаяся с такой высоты небольшим серебристым ручейком. С левой стороны от реки, где находилась сама крепость, блестели вычурные купола и черепица каменных особняков крепостной знати. Аккуратные, по-военному строгие деревянные дома крепостных войск и их семей, расположились справа от реки и окружали крепость неровным полукругом, сама же крепость представляла собой стандартный по структуре квадратный башенный форт, окруженный добротной каменной стеной. Восточная часть крепости была сильно потрепана, обуглившиеся камни и провалившийся потолок указывали на место фееричного появления охотника. Рассветное солнце пестрило огоньками в кронах деревьев на границе с Черничным лесом, казавшегося теперь таким далеким и недостижимым. Антар мысленно выругался, представив, как долго ему придется бежать под палящим солнцем к спасительной тени деревьев. А если учитывать, что он был заложником непонятно где, возможно в крепости вражеского государства, местным лучникам наверняка не составит труда пристрелить его на открытом поле. Вероятно, стоило подумать о краже ло-

шади. Антар посмотрел вниз, до ближайшей крыши было не меньше двадцати метров. Шансов выжить после такого падения не было. Позади охотника к стене подошел пыхтящий от злости Койор.

– Как тебе вид, пацан? Хочешь прыгать, прыгай, избавишь меня от кучи проблем. Но сначала ответишь мне на пару вопросов. Слезай, давай, ты арестован.

Антар не отозвался, он посмотрел назад на покрасневшего от злости солдата. Трезво оценив шансы, охотник решил, что может не победить голыми руками такого амбала и, вероятно, очень умелого бойца. К тому же, снизу могли подойти подкрепления. Он отвернулся и встал во весь рост, быстро прикидывая все шансы на побег.

– Пацан, – с легкой тревогой позвал его сирх.

Антар, осмотрев все варианты отхода, кивнул и без тени сомнения оттолкнулся ногами от подоконника.

– Пацан! – взревел Койор и кинулся к бойнице.

Лазать по стенам сирх не умел, однако, благодаря своим необыкновенно сильным задним конечностям, Койор совершил мощный прыжок и моментально оказался на подоконнике. Койор не успел ровно на долю секунды, чиркнув пальцем по затылку охотника. Солдат молча смотрел, как Антар летит вниз, навстречу неминуемой гибели. Он летел вниз, в совершенно расслабленной позе, словно был уверен, что у него сейчас отрастут крылья. Вдруг, когда до земли оставалось каких-то десять метров, Антар быстро выкинул руки

вперед и зацепился чем-то острым за край широкого черного баннера, висящего на выступе небольшого балкона. Маневр, требовавший отточенных рефлексов, сильных рук и наглухо отбитой безрассудности. Качества, которые, как нельзя точно описывали юного Антара. Охотник замедлил ход падения, взрезая толстый кашемир по всему рисунку с орлом, парящим над лесом. Антар проехался по всему баннеру, значительно замедлившись в конце и упал на крышу деревянного сарая, проломив ее всем телом. Послышалось жалобное овечьё блеянье и неразборчивая ругань. Дверь сарая открылась и из нее стрелой вылетел практически невредимый Антар, сжимая в окровавленных руках собственное ожерелье из наточенных волчьих клыков. Охотник пробежал пару метров и остановился, чтобы посмотреть на Койора, который так и стоял на подоконнике, шокировано наблюдая за происходящим. Антар не сдержался и растянул губы в самодовольной улыбке, с удовлетворением, наблюдая, как багровеет лицо Койора. Других людей вокруг не наблюдалось. Те немногочисленные трезвенники, которые остались на ногах после ночной пьянки в священную ночь, сейчас толпились у восточной стены крепости, в надежде выяснить, что это был за страшный взрыв ночью. Охотник сорвал со стены сарая связку вяленых опят, засунул ее в рот и помчался во весь дух по узкой городской улочке.

К Койору сзади подбежали двое крепостных стражников, которых он позвал с собой накануне. Оба, потные и крас-

ные, пришлось взбираться шестнадцать лестничных пролета, а это невероятно долго и утомительно, если у тебя нет удобных раскаченных копыт вместо ног.

– Снарядить мне моего коня, – тихо прохрипел Койор, сжимая кулаки, – И весь мой гарнизон. Мне нужно перекинуться парой слов с местными охотниками.

Стражники переглянулись и обреченно вздохнули, ведь теперь им снова предстояло бежать шестнадцать лестничных пролета, открывать тройные кованые ворота и седлать того неуклюжего монстра, которого Койор ласково называл конем.

3.

– Что значит, она ушла?! Куда? – гневно спросила Ширма.

– Она сказала, что на охоту, – виновато произнес стражник.

– И вы ее отпустили?!

– Ну... она же теперь шаман. Мы были не в праве задерживать ее. Я думал, Вы в курсе.

Ширма закусил губу. Теперь она жалела, что не объяснила Тоше всей серьезности ситуации. Сразу после взрыва и появления охотника, Ширма решила, что правильно будет не сеять панику в крепости рассказами о вторжении мифических демонов. Поэтому шаман списала все на нестабильность купола. Мол на недавний парад планет отреагировал ее купол, но она, Ширма, вовремя остановила реакцию. Шаман пообещала полную безопасность, так как усилила защитные

чары дополнительным слоем, что, кстати, являлось правдой. Про погибших стражников она благоразумно упоминать не стала. Дети, привыкшие верить каждому слову шамана, с пониманием покивали и разошлись в свои кельи, которые волшебным образом уцелели после взрыва. Тоша, хоть и сощурила свои фиалковые глаза в сомнении, делиться своими подозрениями ни с кем не стала. А теперь выясняется, что она ушла и не куда-нибудь, а на Великую охоту, причем в одиночку. Ширме вдруг поплохело. Она знала, что глупая девочка погибнет, сойдясь в схватке с альдебараном. Повышенное самомнение, доставшееся ей от кагана, сыграет с ней плохую шутку. С каким бы презрением Ширма не относилась к ее отцу, саму Татимитрис, Ширма полюбила, хоть и никогда бы ей об этом не рассказала.

– Солдат, срочно позови Огдаризира или козла его неуравновешенного. А лучше их обоих. Нужно снарядить отряд.

4.

Танцующая с дождем дождалась, пока Ширма выйдет из разрушенного Зала Стихий в компании с Огдаризиром и Койором. К слову, солдата с копытами, спасшего ее в детстве, она узнала сразу. Все эти полгода, она знала о том, что Койор где-то рядом в этом городке, но обучение у Ширмы занимало все ее внимание, она не могла найти времени, чтобы даже просто поздороваться со своим спасителем. По крайней мере, так она говорила сама себе, не желая признавать-

ся, что где-то, в глубине души, ей было просто стыдно перед солдатом, чьи нервы она немало подпортила десять лет назад. Оставшиеся в зале крепостные стражники подгоняли учеников шамана к кельям, любопытно вглядывающихся в дымящуюся кучу камней, оставшуюся от потолка.

– Быстрее, сосунки, здесь небезопасно, – рявкнул не совсем трезвый стражник, – а тебе, красотка, особое приглашение надо? Марш в свою келью!

Стражник насупил брови, глядя на Тошу, но тут в его расплывшийся взор попало белоснежное одеяние новоиспеченного шамана. Крепостной стражник икнул от неожиданности и быстро прижал руку в перчатке к покосившемуся шлему.

– Ваше сиятельство, простите меня. Не признал шамана, – виновато пробормотал он.

Тоша удивленно раскрыла фиалковые глаза, но тут же решила подыграть и вздернула носик.

– Все в порядке, солдат. Я прощаю твою оплошность, – максимально холодно произнесла шаман.

Солдат звякнул ботинками, отвесил поклон и снова выпрямился по стойке смирно. Тоша ликовала в душе, словно маленькая девочка, при виде леденца. Люди расшаркивались перед ней в реверансах всю ее жизнь, но лишь сейчас она вызывала у кого-то уважение не потому что была дочкой кагана, а благодаря своему новому статусу. Впрочем, на лице Танцующая с дождем сохраняла непрошибаемое равно-

душие. В конце концов, она теперь шаман, надо было вести себя достойно своего звания.

– Кстати, который час?

– Думаю, сейчас около трех часов ночи, Ваше сиятельство.

Тоша кивнула. По тому, как сильно ее клонило ко сну, времени до рассвета оставалось все меньше. А значит, шанс сразить альдебарана ускользал от нее с каждой минутой. Тоша была самоуверенной девушкой, но не полной идиоткой. Она прекрасно понимала, что не владеет силами, чтобы в одиночку сразить такое опасное животное, как взрослый альдебаран. Однако, была небольшая хитрость, которой пользовались охотники ее отца, каждый раз, когда ходили на этого монстра малым количеством людей. Ежегодно, на исходе месяца Туманов, наступала Сиенна, священная ночь. Планеты выстраивались в ровный ряд, на несколько минут закрывая свет луны. Именно в это время магические волнения в мире становились наиболее ощутимы и все заклинания, и танцы имели гораздо более ощутимый эффект, чем обычно. Магическая ночь, ночь, когда эмоции и чувства достигали своего пика. Считалось, что, если зачать ребенка в эту ночь, с большой вероятностью, через девять месяцев родится чадо с великим магическим потенциалом. Что, конечно же, являлось абсолютной выдумкой, но это не мешало парням успешно таскать доверчивых девчонок на сеновалы. Однако был у этой ночи и другой эффект, о котором знали очень

немногие. В течение всей ночи и первую половину следующего дня, большинство существ так или иначе связанных с магией были к ней также чрезмерно уязвимы. Альдебаран не был исключением. На рассвете и до самого полудня, даже такое грозное животное был легкой добычей для меткого заклинания. Но как только часы переваливали за полдень и солнце наливалось былой силой, эффект пропадал, и самец альдебарана снова превращался в неуязвимые тридцать тонн мышц, клыков, рогов и скверного характера. Охотники местной заставы под предводительством Огды о таком эффекте не знали. Поэтому их Великая охота всегда представляла собой выверенное, неспешное мероприятие, в котором участвовали не меньше пятидесяти лучников. Отравленные стрелы, большие дистанции, ядовитые приманки и гигантские капканы, превращали охоту в длительное и изнурительное умерщвление альдебарана, которое длилось до рассвета следующего дня. Зато такой подход позволял обходиться без жертв последние пару лет. Поэтому Тоша не могла упустить такой шанс. Всего одно мощное разрушительное заклинание и животное погибнет быстро и безболезненно. Она докажет себе, отцу и всему миру, что с ее силой нужно считаться, а не засовывать в аграрный отряд. Особенно не сейчас. В то, что Ширма напортачила с собственным куполом, Тоша, разумеется, не поверила. Сиенна, не Сиенна, Ширма была одним из самых сильных и уважаемых шаманов в мире. Она бы никогда не допустила такой беспечной оплошности. А зна-

чит, старуха что-то скрывала. Танцующая с дождем была абсолютно уверена, что была совершена вражеская атака. Возможно кто-то из Ковенанта Дитраса попытался разрушить купол, а значит, грядет война. И боевые шаманы вновь выйдут в авангарде войск каганата, чтобы сокрушать врага стихиями. А в это время она будет поливать помидоры где-то в тылу? Нет, не бывать этому. Она убьет монстра и докажет свою боеспособность. Всего-то и нужно было сбегать в лес, шархнуть спящего альдебарана молнией и принести его оплавленный рог в качестве доказательства. Если отправиться прямо сейчас, уже к обеду вся крепость сможет насладиться свежей нежной бараниной. И это будет полностью ее победа. Тоша махнула руками и совершила сложный оборот вокруг себя, слегка приподняв ногу. Шаман не без удовольствия заметила, как побледнел стражник. Магия, вшитая в ее новую мантию, мгновенно среагировала на движение и с кончиков пальцев шамана, вылетели красные искорки. Искры зависли на секунду в воздухе и быстро полетели к рассеченному виску Тоши. Кровь уже давно перестала идти и порез был в целом неглубокий, но шаман все же подстраховалась. Не хватало еще занести инфекцию в такой важный момент.

Красные искорки быстро сшили разорванные ткани и восстановили кровообращение, разжижая свернувшуюся кровь. Через пару секунд от пореза не осталось и следа. Тоша удовлетворенно кивнула, рассмотрев свое отражение в куске

разбитого витража и снова повернулась к стражнику, который так и посмел убрать руку от головы.

– Солдат, где я могу взять снаряженную лошадь и припасов в путь. Мне все это нужно буквально на пару часов.

– Конечно, Ваше сиятельство. Лошади сейчас спят, но для Вас разбудим одну серенькую кобылку. Собираетесь на прогулку?

– Нет, – Тоша хищно улыбнулась, – на охоту.

5.

Койор гордо восседал на огромном булане. Огромный, похожий на бесшерстного бурого быка с единственным широким рогом, булан прекрасно сочетался со своим козлоногим хозяином. Копыта солдата торчали из специально разработанных стремян, сам же наездник сидел в седле из толстого стебля рогоза, стандартных кожаных седел Койор не признавал. На спине у солдата висел его любимый двуручный ятаган с сильно утяжеленным загнутым концом. Весил меч почти пятьдесят килограммов, что делало невозможным его использование для обычного человека, но он прекрасно подходил Койору. Рядом стояли два красных и вымученных стражника, которые провозились с буйным животным добрых двадцать минут, прежде чем им удалось нацепить на него снаряжение. Люди Койора любили своего командира, столь же сильно, сколько ненавидели его ездовое животное. Во всем каганате не нашлось бы нормальной лошади, которая выдержала бы такого тяжелого наездника. Солдаты бы-

ли уверены, что этот факт сильно расстраивал самого Койора, о чем, он, разумеется никогда не упоминал. Хотя сам он в лошади не нуждался, учитывая его феноменальную скорость, весь двор и войсковой состав, который знал необычного солдата, были уверены, что он втайне мечтает о собственном скакуне. Домыслы подтвердились, когда молодой солдат вернулся из очередного похода, с каменным лицом ведя под уздцы упирающегося здоровенного булана. Животное, долго время считавшееся вымершим, ни в коем случае не было ездовым и Койору до сих пор не удалось как следует его надрессировать. Однако с тех пор солдат упорно ставил булана вместе с остальными лошадьми в стойло и с убийственной серьезностью просил называть его своим «конем», настаивая, чтобы к нему относились соответственно. Это продолжалось до тех пор, пока булан не забодал в порыве ярости шестерых лучших дворцовых джебе. Потерю лошадей булану простили, учитывая заслуги его хозяина перед каганатом, но ему все же пришлось построить отдельный загон.

– Какая картина. Один монстр верхом на другом, – рассмеялся Огда, выйдя во двор крепости.

Койор отмахнулся от старика, затягивая ремешки на корсетном доспехе. В качестве защиты для груди, солдат предпочел облегченный вариант кожаной кирасы, которая выполняла, скорее декоративную цель – показать, что ее носитель готов к вооруженному конфликту. Другим снаряжени-

ем Койор себя не обременял, отдавая предпочтение мобильности и быстрым, но мощным ударам ятагана.

– Когда ты избавишься от этого монстра, шайтан. Вся крепость страдала четыре месяца на сухом пайке, когда у нас под боком было столько жирного мяса. Давай зажарим его, а.

– Я лично зажарю его живьем и даже попробую кусочек в тот день, когда ты бросишь пить. Согласен, старик?

– Что ж, значит никогда, – вздохнул седой алебардист.

– Старик, ты или с нами, или не мешай.

– Куда это ты собрался?

– В погоню за охотником.

– Что, поймел тебя пацан, да? Я предупреждал тебя, что нужен другой подход.

Койор оставил ремешки в покое и укоризненно посмотрел на старика.

– Парень сиганул в окно, Огда. До земли было метров двадцать. Я не знал, что он выкинет что-то подобное. О чем он вообще думал.

– Я почти уверен, что он ни о чем не думал в тот момент. Таковы охотники Черничного леса. Они с детства учатся противостоять страху, жить с ним. Это делает их безрассудными, а поэтому опасными противниками.

– Ну вот мы сейчас и проверим.

– Не лучшая идея, мой парнокопытный друг. Ты еще ладно, но твои люди погибнут, а потом и твою неуклюжую тушу нашпигуют стрелами.

– И что ты предлагаешь, закрыть на это глаза? Простить этим дикарям гибель наших парней?

– Я говорю, что сейчас не лучшее время для разборок. Я уже отдал распоряжение расформировать твой отряд праведного возмездия, который ты тут собирал.

– Что?!

– И сам тоже распаковывайся, это приказ.

– Почему? Что случилось?

– Дозорные не вернулись из утреннего патруля. Я думаю, тебе не нужно объяснять, что это значит.

Койор кивнул и послушно слез со своего «коня». Несмотря на общую расхлябанность крепостных войск, к ежедневным патрулям относились серьезно, их никогда не пропускали ни при каких обстоятельствах. Защитный купол отлично реагировал на крупные и явные опасности, но от вражеских шпионов не уберег бы. А учитывая, что крепостная застава стояла прямо на границе с вражеским Конгломератом, появление лазутчиков было вполне возможным. Поэтому конные патрули являлись обязательным и каждодневным ритуалом, в котором принимали участие десять хорошо вооружённых воинов. Их одновременное исчезновение могло означать только одно.

– Вражеская атака? – спросил Койор, – сейчас?

– Скорее всего, да. Поэтому, я не могу позволить тебе и твоим людям оставить нашу крепость без защиты в поисках какого-то мальчишки.

– Огда, вполне возможно, что напали как раз охотники и мы...

– Я не желаю слушать ничего о кровожадных интриганах охотниках, – резко оборвал его Огда, – крепость стоит здесь уже два столетия и ни разу у нас не было конфликтов с этими людьми. Я скорее поверю во вторжение демонов, чем в том, что Черничные охотники внезапно озверели и захотели нашей крови.

– Пожалуй, – нехотя согласился Койор, – это версия звучит бредово. Но нам все равно нужно разобраться в этом.

– Обязательно разберемся. Как только будем уверены, что опасности нет. А пока расчехляйся и выстрой солдат по периметру внешнего кольца. Самых трезвых и боеспособных оставь здесь, остальных на стены. Постоим в дозоре, подождем патрульных. Как только они появятся, можешь собрать своих парней и прочесать в лес, как раз шамана найдете.

Койор, уже собравшийся идти обратно в крепость, резко остановился и воззрился на Огду неверящими глазами.

– Шамана? О нет, не может быть, – обреченно произнес сирх.

– Ну ты помнишь, мы обсуждали одну вылазку, – туманно протянул Огда, – но сейчас это неважно. Учитывая обстоятельства, это подождет.

– Вылазку?! Да ты никак про Великую охоту! О небо все-сильное, неужели она это сделала.

– Увы, да.

– Куда смотрит Ширма. Это дура малолетняя погибнет там, почему ее никто не остановил?

– Потому что она упрямей тебя, Койор. А ты упрямей козла. А теперь выполняй приказ.

– Старик, ты предлагаешь мне спокойно отсиживаться тут, пока девчонка погибает в зубах альдебарана?

– Патрульные не вернулись, сирх.

– Да нажрались твои патрульные! Сиенна, как никак. Вальяются с бабами какими-нибудь сейчас в погребке, а ты уже паникуешь. Нет, старик, годы совсем не идут тебе на пользу.

Койор развернулся на копытах и помчался к выходу из внутреннего двора. Своего верного «коня» он проигнорировал, сейчас важна была скорость, а не статус, а неуклюжий булан, хоть и придавал грозный вид и без того грозному Койору, в скорости проигрывал своему хозяину. Солдат уже был почти у двойных ворот, как вдруг перед ним с грохотом вонзилась трехметровая алебарда. Поднявшаяся от удара в землю пыль запорошила глаза Койору и заставила остановиться.

– Дьявольски тяжелая штука, – пожаловался Огда, потирая спину, – стар я уже кидать ее так.

– Старик, послушай меня, – отплевавшись произнес Койор.

– Нет, это ты будешь слушать меня, шайтан. Ты нарушаешь прямой приказ командира.

– Ну и что ты сделаешь? Казнишь меня? Девочка погибнет, старик, из-за твоей дурачности.

– Точно, казню. Давай сварим тебя в масле, а? Давно не ел хорошей козлятинки, – расплылся в ухмылке Огда.

– Старик.

– Ты останешься здесь и точка. Это девочка теперь шаман, Койор. Настоящий шаман. А значит прав, сил и привилегий у нее теперь больше, чем у тебя и у меня вместе взятых. Она сможет постоять за себя. А нам сейчас нужно думать о безопасности пяти тысяч людей, здесь, на этой заставе.

Койор скрипел зубами, в глубине души полностью признав правоту своего старого командира.

– Хорошо, будь по-твоему, мы подождем пару часов. Но, если я был прав и у нас не десять доблестно погибших солдат, а десять сраных алкашей, спрос будет с тебя.

– Непременно, – улыбнулся Огда, – подарю тебе большой букет шалфея и полевых травок, погрызешь на досуге.

– Положишь его себе на могилу, старик. Какой же это марраз, я уверен, что все в порядке.

Именно в этот момент со стороны смотровой башни раздался протяжный звук, который мог издать только крученный рог черного буйвола, который был установлен на самой высокой точке, под крепостным флюгером. Сигнал, который здесь не слышали уже долгих двадцать лет. Сигнал о вражеской атаке.

6.

– Да что ты говоришь? – удивился Борхо.

– Я серьезно, у нее задница размером с твое брюхо и, на-

верное, такая же мягкая.

– Да нет, не может быть такого. Я здесь торчу уже три года, я видел всех баб в округе, такую бы я запомнил.

– Стал бы я тебе врать. Завтра можем напроситься в патруль, я тебе покажу. Ее поле тут, на втором повороте в летнюю ставку. Обычно она выходит пахать около полудня, собирает волосы в пучок и, о, Имраил всемогущий, я отсюда чувствую их аромат.

– Так, ты давай не перевозбуждайся, Рина, я не собираюсь тащиться в такую рань на патруль, чтобы ты пялился на крестьянок.

– Борх, ты мне друг или как?

– Именно, что друг. Женщина с такими формами наверняка уже замужем. А ты знаешь местных землепашцев, руки во, ноги во, башка отбитая и все друг за друга стоят. Хочешь, чтобы тебя на вилы насадили?

– А вдруг так все думают, и она до сих пор одинока, а?

– Хорошо, в следующий раз, когда завалимся в «Розы», я найду тебе шлюху с самой жирной задницей, договорились? Обеими руками не обхватишь. Даже пиво тебе поставлю, только оставь меня в покое.

– Да не нужны мне твои «Розы», Борх, я хочу любви, да, я почти уверен, что это любовь. Знаешь, хочется просыпаться по утрам не в вонючей казарме и видеть ваши похмельные рожи, а в своем доме, с кем-то, понимаешь? Как там было в песне той. «Под топот маленьких ножек открываю я гла-

за-а» – фальшиво пропел солдат.

– Ножек? Что? Командир, нет, ты слышал, наш Рина хочет жену и детей.

– Проверь, может это не Рина, а дупель... допле... до- пленгунгер, короче ты понял, тварь, которая людей копирует. Больно не похож на нашего Ринарчика, покорителя борделей, – пробасил со смотровой вышки командир.

– Точно говоришь, командир. А ну-ка, тварь, превращайся обратно и говори, где наш любитель шлюх, – рассмеялся Борхо и начал тыкать товарища рукояткой копья.

– Да отвали ты, – отмахнулся Ринар, – ну ты-то, командир, женатый зрелый человек же, ну. Даже дети есть, поддержи меня.

– Я тебе так скажу, солдат. Каждому мужчине нужна причина просыпаться по утрам. Для кого-то это любимая жена и дети. Кому-то милей продажные дырки и рисовая водка. Каждый выбирает свое.

Борхо с сомнением фыркнул, Ринар же наоборот счастливо улыбнулся.

– Красиво сказал, командир, прям с умением. Вот не зря ты наш десятник. А ты сам-то, ради чего просыпаешься?

– Мне пятьдесят четыре, жена ушла от меня к брату, а дети со мной не общаются последние десять лет. Разумеется, я живу только ради шлюх и бухла, солдат. А теперь хватит меня донимать. Лучше сходите оба, посмотрите, где сегодняшней патруль. Они должны были проехать тут еще час назад.

– Да забухали, парни, командор, не гоняй. Когда и мы пригубим чего-нибудь кроме вина уже. – заканючил Борхо.

–Выполнять! – рявкнул командир. – Хура! Вперед и с песней!

– Хура, – вяло подхватил боевой клич Рина.

Борхо пробурчал что-то малоприятное, обхватил копьё и потащился к перекрестку, следом угрюмо топал Ринар. Утренний туман еще не спал и обволакивал солдат прохладной дымкой, скрывающей разгорающееся солнце. Товарищи прошли еще двести шагов, прежде чем достичь объездной дороги, по которой всегда проезжал патруль. Сейчас, прямо на перепутье никого не было, кроме одиноко стоящей фигуры. Туман скрывал детали, но можно было с уверенностью сказать, что это была женщина.

– Смотри, Борх – баба, – прошептал Ринар.

– Вижу. Что она тут делает без лошади, до крепости-то топтать прилично.

– Не знаю, пойди спроси. Хотя нет, давай лучше я. Ух, какая она красивая, ты посмотри, какие ножки, какие бедра, волосы горят, как огонь.

– Рина, брат, тебе точно срочно нужно в «Розы».

– Нет, но ты посмотри на нее, Борх, мне кажется, это любовь, я кажется влюбился. На этот раз прям точно.

Борхо с сомнением фыркнул и приблизился к девушке. Туман расступался по мере приближения, и солдат только сейчас увидел, что она была вся в крови.

– Э-э, гражданочка. С тобой все в порядке? – Спросил с тревогой в голосе Борхо.

Незнакомка вынырнула из тумана с приветливой улыбкой, оголив тридцать два острых, как новая бритва зуба.

– Все просто чудесно! – Бодро ответила Наварона.

7.

Тоша достигла границы Черничного леса за неполный час. Лошадь, которую ей выделили, породистая кобыла джебе, была на редкость послушной и резвой. Шаман, будучи посредственной наездницей, сильно обрадовалась этому факту и сразу же пустила лошадь в галоп. Рассветный воздух свистел в ушах и морозными тисками сдавливал легкие, но магия, вшитая в ткань мантии, не позволяла Тоше замерзнуть. Домчавшись до первых деревьев, Танцующая с дождем спешила и отпустила поводья, отправив кобылку обратно домой. Черничный лес, окружающий речную заставу с востока, являлся отличной природной защитой против вражеской кавалерии. Бедная на растительность равнина с первых же метров переходила в буйно разросшийся лес, мощные стволы вековых деревьев и хаотично торчащие толстые корни, делали невозможным продвижение верхом. Шаман продиралась сквозь чащу колючих кустарников шиповника, не найдя лучшего пути. Через десять минут заноз, царапин и жуткой ругани, ей все же удалось выбраться на свободную лесную опушку. Угасающие звезды уже не давали достаточно света, но само небо быстро светлело и уже через несколько

минут, Тоша без проблем могла разглядеть тропу. Продвигалась шаман осторожно, по заранее намеченному пути. Накануне она легко раздобыла охотничьи сведения об ареале обитания альдебарана и быстро набросала кусочком уголька на пергаменте карту. Из года в год охотничьи уголья животного оставались неизменным, поэтому Тоше не составило труда расписать наиболее безопасный маршрут. Черничный лес по праву носил звание одного из самых опасных лесов в каганате, уступая первенство, разве что, Лесу Призраков на севере страны. Огромные кровожадные хищники таились в тени столетних деревьев, чьи голые скрюченные ветви, казалось, готовы были сорвать с тебя кожу, но чем ближе Танцующая с дождем подходила к логову альдебарана, тем меньше был шанс кого-то повстречать. Восьмиметровый плотоядный баран был хозяином этой части леса и мало кто из других животных осмеливался заходить на его территорию. По пути шаману встретились лишь пара пятнистых кабанов и один обнаглевший глухарь, который с противными криками напал на ее ногу. Тоша пинком отправила птицу в кусты дикой малины и продолжила путь. Шаман следовала по импровизированной карте почти три часа, тропа кончилась на зарослях знаменитой лесной черники. Видимо тот, кто проложил ее, доходил только до сюда, чтобы вкусить морозной ягоды. Тоша тоже задержалась у ароматных кустов, вволю набив рот вкуснейшими ягодами. Чувствуя, как заметно поднимается боевой настрой, шаман бодро перескакивала с одной коряги

на другую, не смотря на большой риск подвернуть лодыжку. Время поджимало. Утро вошло в свои полные права и солнце пронзительными лучами тепла продиралось сквозь плотные кроны деревьев, прелестным образом освещая лес. Через какое-то время, Тоша начала сомневаться, что двигается в верном направлении, но опасения не подтвердились, когда в нос ударила мощная комбинированная вонь фекалий и застарелого бараньего меха. Альдебаран был близко. Девушка сморщилась, зажала рукой нос и осторожно двинулась в сторону, откуда запах шел сильнее всего. Долго искать не пришлось. Альдебаран спал на лесной прогалине, заняв своей исполинской тушей все свободное пространство. Танцующая с дождем не сразу поняла, что обнаружила свою добычу. Сначала она уткнулась в барьер концентрированного бараньего запаха, а после и увидела его источник – необъятная гора из бурой густой шерсти, свалывшейся громадными вонючими комьями. Целиком животное разглядеть не удалось. Шерстяная заграда уходила значительно выше дубовых крон, так что Тоше так и не удалось понять, на какую часть альдебарана она смотрит. Солнце уже близилось к зениту, времени на точное прицеливание не оставалось. Справедливо рассудив, что шерсть послужит отличным проводником электричества, Тоша начала исполнять базовый танец Молнии. Атакующее заклинание такого типа не было ей в новинку, но практиковала она его только на специальных манекенах и результат всегда был менее впечатляющий, чем у

остальных учеников. Однако, учитывая, что баран был сейчас под воздействием Сиенны, мощность удара должна была возрасти в тысячи раз. Танцующая с дождем вытянула носок своих изящных черных сапожек и отточенным движением прочертила им круг на земле. Она моментально почувствовала, как напряглись нити в мантии, среагировав на движение. Тоша приподняла одну ногу и начала вращение вокруг своей оси, постепенно ускоряясь. Магия тонким разрядом пробежала по ее телу, оставляя приятный дрожащий след. Тоша хлопнула в ладони и ловко перепрыгнула на вторую ногу, не сбавляя скорости. Она чувствовала, как искры энергии сосредотачиваются в ее пальцах, приятно щекочут и балансируют на кончиках ногтей, готовые сорваться в едином потоке. Но силы заклинания было еще недостаточно. Тоша прокрутилась вокруг себя, сделала сложный пируэт и взмахнула руками, формируя восьмерку, после чего вернулась на исходную позицию и продолжила танец по второму кругу. Требовалось время. Тоша с горечью поймала себя на мысли, что шаману уровня Ширмы для такого простого заклинания хватило бы просто махнуть рукой, ей же предстояло прыгать на уставших ногах, накапливая заряд, еще минимум две минуты. Благо, альдебаран даже не шевелился. Огромная куча зловонного меха оставалась абсолютно недвижимой, что Тоша посчитала весьма удачным стечением обстоятельств. Ноги ныли, тело буквально молило об отдыхе после почти четырехчасовой пробежки по лесам, но танец останав-

ливать было нельзя. Тоша гордилась своей точеной фигурой и нежной кожей, поэтому твердо решила научиться сокращать время танцев, чтобы не превратиться в квадратный комок твердых мышц. Через несколько минут, заряд скопил достаточно мощности и пальцы начали сильно вибрировать, нестерпимый зуд в ногтях говорил о предельной мощи, которую Тоша могла удержать на данный момент. Пробежавшись глазами по меху, Тоша выбрала самый тонкий, на ее взгляд, слой и направила ладони в цель.

– Имраил, Иебор и Трекасса, – прошептала Тоша, замыкая ногой круг на земле. – Подарите мне танец.

Раздался негромкий хлопок, с пальцев шамана с яркой вспышкой слетели две ослепительно белые молнии. Тонкие цельные всполохи света ворвались в бурую кучу и бледной паутиной пролетели по всему меху. Туша альдебарана подрожала несколько секунд и успокоилась. Вялая струйка черного дыма вырвалась из шерстяных патл и взвилась в небо. До тонкого носа шамана донесся неприятный запах гари, как если бы кто-то решил пожарить на костре старый дедушкин тулуп. "Девочка, если я захочу подогреть себе чашку чая, я обязательно к тебе обращусь. Но врага ты такой молнией не сразишь." – возвестил издевательский голос Ширмы в голове Тоши. Танцующая с дождем отогнала неприятные воспоминания и сосредоточенно уставилась в дым. Это не могло быть провалом. Ведь она так долго планировала свою охоту и предвкушала триумф. Альдебаран так и

не пошевелился. Грузная масса шерсти продолжала дымиться, но вдруг появился маленький огонек, заигравший на кончиках меховых завихрений. Шаман не успела опомниться, как огонь быстро распространился по всей поверхности меха, волна света и жара ударила ей в лицо, заставив отшатнуться. Огонь жадно пожирал легковоспламеняемый бараний мех, скукоживал и превращал его в обугленные ошметки за считанные секунды. Стена пламени взлетела до небес и перекинулась на близлежащие деревья. Большая часть шершавых дубов еще не успела покрыться листьями, их сухие голые ветки вспыхнули быстро, словно были из соломы. Не успела Тоша опомниться, как вся обозримая часть леса была охвачена огнем.

– Что я наделала, – прошептала Тоша, расширив свои фиалковые глаза от ужаса.

Из кучи пылающей бараньей шерсти донесся дикий вопль боли. Тоша с глубоким раскаянием на лице закусил губу. У нее была цель быстро и безболезненно умертвить альдебарана, но никак не сжигать живьем бедное животное.

– А-а-а, горю! – взревела гора меха.

Шаман в шоке уставилась на горящую гору. Альдебараны были необычными существами, но уж никак не разумными и человеческой речью владеть не могли. В следующее мгновение из бушующего пламени вырвалось нечто, покрытое горячей шерстью. Тоша с трудом разглядела человека под языками пламени. Незнакомец вырвался из огненных когтей, ски-

нул с себя почти догоревшую куртку из волчьего меха и начал кататься по траве, сбивая остаточное пламя. На его спине красовались приличного размера ожоги. Преуспев в самотушении, он вскочил и подбежал к Тоше, которая, так и не нашла в себе силы сдвинуться с места.

– Назови мне хоть одну причину тебя не убивать, – прорычал Антар, по привычке щупая свой бок, в поисках кинжала. Его черные волосы, обычно спадавшие ниже ушей, сгорели, сократив их длину почти вполовину, и теперь хаотичным ежиком торчали во все стороны.

– Я... я не хотела. – отстраненно пробормотала Тоша.

Антар внимательно посмотрел Тоше в глаза, она, по неизвестной ей причине его взгляда не выдержала и отвернулась в сторону. Обгоревший охотник широко улыбнулся и протянул ей руку.

– Да, я вижу, ты не врешь. Эта молния предназначалась не для меня, – уверенно произнес он, – Я Антар, сын Раохара, охотник Черничного леса.

– Татимитрис, э-э, Тоша, то есть. Танцующая с дождем, шаман.

Тоша проигнорировала покрытую сажей рукой, ограничившись легким кивком. Антар обернулся на горящий позади лес.

– На кого ты охотилась, Этоша?

– На альдебарана.

– Но это не альдебаран. Здесь только его шерсть, которую

он скинул во время весенней линьки. Сам он спит недалеко отсюда, минут пять пройти.

Тоша почувствовала, как почва начала уходить из-под ног. Столько усилий пошли прахом из-за того, что она не потрудилась проверить, есть ли, собственно, баран под всей этой кучей меха. Внезапно она почувствовала себя очень маленькой, уставшей и никому не нужной.

– Антар, ты смотришь на самую большую неудачницу в мире, – пробормотала Тоша, проведя ладонью по лицу.

Охотник не ответил, глядя на распространяющееся пламя. Огонь быстро перепрыгивал с ветки на ветку и охватывал деревья с возрастающей скоростью. Антар выставил палец в сторону пожара и снова посмотрел на Тошу. Его зеленые яркие глаза, словно два буравчика вонзились прямо в глубины ее души и достали до совести.

– Туши, – коротко произнес он, – ты ведь сможешь, Этоша?

– Я Тоша и да, это вроде как, это моя специализация, – устало сказала шаман.

Тоша отошла на пару метров от обжигающего воздуха и взмахнула руками, сделав мельницу, затем сделала шаг назад и выгнулась в изящном сальто, успешно приземлившись назад. Шаман с легким самодовольством, услышала, как пропустил вздох охотник. Магия среагировала сразу. В отличие от призыва молнии, когда ей нужно было вторгаться в чужеродную стихию и со скрипом копить ее энергию, вы-

зов дождя был родным и удобным заклинанием. В то время, как все остальные дисциплины, вроде изменения материи, манипуляции с пространством и вызов прочих стихий сильно утомляли ее, призыв Дождя происходил гармонично, совершенно не изматывая, а наоборот наполняя силой, спокойствием и душевным равновесием. Сначала изменилось небо. Сквозь широкие прорези в плотном одеяле лиственных крон, безупречно чистые голубые кусочки утреннего неба окрасились в серый цвет, быстро набежали тяжелые тучи, скрыв солнце, подул холодный ветер.

– Имраил, Иебор и Трекасса! – пропела Тоша, сложив руки домиком. – Поделитесь своей благодатью.

Гром разорвал некогда ясное небо, сверкнула молния и дождь холодным хлестким полотном обрушился на Черничный лес. Крупные холодные капли единой стеной прошибли плотные кроны дубов и вступили в схватку с лесным пожаром. Антар подставил обожженную спину толстым струям воды и заурчал от облегчения. Пламя угасало быстро, огонь отступал, с шипением исчезая на промокшей шерсти и листьях. Ветер ворвался на прогалину, разметывая обгоревшие ошметки, неся с собой спасительную прохладу, небо чернело, все гуще наливаясь грозowymi тучами, которые щедро рассыпали молнии и ливень на все, куда падал глаз.

– Это невероятно, Этоша! – сказал Антар, перекрикивая вой ветра. – Но, по-моему, ты перестаралась! Можешь уже остановить?

Тоша сплюнула кучу листьев, которые залетели ей в рот и счастливо улыбнулась. Ради таких моментов стоило жить. Ветер, переросший в ураган беспорядочными хватками срывал листья, влетал под одежду, раздувал волосы и уносил с собой всю печаль. Чистый, первозданный, холодный дождь смывал всю усталость и грязь, превращаясь на земле в звонкие прозрачные ручейки. Побывав под таким дождем, Тоша чувствовала, что заново родилась. Такие сильные и продолжительные осадки вызвать могла только она, чем шаман очень гордилась.

– Нет, остановить уже не могу! Я послала только заряд в небо, остальное уже делает природа. А зачем, тебе не нравится дождь? – смеялась Тоша, подставив лицо дождю

– Нравится, но теперь он точно проснется!

Тоша медленно повернула голову на нелепо улыбающегося охотника.

– С другой стороны, тебе больше не придется его искать, альдебараны чувствуют магию, он сам к тебе придет. Здорово, да? Сможешь закончить охоту! – ободряюще продолжил Антар.

Из-за дождливого полумрака, охотник не увидел, как сильно побледнела Тоша. Слова Антара подтвердил дикий рев, раздавшийся в каких-то ста метрах от прогалины. Деревья вздрогнули, с веток посыпались листья, взлетели немногочисленные зяблики, не побоявшиеся дождя. Земля содрогнулась, словно проснулся вулкан и по лесу раздался вселяю-

щий ужас рев, и последовавший за ним топот исполинских копыт. Антар спокойно встал и размял плечи и шею.

– Готовь свою молнию, шаман! – крикнул Антар, – я отвлеку его, а ты бей в темечко. Если не попадешь, тогда по ногам, жги ему связки, главное обездвигить, дальше пойдем.

– Но...я, – промямлила Тоша.

– Давай, он уже здесь! Молний двадцать должно хватить! Но только помощнее, чем в прошлый раз.

– Антар, я больше не смогу! – крикнула Танцующая с дождем, – одна молния – мой предел!

– О, – только и успел выдать Антар.

Стена из толстых пихтовых стволов и дубов, вздулась и взорвалась, как бумажный пакет. Вековые деревья разлетелись, словно и не весили по тонне каждое. На поляну ворвался альдебаран. Громадное, чудовищное подобие барана, широкая пасть усеянная зазубренными клыками, два горящих красных глаза, глубоко посаженные по бокам здоровенного черепа. Вытянутую черную морду украшали закрученные толстые рога медного цвета, каждый из которых был крупнее самой головы в полтора раза. Шерсть чудовища была совсем не похожа на те беспорядочные лохмы, которые шаман сожгла ранее. Блестящая, прочная на вид, красивого коричневого цвета, она была больше выглядела, как цельный непроницаемый панцирь. Тварь, походившая на гибрид огромного барана и рогатого виверна, издала оглушительный рев, от которого потрескались уцелевшие осины. Родившийся в

животе шамана крик ужаса, застрял в горле. Любой незадачливый зевака, оказавшийся рядом, моментально лишился бы барабанных перепонок, но Антар предусмотрительно зажал пальцами уши, жестом показав Тоше сделать тоже самое. Слуха шаман не лишилась, но сознание чуть не потеряла. Она представляла себе животное обычным бараном переростком, но он оказался настолько громадным и устрашающим, что не вписывался ни в какие рамки восприятия. Тоша с ужасом отметила, что ее макушка едва достает до основания копыта животного, настолько баран был большим. Альдебаран с шумом втянул воздух ноздрями и начал бешено вращать глазами, в поисках источника магии. Из-за своих размеров, монстр не заметил дрожащего шамана и затаившегося в траве охотника. Антар, воспользовавшись преимуществом, бесшумно переместился к Тоше, взял ее под мышки и увел к густым зарослям шиповка. Ливень, который и не думал прекращаться, скрыл шум их передвижения и запах тел.

– Какой план? – шепнул Антар на ухо Тоше.

Тоша сглотнула комок, все еще с трудом отходя от потрясения и нервно пожала плечами.

– Значит плана нет? – упорствовал охотник.

– Плана нет, – удрученно прошептала Тоша, – весь план был в том, что я поджарю его молнией. Последние силы я отдала на этот дождь.

– Ты думала сразить взрослого альдебарана одной молнией?

– Сиенна. Я думала, работает.

– Не знаю, что такое Сиенна, – пробормотал Антар. – Но на альдебарана нужно много молний.

Тоша уже собралась начать объяснять, но Антар прижал палец к ее губам. Альдебаран водивший носом наклонил голову в их сторону. С громадного рога ручьем потекла дождевая вода, выливаясь на головы неудавшихся охотников.

– Он учуял нас – губами произнес Антар. – Надо его валить.

– Его валить?! Нам самим надо валить, – также беззвучно ответила Тоша.

Охотник покачал головой, показав жестами бегущего альдебарана.

– Слишком быстрый, – прошептал Антар.

– Ты посмотри на эту махину. Чем ты валить его собрался? У тебя не то, что оружия нет, ты почти без одежды. Голыми руками убивать собрался? – язвительно прошипела шаман.

Антар кивнул и ободряюще похлопал Тошу по плечу.

– У меня сильные руки, – улыбнулся Антар и показал ей свои мускулистые руки

Тоша только сейчас заметила, какие глубокие шрамы покрывали крепкие руки Антара. Как и все его тело выше пояса. Каким бы не было детство у этого юноши, легким и безмятежным назвать его было сложно. Однако лицо излучало полное спокойствие и уверенность. Она не знала, шутит ли

Антар, серьезен ли или сошел с ума от отчаяния. Охотник принял низкий старт и сделал глубокий вдох.

– Когда я поймаю его, готовься усилить дождь.

– Поймаешь?! Вот это? Антар, ты умом тронулся или как?

Антар оттолкнулся подгоревшими пятками ичиг от промокшей почвы и на секунду исчез, появившись уже у правого копыта альдебарана.

– Какого?! Как ты это сделал? – вскрикнула от удивления Тоша.

Охотник не ответил, он встретился взглядом с альдебараном, смотря ему прямо в его круглые светящиеся ненавистью глаза. Антар неспешно подошел к копыту монстра легонько пнул его ногой и смачно сплюнул на него.

– У тебя два выбора, тварь, – убийственно холодным тоном произнес охотник, – ты или будешь хорошим питомцем или хорошим шашлыком.

Альдебаран издал свой фирменный устрашающий рык, но уже слабее, чем в первый раз. Слов охотника он не понимал, однако слышал его голос и то, что в нем полностью отсутствовал страх. Это мелкое розовое безоружное существо стояло у его ног с чувством полного превосходства, что вселяло раздражение и неуверенность в скудный мозг монструозного барана. Антар на это и рассчитывал, поэтому и не думал реагировать на запугивающие выкрики. Охотник стоял со скучающим лицом, не отводя взгляда от алых глаз чудовища. Альдебаран еще раз прорычал и резко боднул сво-

ей массивной головой, направив острие рога в наглую малявку. Рог цели не достиг, с грохотом вонзившись в мокрую почву. От удара покачнулись все деревья в радиусе двадцати метров, Тоша едва устояла на ногах. Брызги грязи черной россыпью легли на выкорчеванную траву. Когда осела пыль, монстр увидел Антара, стоящего в метре от рога с равнодушной миной. Охотник похлопал ладошкой по гладкому рогу, размером со среднего слона.

– Ты меня давай не зли. Питомец с таким характером мне не нужен. А баранину я люблю.

Альдебаран взревел и пропахал широкую борозду рогом, вытаскивая его из земли. Антар снова каким-то чудом остался невредим. Монстр повторил свою смертельную атаку, сотрясая землю своими мощными рогами, снова и снова, но каждый раз, Антар избегал попадания совершенно невыносимым способом. В один момент монстру надоело безрезультатное мотание головой, и он помчался в лобовую атаку, взрывая землю копытами. От начавшейся тряски и шума, можно было подумать, что наступает конец света. Тоша очнулась от оцепенения и короткими перебежками переместилась к могучим лиственницам, уворачиваясь от летящих камней и комьев грязи. Антар несся впереди альдебарана, немного выигрывая его по скорости. Присмотревшись, Тоша увидела, что дается такой способ передвижения охотнику непросто. Оторвавшись от барана на значительную дистанцию, Антар впился руками в колена и упал на одно из них

от нестерпимой боли в боку. В глазах потемнело, грудь сдавила сильная отдышка. Баран уже практически настиг бес- сильного охотника и нацелил рога в его торс, как вдруг снова ударил воздух. Охотник сгруппировался и исчез прямо перед самым ударом. Альдебаран с разбегу вонзился рогами в основание крупного холма, зарывшись рогами в цельный кусок скалы, который был скрыт за толстым слоем моха. Животное взвыло и дернуло головой, но рога прочно застряли в камне. Охотник словно возник из воздуха за бараном и упал на колени.

– Старый, добрый трюк с камнем, всегда работает, – прокомментировал Антар и рухнул на землю, тяжело дыша.

Охотник закашлялся и застыл на несколько секунд, с самодовольной улыбкой слушая подвывания альдебарана. Затем Антар приподнялся на локтях и махнул рукой деревьям.

– Усиливай дождь! – Крикнул охотник.

Тоша, все это время прятавшаяся за деревом кивнула и гордо вышла на прогалину. Ей внезапно стало очень стыдно за всю эту ситуацию, и она решила, что не может позволить какому-то незнакомому парнишке решить все ее проблемы. Шаман широко развела руки, подняла одну ногу и выполнила сложный пируэт, свесив голову назад. Тоша почувствовала, как последние силы покидают ее изможденное тело и оставляют после себя тягучий смертельный холод. Танцующая с дождем отдала всю себя в это заклинание и без сил опустилась на землю. Результат не заставил ждать. Небеса

взбесились, ветер прибавил силы в несколько узлов и стволы старых осин начали опасно крениться, молнии, следовавшие за оглушительными раскатами грома, испещряли небо каждые несколько секунд. Практически нулевая видимость и хлещущая со всех сторон вода, превратила лесной ливень в неистовый тайфун. Альдебаран, застрявший в камне, продолжал реветь. В его рыке уже не было звериной ярости, лишь жалобное блеяние, полное растерянности и страха.

Антар, преодолевая порывы ветра, добрался до Тоши и подхватил ее под руку.

– Все, теперь пошли! – прокричал он ей сквозь вой урагана.

– А как же баран?

– Он не пойдет за нами, камень задержит его ненадолго.

– Ну и какого черта я напрягалась со всем этим дождем, Антар, – бессильно пробормотала шаман, оперевшись на плечо охотника.

– мех альдебарана – это тридцать процентов его веса. Вода удвоит его. Он не сможет бегать пока не отряхнется, а в это время мы будем уже далеко.

Тоша кивнула, взглянув на Антара другими глазами. Парень, показавшийся ей лесным дикарем, пока что проявлял недюжинную силу воли, острый ум и полное отсутствие страха. Даже сейчас, уставший, измотанный, на грани обморока, Антар сохранял спокойствие и легкую улыбку на лице.

– Антар, скажи честно, ты под какими-то грибами, да?

– Что?

– Нет-нет, ничего, прости, вырвалось, пошли отсюда.

Они быстро выбрались с прогалины, несмотря на неутрачивающую бурю и углубились в чащу леса. Тоша уже морально готовилась к прыжкам по скользким корням долгие часы, как вдруг Антар взял ее за руку и уверенно потащил к кустам колючего чертополоха. Несмотря на все протесты шамана, охотник настоял, чтобы они прошли именно там и, о чудо, сразу за рассадой колючек, они выбрались на широкий лесной тракт с удобной каменной тропой посередине. Тоша мысленно в очередной раз прокляла свою невнимательность. Они шли в тишине, в спокойном темпе, под проливным дождем, который не собирался заканчиваться. Грозовые тучи протянулись до самого горизонта.

– Впечатляет, – свистнул Антар, – я думал ты слабачка, а тут такой дождь.

– Спасибо, ты тоже больше похож на бомжа, чем на охотника, – парировала Тоша. – Кстати, что ты вообще делал в той куче, в которой я чуть не зажарила тебя?

– Обтирался мехом, чтобы скрыть свой запах. Так они не смогут меня выследить.

– Они? Ты от кого-то бежишь?

– Да, мне нужно срочно доставить сообщению Великому кагану.

– Сообщение? Моему отцу? – удивилась Тоша, – И что за сообщение?

– Из Черничного леса надвигается смертельная опасность и он должен остановить ее, – проигнорировав услышанный факт, ответил Антар.

– Ну удачи с этим, даже я ждала две недели, чтобы попасть на аудиенцию к нему.

– Ясно.

– А что за опасность?

– Давай обсудим это позже, разговор утомляет, а силы нам обоим еще пригодятся.

– Конечно.

Какую-то часть пути они преодолели молча, охотник легко поддерживал шамана одной рукой, практически тащил на себе. Вскоре, Тоша почувствовала, как силы возвращаются, и она смогла идти сама. Из дождя начало уходить тепло, и вода начала неприятно холодить, не стихающий ветер пронизывал до костей, магия рассеивалась из-за чего шаман начала замерзать в собственном дожде.

– Антар, – нарушила молчание Тоша.

– Да?

– Я дочка кагана.

– Да, я понял, здорово.

Тоша, привыкшая к более яркой реакции на факт своего родства с величайшим человеком в стране, посмотрела на Антара с еще большим удивлением.

– Кстати, ты не должен сначала предупредить других охотников? У тебя же есть тут друзья или семья. Насколько я

знаю, большинство охотников живут прямо тут, в лесах, – со знанием дела спросила шаман.

– В этом нет необходимости, – спокойно ответил Антар, – все, кого я знаю, мертвы.

Тоша от неожиданности поперхнулась, не найдя в себе силы задать новый вопрос. Ее необычный спутник не переставал поражать своей невозмутимостью.

– Мертвы?! Что? Как? Ты уверен? – выпалила она.

– Конечно. Я уже проверил, добрался до своего клана и увидел... в общем, ты не захочешь слышать детали.

– Конечно захочу, давай рассказывай, я хочу знать все.

Антар с легким неодобрением посмотрел на Тошу, и шаман стыдливо прикусила язык.

– Прости, тебе, наверное, не хочется об этом говорить.

– Не хочется.

– Ладно, давай сменим тему. Расскажи, как ты так быстро двигаешься? Что это было вообще? Магия?

– Охотники не владеют магией. Это был волчий бег.

– Что, просто бег? Да тебя не видно было практически.

– Ну, это очень быстрый бег.

– Но это же невозможно.

– У меня сильные ноги.

Тоша закатила глаза и злобно посмотрела на Антара, но получила в ответ лишь размазанную улыбку.

– Ты ужасный собеседник, Антар. Ладно, храни свои секреты.

– Да нет, правда, никаких секретов. Специальные тренировки и много свежей черники.

– В любом случае, – жестом прервала его Тоша, – спасибо тебе огромное, Антар, я обязана тебе жизнью. Если бы не ты, я бы спалила весь лес к чертям и меня бы сожрал баран переросток. Отличный первый день в качестве шамана.

Антар внезапно развернулся и прыгнул на Тошу, кувыркнувшись вместе с ней в придорожные кусты. Раздался звук сочного удара по лицу. Охотник выполз на дорогу с разбитым носом, следом вышла Тоша с покрасневшим от ярости и смущения лицом.

– Ты чего это себе там нафантазировал, Антар, – гневно прошипела шаман, потирая кулак.

Охотник укоризненно посмотрел на шамана и молча показал на торчащий из ствола пихты грубый топор из непонятного желтоватого материала. Судя по траектории, летел он прямо Тоше в голову. Если бы не Антар, шаман была бы уже обезглавлена. Танцующая с дождем резко развернулась и встала в боевую стойку. С такой позиции она ясно услышала свист рассекаемого воздуха, как раз вовремя, чтобы удачно увернуться от второго топора, пролетевшего из кустов. Топор пролетел над правым ухом девушки и вонзился в ствол молодой ольхи, расколов его надвое. Тоша покрылась холодным потом, представив, что произошло бы с ее лицом, попади в него оружие, брошенное с такой силой.

– Засада! – крикнула шаман. – Я Танцующая с дождем,

шаман каганата! Напасть на меня, значит напасть на всю страну. Ты уверен, что хочешь иметь дело с настоящим шаманом, бандит? Сдавайся и тебе сохранят жизнь!

Антар вытер нос и подошел к топору, торчащему в дереве.

– Эти точно не сдадутся, – уверенно произнес Антар, внимательно осматривая рукоятку.

– Эти? – с тревогой в голосе спросила Тоша, – кто они эти?

– Боюсь ответ тебе не понравится.

– Да говори уже!

Антар сказал. Тоше совершенно не понравилось услышанное.

8.

– Слушать меня! – гаркнул лейтенант, – слушать и смотреть! В частности, вот ты, салага. Как тебя зовут?

– Ибдрахий Велимелис, господин лейтенант! – пролаял молодой солдат.

– Ибдрахий, святые духи, Ибдрахий?! Тяжело тебе было в школе с такими именем, да, Ибдрахий? Страна падет от рук врага, пока я буду твое имя произносить, Ибдрахий.

– Так точно, господин лейтенант!

– С этого момента ты кадет Недотрах, потому что вместо того, чтобы смотреть на меня, ты пялишься на задницу кадета Рима. От информации, которую я вам даю, зависят ваши никчемные жизни. Если ты не усвоишь то, что я сейчас тут буду рассказывать, можешь сразу прыгать вниз к дэвам, потому что все равно подохнешь. Это ясно, кадет?

– Да, господин лейтенант!

– А теперь слушать меня всем. Вам, вырождакам, выпал шанс показать, что вы настоящие мужчины! Да-да, и женщины, опусти руку, кадет Рима. Это Дармский форпост. Цитадель мира, Щит всего каганата, всего человечества, если угодно. Сюда приходят жалкими щенками, вроде вас, а уходят героями! В золоте, почете, настоящей гордостью своих матерей. Но если не будете слушать своего старого лейтенанта, то покинете крепость в мешке для трупов. Если будет, что упаковывать в мешки, дэвы редко оставляют сладкую человечинку гнить на земле.

Лейтенант подошел к кованому двухметровому ящику и открыл крышку. Взору кадетов предстала здоровенная рогатая тварь, отдаленно напоминавшая человека. Острые кривые зубы, в пасти, раскрытой в предсмертном оскале, ввалившиеся две дыры на месте носа, ссохшиеся уши. Серая, покрытая черным жестким мехом кожа, обтягивала вздутые и прочные на вид мышцы. По всему телу были впаяны бесформенные куски костяных пластин, закрывающие жизненно важные органы. Ладони и ступни были значительно больше человеческих и обладали длинными темными ногтями, больше походившими на ястребиные когти. Глаза, до боли напоминавшие человеческие, успели высохнуть, видимо труп лежал в ящике долгое время.

– Знакомьтесь, отряд, это дэвы, ваши лучшие друзья на ближайшие полгода. Бабуля мне рассказывала, что во време-

на шонси, это была развитая, опасная и многочисленная цивилизация. Не знаю, сколько правды в этих легендах, лично я вижу просто тупых животных, впрочем, менее опасными они не от этого не становятся. Мы не знаем, откуда берутся, чего хотят, почему постоянно прут из своей дыры. Интеллектом не блещут, мозгов, как у крыс, может чуть меньше. Вылезают они понемногу, по пять, десять ублюдков за раз каждый месяц. Иногда приходится иметь дело сразу с двумя десятками. Но для такой укрепленной крепости, как наша, с таким командиром, как я, убивать их не составляет проблем. Мы не знаем, как избавиться от них навсегда. Единственное, что можно сказать точно, дэвы очень любят жрать людей. Мы для них настоящий деликатес. Однажды я обезглавил одну такую тварь, а ее отрубленная башка продолжала обгладывать мой сапог. Понятно, да? Они дадут убить себя, но не упустят шанса цапнуть кадета Недотраха за его тощую задницу. Откуда такой голод? Опять же не знаем. Иными словами, мы не знаем о них ни-хре-на. Но.

Лейтенант выдержал паузу, как настоящий мастер речей.

– Но мы знаем, что будет, если дэвы минуют Дармский форпост. Они доберутся до мирных поселений, растерзают всех, кого встретят на пути, вырвут сердца вашим близким, а из остатков сделают себе горячее рагу. У них отсутствует мораль, принципы, убеждения. У них нет чувства страха. Их нельзя запугать, с ними нельзя договориться. Мы не знаем в чем их слабость, но знать это не наша с вами работа. Знать –

это задача башковитых магиков, которые периодически сюда наведываются. У солдат только одна задача – убивать! И в одном я уверен точно – убить этих тварей можно! Я двадцать лет провел здесь и могу с уверенностью заявить – нет лучшего ощущения в мире, чем чувствовать, как их поганая кровь стекает по рукоятке твоего меча. Когда здоровенный дэв кричит и пускает слюни от боли, как маленькая сука, корчась на твоём лезвии, такие моменты ты начинаешь ценить особенно. Убивать этих отвратительных мразей и тем самым защищать свои семьи, свою страну! Это истинное наслаждение, которое доступно лишь избранным. И сегодня я готов поделиться этим удовольствием вместе с вами! Вы понимаете, как вам свезло, кадеты? Вы понимаете, какая это честь просто стоять здесь?! Вы готовы встать на защиту всего мира?!

– Хура-а-а! – проревела толпа кадетов.

– Вот это голос настоящих воинов! Теперь я разговариваю с мужчинами с чугунными яйцами, а не с плаксивыми бабами. Рима, не зли меня, опусти руку.

Лейтенант нырнул рукой в ящик с трупом и выкинул на пол громоздкий кусок твердой субстанции, по форме напоминавший одноручный топор.

– Кузнечным мастерством племя вырождков также не владеет. Эти животные не отличаются любовью друг к другу, поэтому убивают старых и ослабевших особей и делают оружие из их костей. Чаще всего это дубины, реже топоры, как

попало заточенные куски бедренных костей на костяных рукоятках. Оружие они часто украшают зубами, их собственными или человеческими, в зависимости, как битва пройдет. И все же, какой бы формы не был кусок кости, это все еще тяжеленный кусок кости. Попадет по руке, оторвет по плечо. Попадет по башке, рад был знакомству. Это страшное оружие, так что уворачивайтесь, чтоб вас! Фехтование у дэвов также не в почете, поэтому они просто машут своими черенками по воздуху, но машут быстро, а руки у них значительно сильнее, чем у человека. Поэтому, если вы такой же худосочный дрыщ, как наш кадет Недотрах, не стройте из себя героя и не пытайтесь парировать. Уворот и удар, – вот ваш ключ к победе. И если вам каким-то чудом удастся лишить дэва его оружия, не расслабляйтесь. Это все еще сто двадцать килограммов мышц, острых когтей и клыков, не обремененных страхом. Вопросы есть?

Один из кадетов неуверенно поднял руку.

– Ты уже не на уроках в училище, кадет, рожай уже, – с ухмылкой произнес лейтенант.

– Господин лейтенант, там деревья шевелятся, – судорожно прошептал кадет.

Лейтенант воззрился на кадета взглядом полного недоумения и презрения. Так смотрит отец большого семейства на самого тупого из своих детей.

– Недотрах, ты меня решил достать за сегодня, да?

– Деревья, командир! Это не ветер, в деревьях кто-то

есть! – поддержала Рима.

Лейтенант смачно выругался и подошел к зубцам на крепостной стене.

– Имраил всемогущий... – прошептал лейтенант через секунду. – Их тысячи! Тысячи!

9.

– Их тысячи! – прокричал Койор, его голос перекрыл звук надрывающегося сигнального рога.

– Вижу. Как мы их пропустили, – прохрипел Огда. – Почему молчало внешнее кольцо?

– Не знаю, мы там целый гарнизон распределили по вышкам, не могли же они все разом ослепнуть.

Огда неверяще смотрел на разрастающееся облако тьмы. Тысячи черных точек выбегали из-под сени деревьев Черничного леса, самые первые из них уже прошли большую часть равнины перед крепостью. Враг быстро и беспрепятственно проходил мимо начальных башен и укреплений, находящихся в сотне метров от первой крепостной стены, не встречая совершенно никакого сопротивления.

– Почему не работает купол? Чем занята эта старая карга в такой момент? – вскипел седой солдат.

– Ты видишь, Огда? Это не люди. Это же, да, я почти уверен...

– Дэвы, – выдохнул Огда, – не думал, что я еще увижу их на своем веку. Еще и в таком количестве.

Войско дэвов черным кольцом сжималось вокруг крепо-

сти, их специфичное рычание, похожее на утробное повизгивание, и нестерпимую вонь отчетливо доносил поднявшийся ветер. Они были рядом и стремительно подбирались к крепостной стене внешнего кольца. Твари так близко подошли, что даже подслеповатый Огда с легкостью различал детали их экипировки, полностью состоящей из высушенных костей. В дополнение к своим гротескным костяным доспехам, многие тащили на себе куски свежей человеческой плоти, целые торсы с головами и откушенными конечностями. Останки, привязанные волосяными веревками, волочились за дэвами, оставляя кровавый след на земле. О предназначении страшного багажа оставалось только догадываться. Передвигались дэвы на четвереньках, быстро сокращая расстояние до стены. Тяжелое снаряжение никак не сказывалось на скорости передвижения тварей, которые бодрым галопом стремительно приближались к первым восточным воротам. Уже начали раздаваться первые крики жителей и солдат, увидевших страшное войско со стен. Сигнальный рог продолжал истошно гудеть, оставалось только позавидовать силе легких солдата, дувшего в него.

– Койор, пойди, заткни рог, – вырвавшись из минутного оцепенения, произнес Огда, – вызови ко мне капитана гонцов, затем всех сотников, которых встретишь. Третьему и шестому батальону лучников прикажи занять стены внутреннего кольца. А после найди Ширму, без этой старухи мы не продержимся и часа. На все тебе десять минут.

– Внутреннего кольца? А что с внешним.

Огда замолчал, предавшись простым математическим вычислениям.

– Солдаты внешнего кольца задержат врага, пока мы укрепляем крепость. Как только всех соберешь, скачи к восточным воротам и прикажи перекрыть их.

– Перекрыть? Огда, во внешнем кольце сотни людей!

– А здесь тысячи! Выполняй свой долг, солдат!

Огда сдвинул брови, на мгновение превратившись в того самого грозного командора Огдаризира. Койор никогда не спорил с Огдой в критические моменты, не стал и теперь. Черта, которая делала его прекрасным солдатом, но, возможно, не позволила бы ему самому стать отличным командиром.

Приказ Койор выполнил с присущей ему пунктуальностью, уложившись за семь минут. Последней, возле Огды оказалась запыхавшаяся девушка в ярко-желтой накидке и гербом каганата, вышитом на ней. Ее черные волосы, обычно собранные в аккуратный хвостик, сейчас были беспорядочно растрепаны по всему лицу. На полных губах застыла пивная пена, а в скосившихся темных глазах осуждение. Койор бесцеремонно вырвал ее прямо из трактира, закинул на плечо и мощными прыжками доставил на стену, не потрудившись дать объяснения, после чего умчался к восточным воротам.

– А, капитан Бранка, рад видеть. Срочное задание для тебя. – поприветствовал взъерошенную девушку Огда.

– Я подам жалобу в штаб, командир. – тяжело дыша отозвалась Бранка, – так не пойдет. Я пиво с парнями... а тут эта козлина хватает меня... парни ржут. Так не пойдет!

– Твои парни пусть тоже собираются, все девять гонцов. Вам нужно доставить вот эти письма во все близлежащие поселения, до левого рукава Понки, а лично ты поскачешь в летнюю ставку.

– Командир! – взорвалась Бранка, – у нас выходной, первый за весь год! Ну нельзя же так с людьми.

– Скажи это им. – Огда кивнул в сторону восточных ворот внешнего кольца.

Бранка обернулась и проглотила ругательства, которые были готовы сорваться с ее языка. Восточная стена заставы вся почернела от огромного количества дэвов, перелазивших через нее. Цепкие твари не нуждались ни в осадных башнях, ни в лестницах, они вонзали свои твердые когти в отверстия между камней и быстро преодолевали высокие стены. Крепостные войска не успели среагировать на столь стремительное вторжение и уже сейчас несли огромные потери. В большинстве своем не до конца протрезвевшие солдаты были убиты на месте первой же сконцентрированной атаки. Горстка оставшихся защитников в ступоре и смятении отступали к внутренним воротам, никто из них никогда прежде не встречал такого страшного противника. Дэвы вселяли первобытный ужас. С дикими животными криками и воплями они налетали на беспомощных стражников,

сокрушая их щиты и копья, сменяя доспехи и людей внутри них, мощными ударами своих костяных оружий. Очень быстро проселок между стеной и первыми домами заставы заполнился человеческой кровью и криками ужаса. Тех, кто не сразу падал замертво, дэвы хватали и начинали рвать зубами. Монстры жадно вгрызались в плоть еще живых стражников, сдавливали головы в шлемах, лопаая их, словно шарик с кровью, выкручивали конечности и разрывали тела на части, ввергая в паническое бегство оставшихся на ногах защитников. Во всех их действиях чувствовалась звериная ярость и чистая, неприкрытая ненависть. Мирных жителей во внешнем кольце не осталось, тех немногих несчастных, которые любили гулять по утрам вокруг заставы, постигла та же страшная участь, что и солдат. Дэвы не щадили никого. Отряды чудовищ сносили двери и стены, врываясь в дома, из окон которых доносились отчаянные крики и леденящие кровь звуки разрываемой плоти. Из модного красного дома с резными башенками, со второго этажа вылетел знаменитый художник, рисовавший портрет шестой жены кагана. Он шлепнулся на брусчатку, разбив нос и медленно сел. Вместо правой руки у него зияла кровоточащая дыра с рваными краями. На сонном утонченном лице художника застыло легкое удивление и равнодушие, не смотря на хлещущую кровь. Такое лицо бывает у людей, уверенных, что им снится кошмар. Художник умер, сидя нагишом на холодной мостовой, прежде чем, боль пробилась в его окутанный алкоголь-

ными испарениями мозг. Большинство граждан, живших у восточных ворот, встретили похожий конец. Они погибали быстрее, чем осознавали, весь ужас происходящего. За доли секунды, они оказывались с разорванными глотками и оторванными конечностями на городской мостовой, висящими на кустарных грубых пиках, сломанные, перекрученные, превращаемые в абсолютное ничто непреодолимой волной мышц, костей и клыков наступающих. Тем, кто успел осознать ситуацию, повезло меньше. Городской пекарь почти добежал до ворот, таща свою десятилетнюю дочку на руках, оставалось каких-то десять метров. Раздался удар и короткий детский вскрик. Через мгновение, обглоданные остатки их трупов смешивались с почвой и втоптывались в грязь волосатыми когтистыми лапами. С внутренних стен зазвучал рог, подающий сигнал отступления. Солдаты, побросав свои посты, бежали к спасительным железным воротам. С начала атаки прошло шесть минут. Бой за внешнее кольцо был проигран, даже не успев начаться.

– Капитан.

Бранка дернулась и вернулась в реальность. Все это время, она не переставала больно щипать себя за руку, в надежде, что все увиденное, просто ужасный сон.

– Ты все поняла, капитан?

– Что это за твари, Имраил всемогущий, – дрожащим голосом спросила Бранка.

Огда взял девушку за плечи и сильно потрянул.

– Приказ понят, капитан? – спокойно спросил Огда, глядя в глаза Бранке.

– Доставить письма по поселениям до левого рукава Понки, мне самой отправиться с письмом в летнюю ставку, – севшим голосом произнесла Бранка.

– Чудно.

– Что... здесь происходит, командир?

– Тебе нужно знать всего две вещи, капитан. Первое: скорее всего, мы все обречены. Купол Ширмы пропал, как и сама шаман. А к вторжению такого противника мы готовы не были, поэтому падение заставы вопрос времени. Все, кто есть в этой крепости умрут незавидной смертью, – спокойно объяснил ей алебардист. – Второе: если ты не доставишь эти письма с приказом об эвакуации, умрет еще больше людей. Простое уравнение, верно?

Бранка неуверенно кивнула.

– Застава уже окружена, но западные ворота враг игнорирует. Дэвы идут мимо, видимо, рассчитывая, что захватят нашу крепость по ходу дела. Я им этого не позволю. Сейчас мои сотники собирают все имеющиеся войска во внутреннем крепостном бастионе и дадут этим тварям бой. Им придется разомкнуть оцепление, чтобы всеми силами ударить по восточным воротам внутреннего кольца. Ворота, они, разумеется, прорвут. Но к этому времени мы проредим их ряды и путь через западные ворота будет скорее всего свободен. Именно через них ты и твои люди проедете вперед, чтобы

доставить письма. Пока понятно?

Еще один молчаливый кивок.

– Доедут не все, капитан, думаю, ты это понимаешь. Но конкретно ты доехать обязана любой ценой. Мы не можем потерять летнюю ставку – твердо сообщил Огда.

– Доехать любой ценой, поняла командир, – сдавленно произнесла капитан гонцов.

– Отлично, тогда собирай людей и жди сигнала у западных ворот. Я думаю, мы продержимся минут тридцать, используйте это время с умом.

– Для чего?

– Для молитвы, Бранка. Уверен, сейчас самое время для молитвы.

9.

Наварона вытерла губы и с сожалением посмотрела на свой кожаный доспех. Точечная зачистка периметра отняла достаточно времени и сил, что не могло не сказаться на внешнем виде ее экипировки. Разорванный во многих местах, покрытый засохшей кровью вываренный ламелляр, выглядел жалко и совершенно не соответствовал новому мироощущению. Недолго думая, она сорвала с себя изношенный доспех, полностью открыв миру свои прелести. Обнаженная девушка прошла босиком по изувеченным трупам солдат, с наслаждением подставив лицо холодному утреннему бризу, который, казалось, совсем не морозил ее бархатную кожу. Нава подошла к последнему большому кристаллу, впа-

янному в трехметровый железный стержень, наподобие факела. Она нежно обняла его и сдавила, чувствуя, как заключенная в кристалле магия вибрирует по всему ее телу. Кристалл рассыпался, от чудовищного давления, распавшись на сотни ярких осколков. Солнце уже робко выглядывало из-за горизонта, заставляя ее щуриться и неприятно поеживаться от прикосновения первых лучей. Нужно было управиться до обеда. Перспектива бегать под палящим солнцем совершенно не прельщала Наву, с учетом особенностей ее нового состояния. Десятник, бодро насвистывая, пробежалась по все еще утопленным в сумраке крепостным улочкам. Лежащий на земле пьяный солдат заметил ее и с хрипом вытаращил глаза.

– Богиня, – пробормотал он.

Нава весело подмигнула ему и встала прямо перед ним, заставив его глаза жадно бегать по каждому сантиметру своего обнаженного тела.

– Сладость моя, не подскажешь где тут могущественный колдун, которого вы зовете шаман, – вкрадчиво спросила Наварона, соблазнительно покачивая бедрами.

Пьяница ткнул дрожащим пальцем в сторону разрушенного Зала Стихий, не в силах оторвать глаз от незнакомки.

– Ты ж мой герой, – проворковала Нава и мощным ударом ноги размозжила солдату голову.

Кирпичная стена треснула и окрасилась багровым пятном крови, кусочки черепа и мозгов разлетелись, приклеившись

к ней причудливым узором. Наварона на секунду задержалась, чтобы в художественном трепете оценить свое творение и магическим образом растворилась в воздухе.

Материализовалась девушка уже у входа в Зал Стихий. Пара крепостных стражников у каменной арки, вздохнули от неожиданности, но сразу же были умерщвлены двумя хлесткими ударами ладоней в область шеи. Звякнули об пол упавшие головы в шлемах, следом грузно рухнули и тела. О скрытности уже можно было не беспокоиться. Наварона облизала окровавленные пальцы и вошла в Зал. Там, посреди разрушенного просторного холла стояла Ширма, расчищающая завалы. Она ловко манипулировала камнями, висящими в воздухе в полупрозрачных сферах и осторожно укладывала их в стороны. Наварона нарочито громко прошлепала в центр зала и даже откашлялась. Шаман не потрудились обернуться, чтобы посмотреть на нее, продолжая разгребать камни.

– Старость, это так ужасно, – прокомментировала Наварона, – ты видать совсем оглохла с годами, старуха.

– Просто не люблю бессмысленный треп, – спокойно ответила Ширма.

– Что, совсем не интересно, кто я? Как прошла твой хваленый барьер? Нет?

Ширма молчала, сосредоточенно собирая паззл из камней. Наварона вздохнула и медленным шагом направилась к старушке, потирая ладонь.

– Надо признать, я ожидала отличного боя, шаман. Такой впечатляющий купол отгрохала и даже не сопротивляешься. Честно, я разочарована.

Наварона прошла про мелким осколкам стекла, с садистским удовольствием, чувствуя, как они вонзаются в пятки, пуская кровь. Из-за обилия грязи, пыли и кусков разбитого витража, она не сразу заметила, что необычные узоры на полу легонько мерцали и буквально сочились невероятным количеством магии.

– Ах ты старая, хитрая, сморщенная сука, – прошипела Наварона.

Каменные плиты вспыхнули синим светом и чудовищной силы притяжение впечатало Наварону в пол, превратив ее лицо в кровавое месиво. Давление на тело оказывалось невероятное, словно весь мир обрушился на ее кости, превращая их в пыль. Кожа трещала и, казалось, вот-вот лопнет, вывалив все внутренности наружу. Ширма вальяжно развела руки, наиболее крупные куски потолка среагировали и поднялись в воздух.

– Не сме-е-е-й! – брызжа кровью, протянула десятник.

Шаман махнула руками и осколки устремились к Навароне, обрушившись на нее сокрушительным водопадом. Ширма равнодушно слушала неаппетитные звуки ломающихся костей, перемешанные с воплями девушки, и смотрела на озеро крови, растекающееся из-под камней.

– Я живу в этом зале последние двадцать лет. Неужели,

ты думаешь, что я не подготовилась к незванным гостям, – спокойно спросила Ширма. – И, кстати, у меня на лице нет ни единой морщины, так что твои выпады безосновательны.

Из-под камней раздалось бульканье. Если Наварона и пыталась что-то произнести, сделать она этого не могла. Голосовые связки были уничтожены, как и само горло.

– Я уверена, что так просто дело не кончится. Посмотрим, какой по счету демон мне попался.

Ответа не последовало. На какое-то время, в Зале повисла тишина, как вдруг, кровь, обильно растекшаяся по всему полу, изменила свои свойства и начала втягиваться обратно под камни. Груда осколков, под которой была погребена Наварона задрожала и начала осыпаться.

– Вот как, – пробормотала шаман и в ее голосе промелькнула горечь, – Значит, демон номер Два, сама ракшаси, Тысяча Смертей, пожаловала в гости. Это будет непросто.

Насыпь разлетелась в пыль, пустив камни к потолку, наподобие фейерверка и взору шамана предстала ожившая Наварона. Кровь текла вверх по ее ногам и толчками вливалась обратно в ужасные раны на теле девушки. Кости срастались на глазах, рваные куски кожи с шипением прилегали обратно к плоти, безупречно, не оставляя шрамов. Последней встала на место челюсть и заново вырос откушенный язык.

– Сука – выпалила Нава, вытарасив новообретенные глаза на шамана. – Ты хоть представляешь, насколько это больно.

– Охотно верю.

– О, нет-нет. Я хотела просто сожрать тебя, но теперь ты так просто не отделаешься. Я зубами сниму с тебя кожу, старуха. Сантиметр за сантиметром. А потом задущу тебя твоими же кишками, мразь!

Наварона вопила и щелкала клыками, слюна капала с ее раскрытой пасти, стекая по груди.

– Как вульгарно. Женщина не должна так себя вести, девочка – фыркнула Ширма.

Наварона по-змеиному зашипела и дернулась в сторону шамана, но не смогла сделать и шага. Камни позади нее дернулись и загорелись синевой.

– Печать тяжести на полу, связывающие руны на камнях, а ты серьезно готовилась к моему приходу, – рассмеялась Наварона, – боишься меня, шаман? Правильно, я бы тоже себя боялась.

– Ты на удивление много знаешь о человеческих заклинаниях.

– Эти заклинания придумали давно и далеко не люди, старуха. Вы же, мразь людская, только красть и можете.

– Справедливо, – согласилась Ширма, – что ж, позволь мне показать кое-что оригинальное, авторское, так сказать.

Маленькая женщина развела руки в сторону и ловко провела ногой по полу, формируя круг.

– Честно, не думала, что еще найдется противник, который заставит меня исполнить полноценный танец. Но с то-

бой, демон, думаю, можно не сдерживаться. – сказал Ширма, продолжая изящно двигать руками.

Танец Ширмы был спокойный, размеренный, без лишних движений и драматических выпадов, за которые она часто ругала Тошу. Закончив, шаман сложила руки вместе и направила их в сторону скованной невидимыми путами Навароны.

– Имраил, Иебор и Трекасса, – торжественно произнесла Ширма, – направьте мой гнев.

Шаман опустила руки и выдохнула. Какое бы заклинание она не исполнила, оно отняло у нее силы. Наварона улыбнулась, предвкушая световое шоу с мощными взрывами и потоками магии, но вместо этого раздался тихий хлопок, и внезапно погас весь свет в зале, словно кто-то задул гигантскую свечу. Десятник почувствовала, как растягивается кожа на лице, сжимается желудок и появляется легкий привкус соли в рту. Симптомы, с которыми она была знакома, как никто другой.

– Портал? Seriously? Столько пафоса, и все, ради того, чтобы меня куда-то перебросить, – расхохоталась Наварона, – ты, настолько боишься остаться со мной наедине?

– Напротив, я переносу нас в более... приватное место. Нам предстоит долгая и продуктивная беседа, лишние уши нам ни к чему.

Голос шамана потонул в темноте, которая вдруг стала осязаемой и совершенно не пропускающей света. Наварона за-

крыла глаза и полностью отдалась во власть привычных ощущений. Сначала ее тело словно сжалось до размеров игольного ушка, затем разлетелось на миллиард кусочков, существовавших каждый по отдельности в то же время вместе, и собралось снова где-то вдалеке. Нава начала лететь. Сквозь материю, время, события, места и лица. Перед ее глазами за считанные секунды образовывались и рушились империи, происходили войны, катаклизмы, рождение и закат целых цивилизаций, ветер вздувал ее эфемерные волосы, океаны энергии бушевали, вскипали, замерзали, высыхали и снова заполнялись. Жизнь, смерть и цикл. Она наблюдала все и одновременно ничего. Все ее сознание стало единым с полетом, чувство абсолютной безграничной свободы, которое она так любила во время собственных перемещений в пространстве. В этот раз процесс ей показался ощутимо глубже, дольше и приятней. Наварона решила, что, в благодарность, она все же недолго будет мучить шамана. Выдавит глаза, вырвет руки, и, пожалуй, этим ограничится.

Переброс закончился. В летящем пространстве открылась отверстие, которое бесцеремонно выплюнуло Наварону на холодную шероховатую поверхность. Этот печальный безвкусный момент всегда завершал волшебное и по-своему прекрасное заклинание портала. Нава со стоном поднялась на колени и с удивлением обнаружила, что она по-прежнему окружена полной темнотой. Что было странно, учитывая, что солнце должно было уже подняться высоко. Наварона

осмотрелась вокруг и не увидела ничего, кроме темно-серой поверхности, на которой она сидела. Каменистая, пористая, без какой-либо растительности, земля странным образом закруглялась на расстоянии примерно в два километра в каждом направлении от Навароны, словно она сидела на широкой вершине идеально круглого холма. Вокруг тяжелым покровом висела, непроглядная, иссиня-черная темнота.

– Как тебе вид? – бодро спросила Ширма, неслышно возникшая сзади. – Уверена, за тысячи лет, что ты осквернешь этот мир своим присутствием, ты впервые смотришь на него с такого ракурса.

Голос шамана звучал странно, словно бы отражался в глубоком пустом колодце. Видимых источников освещения не было видно и все же абсолютной темноту назвать было нельзя. Нава легко могла рассмотреть собственные руки и Ширму, стоящую рядом с ней с равнодушным выражением лица. Небо было черным, такой девственно чистый черный цвет, Наварона видела впервые, ни луны, ни звезд и все же, ее не покидало ощущение, что ночь еще не наступила.

– Космос, – выдохнула догадавшаяся Наварона, – ты, ненормальная, забросила нас в космос?!

– Верно, – гордо, произнесла верховный шаман. – А точнее на астероид класса Эриот, из главного пояса нашей замечательной планеты. В течение жизни я установила порталы на три тысячи восемьсот сорок три астероида в ближайшей орбитальной группе, что позволяет мне свободно пере-

мещаться между ними и периодически ронять их на землю в нужную мне точку. Это то, за что меня часто называют сильнейшим шаманом в мире. Я назвала заклинание Танец с небом. Как тебе? Погоди, не отвечай, Эриот уже завершает свой оборот, скоро сама увидишь.

Астероид, который действительно все это время незаметно двигался вокруг своей оси, открыл за закругленным краем невероятный вид. Наварона раскрыла рот в сильнейшем за всю свою долгую жизнь удивлении. Из-за горизонта величественно выплывал огромный слегка сплюснутый круг планеты. Светящийся, словно целиком состоящий из магической энергии, овал планеты завораживал и потрясал воображение. Ледяные шапки украшали шар сверху и снизу, слившись в объятиях с необъятным океаном, посреди которого неровными разноцветными кусками плавали континенты. Наварона видела весь Великий каганат, казавшийся отсюда небольшим кусочком пирога, который можно было уместить на ладони. Громадные леса, Черничный и Лес призраков, опоясывавшие великую степную страну, отсюда выглядели, как редкие чахлые кустики. Справа от каганата прилежался Конгломерат короля Дитраса, небольшое государство, уступающее по размерам и количеству видимой растительности. Там же, граничили государства Ихтейт, Профур, Ардана и Канорское Содружество. Королевство Маррион расположилось особняком, утопленное в бескрайнем полотне вечнозеленых лесов. Там, на границе с Конгломера-

том, леса кишели враждебным к людям народом великанов иныжей, периодически досаждающим обоим государствам. На своеобразном визуальном перекрестке всех государств, гордо белело пятно Бондо, страны полного нейтралитета, земля, где были запрещены все конфликты, а если такие и вспыхивали, то сразу же подавлялись с особой жестокостью местными Стражами, существами могущественными и крайне нетерпимыми к нарушителям их священных законов. Дальше, через море Туманов, громадная страна Друмага, почти полностью состоящая из ледников, соединялась с материком Курут, белой пустыней, целиком состоящей из мелких независимых и постоянно воюющих друг с другом государств. Завихренное поле из темных штормовых облаков непрерывно перекрывала большую часть третьего и самого большого материка, на котором расположилась ничейная земля, покрытая мраком неизвестности и вечным дождем. Единственное государство на материке, о котором хоть что-то знал остальной цивилизованный мир, называлось Люхэб и это была вся доступная информация о нем. Голубой шар полностью выплыл из-за края астероида. Вид сверкающей планеты, окруженной широким поясом астероидов навсегда оставил свой след в памяти Навароны.

– Бесподобно, – спустя какое-то время созерцания, признала, Наварона.

– Пожалуй, хоть в чем-то, мы с тобой согласны, ракшаси.

– Знаешь кто я? Это приятно, – оживилась Наварона, не

отрываясь от сказочного вида.

– Да, я, наверное, одна из немногих кто детально знает легенды шонси, – горделиво подтвердила шаман.

– Остальные будут рады. Архонт, например. Он всегда болезненно относился к своей репутации. Никогда этого не понимала, зачем так беспокоиться об этом?

– О своей репутации?

– О том, что вы шваль людская, думаете о нас? Вот ты, шаман, беспокоишься о том, что думает курица, прежде чем ты зарежешь ее на обед?

– Я мясо не ем, но аналогию поняла, спасибо.

Наварона посмотрела на старого шамана и ее губы тронула тень улыбки.

– Знаешь, ты мне даже нравишься, старуха. Жаль, что ты человек.

– Вот как? Это радует. Может, тогда не будем опускаться до варварского насилия? Посидим, выпьем чаю, обсудим возможные варианты, как цивилизованные...э-эм, люди?

– Сказала старуха, размазавшая меня по полу меньше пяти минут назад.

– Мы оба знаем, что тебе, это как укус комара. Тебе какой чай заварить?

– У тебя есть чай? Тут, на астероиде?

– И даже плетеная садовая мебель. Пару домиков, кровать. Астероид покрыт приличным слоем кислорода, который, кстати, позволяет нам сейчас разговаривать. Я даже раз-

била небольшой садик тут, неподалеку. Если по секрету, я по молодости использовала эти астероиды, чтобы таскать сюда симпатичных парней с училища. Изначально все строилось ради одного неблагодарного идиота, но как-то не срослось.

– О...

– Да, лишь потом поняла, что их можно использовать, как боевые снаряды. Но в первую очередь, для меня это место для свиданий, с лучшим видами во Вселенной.

– Впечатляет, шаман.

– погоди, я тебе расскажу детали. Был один второкурсник, мы с ним пересеклись на уроках Танца увеличения, а ты знаешь парней, большинство идиотов сразу же попытались использовать новые навыки на своих приборах. Ох и кровищи же было тогда. Впрочем, у одного получилось очень неплохо, его-то я и затащила на первый Эриот. Так, что ты решила с чаем?

– Есть бергамот?

– Безусловно, – расцвела Ширма.

Наварона сделала резкий выпад и выкинула вперед руку. Пальцы девушки схватили воздух, там, где должны были соприкоснуться с шеей шамана. Нава кувыркнулась, без помех пройдя сквозь шамана.

– Это проекция, дорогая. Я же не идиотка, чтобы стоять рядом с тобой и распинаться, – холодно произнесла Ширма. Ракшаси грязно выругалась.

– Скажи, неужели это так необходимо, – спросила проек-

ция шамана с легкой ноткой разочарования в голосе.

– Что, кончился бергамот? Я вполне обойдусь, обычным травяным настоем.

– Нет, я про деятельность вашего кружка демонов-неудачников. Ну знаешь, истребить весь человеческий род, например.

– А, ты про это. Да, это абсолютно необходимо.

– Почему? Не дает покоя наша победа в войне против вас?

– Ты, старуха, ничего не знаешь, – прыснула Наварона, – никого вы, крысы не побеждали. Это сказки, которыми вы кормите своих детей, чтобы они никогда не узнали о том, насколько жалким является человеческий род.

– Ну тогда, расскажи мне правду.

– Шаман, – спокойно сказала Наварона, – ты вроде говорила, что не любишь пустую болтовню.

– Я просто надеюсь понять ваши мотивы.

– Мотивы? Мясо в районе твоего хребта самое нежное, вот мой мотив. Чем сильнее существо, тем вкуснее его душа. А твой аромат просто сводит меня с ума. Ты сильна, старуха, а значит пойдешь мне на обед.

– Жаль, я думала, посекретничаем по-девичьи. Кстати, а действительно, как ты прошла через мой купол? Он настроен так, чтобы превращать в прожаренный фарш врагов каганата. А ты, демон, как минимум подходишь под это описание. Наварона любовно прошла пальцами по своей коже.

– Это тело принадлежало солдату каганата, шаман. Одно-

му из самых лучших и лояльных трону. Твой защитный купол не среагирует на меня, даже если я кину в него твою оторванную голову. Кстати, я рада, что ты здесь, развлекаешь меня. Твой поганый купол не доставит проблем моим друзьям.

Ширма сузила глаза и поджала губы. Она перенесла их обеих сюда, чтобы избежать жертв, потому что их поединок разнес бы половину города. Но вместе с ней, исчез и магический поток, поддерживающий купол. Благо еще оставались накопительные резервные кристаллы, которые обеспечивали его работоспособность долгое время и без нее. Словно прочитав ее мысли, Наварона гаденько улыбнулась и разжала кулак, посыпав на землю синими блестящими кусочками.

– Ах ты дрянь, – произнесла охрипшим голосом шаман. – Диверсия, значит. Об этом я не подумала. Нам пора закругляться.

– Хотя в этом я с тобой согласна, старуха, – ощерилась девушка, – надо быстрее найти тебя и закопать на твоём же любимом астероиде.

Наварона с хрустом размяла шею и кости.

– И каков план? – с насмешкой спросила шаман, – будешь бегать по всему астероиду, в поисках моего физического тела?

– А какой план у тебя, старуха? Заболтать меня до смерти? У тебя пока отлично получается.

– Как у тебя с астрономией, демон?

– Астро... что?

– Я так и думала. Отлично, значит, все, что произойдет дальше, будет для тебя неприятным сюрпризом.

Край астероида внезапно засветился ярче и из-за него вынырнул сноп ярчайшего белого света. Луч прошелся по коже девушки и потоком острых гвоздей вонзился ей в глаза. Наварона взвыла и упала на спину, с шипением катаясь по каменистой поверхности.

– Ультрафиолет. Чистый, не смягченный озоновым слоем, – довольно произнесла Ширма. – Потянуть время, пока Эриот не совершит оборот вокруг оси и повернется в сторону Солнца. Таков был мой план, демон.

– Ах ты лживая, су-у-ка, – визжала Наварона. – Найти компромисс она хочет, тварь!

– Ракшаси, – осклабилась Ширма, – ну ты же демон, и тем более женщина. Ты должна знать о лжи больше, чем кто-либо другой.

Слепящий шар Солнца полностью вышел из-за горизонта, скрыв все поле обзора плотном чистого белого света. Ракшаси извивалась, как уж на раскаленной сковороде. Солнечные лучи, полностью залившие эту сторону метеорита, буквально выжигали нежную кожу девушки, превращая ее в горящие ошметки, почерневшая плоть слезала слоями, как с вареной капусты, обнажая кости. Черный дым со свистом, вырывался из глаз и носа Навароны, ее длинные рыжие волосы воспламенились и распались на обгоревшие лоскутки за

считанные секунды. Десятник перестала дергаться и застыла, превратившись в большой, догорающий уголек за неполных три минуты. Эриот завершил оборот и отвернулся от Солнца, вернув спасительную прохладу на поверхность астероида. Наварона, от которой остался хрупкий на вид обугленный скелет, оставалась недвижимой.

– Такого эффекта я не ожидала, – честно призналась Ширма, – легенды говорят, что ты не любишь Солнце, но, чтобы настолько.

Шаман материализовалась на безопасном расстоянии от скелета. На ее лице проступили небольшие капельки пота, заклинание портала на значительное расстояние, считалось высшим достижением контроля над пространством, материей и давалось далеко не всем шаманам. Создать же портал на орбите планеты, за всю историю удалось лишь ей одной. После такого сложного Танца, поддерживать еще и реалистичную проекцию, было делом изнуряющим.

– Я знаю, ты меня слышишь, демон – с легкой одышкой, сказала шаман, – Принцесса Легион, Тысяча смертей, Тысяча клинков, у тебя выдающиеся регенеративные способности. Дав тебе прозвище, шонси вовсе не имели в виду твое мастерское владение оружием. А лишь указывали на то, что убить тебя можно, только пронзив тысячу раз мечом. Эпатажно, конечно, но у меня нет столько времени. Оставляю эту работу Солнцу. Оборот вокруг своей оси Эриот совершает каждые восемь минут, так что солнечные ванны тебе обес-

печены... надолго. Приятного дрейфования в космосе, дорогая, боюсь, мы уже не увидимся.

Ширма глубоко вздохнула, развела руки и провела ногой, формируя полукруг. Она не торопилась. Заклинание обратного портала отняло бы все последние силы и ей бы пришлось долгое время восстанавливаться на насыщенной клетчаткой пище и десятичасовом сне. Магия поддалась и пространство перед шаманом расколосось надвое, образуя знакомую щель портала. Ребра сжались, как перед переходом и вдруг треснули, кровь проступила в уголках рта Ширмы. Шаман перевела взгляд на свой живот, с ужасом наблюдая, как багровое пятно крови расползается по ее белоснежной мантии. Прямо из воздуха по кусочку появилась обгоревшая рука Навароны, по локоть вонзившаяся Ширме в область пупка.

– Как тебе, сука? Каково тебе, когда трогают твой позвоночник? – прохрипела Наварона, со сгоревшим наполовину лицом.

Ширма вместо ответа выдала обильную порцию крови изо рта. Скелет, позади нее развеялся, словно пыль при порыве ветра.

– Расслабилась, старуха, да? Не ты одна умеешь творить проекции. Я спряталась в твоей собственной тени, – расхохоталась ракшаси.

Ширма посмотрела на демона взглядом, в котором смешалась боль, смех и сожаление, и раздвинула смертельно блед-

ные губы в улыбке. Шаман махнула рукой, с ее пальцев вылетели красные искры и быстро устремились к ране. Десятник со звериным рыком отдернула руку, вытащив солидный кусок плоти из живота шамана. Пара искр все же успели задеть ее, и кожа девушки вспыхнула пламенем, в этот раз по-настоящему. Наварона взвизгнула и отпрыгнула на несколько метров назад, безуспешно пытаясь потушить себя. Оставшиеся искры быстро начали процесс заживления, восстанавливая разорванную плоть и потерянные литры крови. Ширма упала на колени и перенаправила все магические запасы на заживление страшной раны, диким усилием воли оставаясь в сознании. Наварона носилась по астероиду с истошными воплями, затем резко остановилась и с яростным криком начала срывать с себя горящую кожу. Девушка, вскрикивая от боли каждый раз, отрывала от себя участки кожи, покрытые пламенем и выбрасывала, не давая красному пламени распространиться. Избавившись от последнего воспламененного куска, она вновь начала регенерировать с бешеной скоростью, за пару секунд вернув себе прежний вид. Шаман справлялась со своей раной значительно хуже. Ей уже удалось остановить кровь и заглушить боль, но вид у нее был крайне болезненный. Лицо Ширмы покрылось холодным потом, магия омоложения сильно ослабла и на лице проступили легкие морщины, придав ей налет ее истинного возраста. Печень была практически уничтожена и пробит желудок. Не помогло бы и своевременное вмешательство целителей,

Ширма с холодным стоицизмом понимала, что рана смертельна.

– Восемь минут, значит, – прошипела невредимая Наварона, – Отлично, мне хватит времени, чтобы размазать тебя, старуха. Но прежде, я в долгу не останусь и тоже покажу тебе кое-что интересное. Просто, чтобы ты понимала насколько глупо было вступать в поединок со мной. Насколько жалки твои попытки убить меня! Насколько неверны твои представления обо мне! Шонси назвали меня Тысяча смертей, наивные идиоты.

Кожа Навароны начала пузырится и лопаться. Девушка расплылась в хищной триумфальной улыбке.

– Реальная цифра ближе к миллиону – пробасила Нава, внезапно огрубевшим голосом.

Тело Навароны треснуло, как керамическая ваза, упавшая на пол. Обнаженная девушка развалилась на сотни осколков, раскрыв под кожей черную кипящую массу. Жидкость активно пузырилась и начала быстро разрастаться в объемах.

– Каждый, кого я поглотила, – продолжала вещать Наварона из глубины булькающей массы, – стал моим клинком. Смотри, старуха. И гордись. Это зрелище видели только избранные.

Черная жидкость разрослась до размеров небольшого озерца и быстро начала приобретать очертания людей. Из бурлящего массива начали выходить десятки воинов, наемников, мужчины и женщины, многие из которых и вовсе не

были солдатами. Черная слизь слезала с них, кожа приобретала свой родной цвет, мышцы наливались кровью. Всего за пару секунд дрожащие куски черной субстанции, стали неотличимы от настоящих людей. Они были разной национальности, возраста, пола и судя по одежде, даже из разных эпох. По бежевым крыльям у некоторых из них, узнавались представители народа шонси. Каждый со своим уникальным вооружением и экипировкой. О какой-то единой идентичности говорить не приходилось. Возле раскаченного варвара с топором и в шкуре яка, стоял пухлый повар в белом чепчике, воинственно размахивая поварешкой. Из черного потока вылез Умар, один из копыеносцев отряда Ризана. Плечистый бородатый солдат непонимающе вытаращился на происходящее, щупая рукой свою шею. Последнее, что он помнил, это как из нее был вырван кусок мяса, что и послужило причиной его смерти.

– Я же умер, – произнес Умар шепотом. – Что происходит.

– Новенький, да? – спросил его седой пират, стоящий справа.

Умар посмотрел на его камзол, на котором с трудом узнал узоры каганатской символики. Орел, парящий над морем, позолоченная нашивка легендарных каперов Великого кагана, бороздивших воды в то время, когда королевство Профур был частью каганата у него был выход к морю. А это было больше двух тысяч лет назад.

– Что происходит? – растерянным голосом повторил

Умар.

– Ты действительно мертв, мой друг. Вот только Трое не примут тебя в свою семью. Все, на что ты можешь рассчитывать, это на сон.

– Сон?

– Да, сон, это не так уж и плохо, в принципе. Это твое единственное развлечение, по крайней мере, пока нас не победят. Правда, это никому еще не удавалось. Вряд ли удастся и этой почтенной даме перед нами.

– Мое тело не слушается, – пробормотал Умар, чувствуя, как его руки крепко обхватывают копьё.

– Это больше не твое тело, друг. Давай-ка закругляться, – подытожил пират.

Умар спросил что-то еще, но его вопрос потонул в шуме голосов новых прибывающих. Люди кричали, галдели, вопрошали, кто-то громогласно восхищался видом с астероида, кто-то плакал, большинство же просто безмолвствовало, угрюмо уставившись на шамана.

– Все, кого ты поглотила, – шепотом повторила шаман, глядя, как перед ее взором формируется самая странная армия в ее жизни.

– Мама, мама где ты! – раздался тонкий голос, резко выделявшийся на фоне общего галдежа.

Ширма с екнувшим сердцем, увидела в рядах воинов детей, многим не было и шести лет. Они сжимали свои маленькие кулачки и растерянно смотрели на шамана. За при-

открытыми бледными губами сверкали острые, как у самой Навароны клыки, а в их мертвых глазах горел белесый огонь. Мальчик лет пяти беспрестанно звал свою мамы, хватая за подол одежды формирующихся из черной слизи людей.

– Безнравственная мразь, – прохрипела шаман, – их жизни тебе было мало. Ты забрала их души!

– Плоть сладка, но ей не насыщаешься, – ответила из пустоты Наварона, – Душа же заполняет меня всю. Я жажду тебя, шаман. Жажду вкусить твою душу.

– Ты вкусишь мой гнев, демон. Я освобожу их. Освобожу каждого из них!

– Что прям всех? Успеешь? Семь минут осталось, старуха, – расхохоталась невидимая Наварона. Ее голос звучал со всех сторон, усиленный многократно, как если бы одновременно, разными голосами говорили сотни людей.

Ширма с усилием приподнялась на одно колено и на корточках начала вытанцовывать полукруг. Выглядело забавно, однако Наварона почувствовала, как в воздухе начал скапливаться нешуточный заряд энергии.

– Паршивая загнанная крыса. Вперед, мой легион!

Разношерстная армия на удивление слаженно промычало подобие боевого клича и кинулась на согбенную на земле Ширму. За неполные две минуты на астероиде появилось не меньше двух сотен людей. В шамана полетели пики, стрелы, метательные топоры, камни и предметы различной кухонной утвари. Шаман закончила корячиться на корточках

и выставила руки вперед, раскрыв ладони. Летевшие в нее снаряды, остановились в воздухе, раскрутились вокруг своей оси и быстро полетели обратно, словно выпущенные из пращи. Оружейный дождь поразил легион Навароны, мечи вонзались в тела, топоры начисто срезали конечности и головы, розовощекий повар получил своей же поварешкой по лбу и рухнул навзничь. Шаман с удовлетворением заметил, что пала больше половины наступающих и атака захлебнулась. Однако через мгновение, сокрушенные воины вставали, с пробитыми и искореженными телами и вновь бросались в атаку. Кровь ручьем текла из их ран, словно они были живыми людьми.

– А-а-а, мне больно, как же мне больно! – верещал Умар, с собственным копьем, торчащим из живота.

Солдат был проткнут насквозь, однако упорно продолжал бежать вперед, под собственные крики боли.

– Чудовищно, – прохрипела Ширма.

– И это все? Если бы я знала, что это все, на что ты способна, я бы не устраивала это шоу, – недовольно прокричала из темноты Наварона.

Ширма взмахнула руками и выпустила накопленную ранее энергию. Шаман отправляла импульсы порционно, сужая волны магии до толщины волоса, что требовало невероятного уровня концентрации. Взмахнув в шестой раз, шаман рухнула обратно на колени и хлопнула в ладони, изменяя природу импульсов на стихийную. Шесть пылающих по-

полумесяцев ворвались в пространство перед войском Навароны, яркой вспышкой осветив темное пространство. На секунду они зависли на земле, затем огненной косой выжгли всех на своем пути. Мертвецы сначала были рассеяны пополам, затем испепелены колоссальным жаром, исходящим от пламенных лезвий. Ширма закрыла глаза, стараясь не слышать, как тоненько визжат дети, пожираемые ее пламенем. Она подняла над собой руку и полумесяцы образовали веер над ее головой.

– Уже лучше, – хмыкнула Наварона из глубины растущей черной массы.

Послышался щелчок и из бурлящей жидкости повалили новые враги. В этот раз Наварона не стала сдерживаться и на поверхность астероида вывалилось сразу три сотни мертвецов. Они стонали и вопили, когда сталкивались в кучу. Ширма опустила руку и шесть полумесяцев ворвались в ряды новоприбывших, рассекая по десять-двадцать врагов за удар. Шаман крошила солдат, размахивая руками, как правый дирижер, но поддерживать такой темп давалось ей с большим усилием. Астероид наполнила вонь горячей плоти и волос. Обожженные и расчлененные мертвецы, визжали от боли, но продолжали упорно ползти в сторону шамана. Силы покидали шамана, движения огненных клинков замедлялись, а войско продолжало расти. В какой-то момент перед Ширмой одновременно оказалось больше двух тысяч солдат. Астероид был не рассчитан на такое количество лю-

дей, новоприбывшие начали сталкиваться и сваливаться с края поверхности, падая вверх, в бескрайние пустоты космоса. Среди новых врагов оказался и элитный отряд ихтейских лучников. В воздух взмыли шестьдесят зазубренных стрел. Ширма успела возвести рукой силовой барьер, но была слишком ослаблена, чтобы отразить все снаряды. Стрелы пробили ей левое запястье, правое бедро и чиркнули по щеке, разрезав ее знаменитый тугой пучок волос. Ширма прорычала и отправила правой рукой огненные полумесяцы во врагов. Проснувшаяся от боли ярость придала сил шаману, и она хлопнула в ладоши, столкнув полумесяцы друг с другом. Раздался мощный взрыв, превративший в прах всех мертвецов, в радиусе пятидесяти метров. Остальные вспыхнули, как свечки и рухнули на землю беспомощно догорать.

– Да когда же ты сдохнешь, сука! – взревела Наварона, на секунду показав свою рыжую голову из бурлящей черной массы.

Как раз в этот момент, Эриот завершил оборот и снова повернулся к солнцу. Белый свет залил поверхность астероида, поджигая оставшихся в живых. Наварона дико прорычала и скрылась в спасительных черных волнах. Кипящая гадость уже заполнила всю видимую часть астероида, перед шаманом. Солнечный свет быстро прошел по астероиду и коснулся края озерца, воспламенив его. Тысячи несформированных фигур были преданы огню под дикие крики. Вой поднялся такой громкий, что Ширма невольно закрыла уши и

без сил упала на землю. Минуты, показавшиеся годами, прошли и солнце снова скрылось за горизонтом метеорита, уступив прохладной тьме. Пылающее черное озеро за это время выгорело практически до конца. Из тлеющего пепла выползла Наварона, в который раз за день, получившая сильнейшие ожоги. В этот раз регенерация ее ран происходила значительно медленнее. Наварона уставилась на Ширму единственным уцелевшим глазом в обуглившемся черепе.

– Никто. Никогда со мной такого не вытворял, – прошипела демон, – следующие восемь минут, тварь, будут самыми худшими в твоей жизни. Ты будешь молить о смерти!

Наварона решительным шагом направилась к практически бесчувственной Ширме, как вдруг так вскинула руку и вновь образовала шесть огненных полумесяцев. Они были значительно меньше по размеру и слабо дрожали в воздухе, но все же Нава остановилась.

– Повторяешь свои дешевые фокусы? На другое не хватает?!

Ширма слабо махнула рукой и пламенные клинки вяло полетели в сторону демона. Полумесяцы пролетели над Навароной и с ослепительным грохотом взорвались у края астероида, не задев ее. Демон закинула голову назад и дико расхохоталась.

– Ну и куда ты целишься. Что за жалкое зрелище, старуха. Наварона продолжала хохотать, как вдруг у нее резко перехватило дыхание, и она упала на колени, сильно закашляв-

шись. Демон выпучила глаза и начала хватать воздух ртом, без особого успеха, в ноздри втекала лишь тягучая вонь гари и паленой плоти. Ширма медленно привсталала на колени, и сама зашлаась тяжелым кашлем.

– Наконец-то, – тяжело дыша, произнесла шаман.

– Что ты... сделала....

Ширма покрутила пальцем, образовав прозрачную сферу вокруг своей головы и с наслаждением сделала глубокий вдох.

– Я десятилетиями закачивала воздух на этот астероид, – облегченно произнесла она, – чтобы весь его выжечь потребовалось прилично времени и сил, остатки кислорода ты видишь сейчас в сфере на мне. Пусть ты и бессмертная тварь, но у твоего сосуда есть легкие, а значит и потребность в воздухе.

Наварона гневно захрипела, но встать так и не смогла.

– Теперь, зная, что ты умеешь ворожить, я не могу оставить тебя тут, – задумчиво произнесла шаман. – Вероятно, тебе не составит проблем открыть портал и уйти.

– Ну и каков план, – сдавленно усмехнулась ракшаси, – у тебя воздух тоже скоро кончится.

Шаман перевела взгляд на заново открывшуюся рану. Запасы магии давно иссякли и кровь быстро окрашивала ее мантию в багровый цвет.

– От кровопотери я умру раньше. Но не переживай, – весело подмигнула Ширма, – теперь, когда ты не такая резвая,

у меня появился отличный план.

10.

Антар ловко увернулся от размашистого удара когтистой лапой и припал на землю. Растеряв все топоры, чудовище ринулось в стремительную лобовую атаку. Дэв, вылетевший на него из кустов был поистине устрашающий. Два метра чистой злобы, покрытые густым черным мехом и панцирем из вплавленных в кожу костей. Монстр щелкнул клыками в сантиметре от уха Антара. У охотника подкосились ноги от ужасной вони. Смердел дэв страшно, от его шерсти, лап и зубов несло одновременно протухшим мясом и старой выгребной ямой. Охотник выгнулся так, что хрустнул позвоночник, чтобы увернуться от смертоносных когтей. Дэв промахнулся и вырвал лапой здоровый кусок цельной древесины из ствола ольхи. Не выходя из мостика, Антар блестяще исполнил заднее сальто и в развороте послал мощный удар пяткой в челюсть чудовища. Дэв откинул голову, но особенно удар не прочувствовал. Антар прыгнул, оттолкнувшись ногами от колена противника и схватился обеими руками за рогатую голову монстра, просунув ее себе под мышку. Жесткая черная шерсть, обильно смазанная жиром, больно впилась в кожу юноши. Охотник схватился за рога монстра перенес центр тяжести на ноги и всем телом провернулся на мощной шее дэва, не ослабляя стальной хватки. Все произошло слишком быстро, чтобы монстр успел среагировать. По-

слышался громкий хруст и дэв упал со сломанной шеей.

– Антар, там в кустах еще один! – крикнула Тоша.

В подтверждение ее словам из кустов шиповника раздался визг и вылетел еще один огромный топор. Охотник в последний момент успел нагнуться, грубо зазубренное лезвие слегка чиркнуло его волосы. Реакция Антара сильно замедлилась, сказывалась долгая нагрузка, отсутствие сна и еды все последние сутки. Охотник припал на одно колено и слипающимися глазами уставился на куст. Дэв, засевший там, видимо располагал приличным запасом метательных топоров, так как не спешил выходить сам. Раздалось злобное похрюкивание и вылетел еще один топор. Антар упал на спину, лениво наблюдая, как оружие проносится над ним и со скрежетом вонзается в камень.

– Вставай, Антар! Еще один сейчас прилетит! – ободряюще крикнула Тоша откуда-то издалека.

– Ты может уже будешь помогать? – устало спросил охотник.

– У тебя отлично получается!

Антар вздохнул и перекатился вперед, через мгновение на почву, где была его голова вонзился очередной снаряд. Охотник наклонился и с трудом вытащил топор из подмерзшей земли. Оружие было слишком тяжелым, чтобы Антар мог метнуть его одной рукой, поэтому охотник быстро раскрутился вокруг своей оси, держась за желтоватое топориче обеими руками и отпустил по направлению кустарника.

Раздался чавкающий хруст и из зарослей шиповника выпал хрипящий дэв. Топор попал ему прямо между костяных пластин, буквально разорвав грудную клетку в клочья. Монстр подергался еще несколько секунд и застыл. Антар напряг слух. Убедившись, что опасность миновала, изможденный охотник опустился на землю и закрыл глаза.

– Это было круто, Антар! – воскликнула Тоша, выходя из-за дерева, за которым спряталась минуту назад.

– Спасибо за помощь, – язвительно бросил ей охотник.

– Я не умею так двигаться, как ты и вообще. После того, что я видела, я была уверена, что ты справишься.

Шаман осторожно подошла к крупной туше поверженно-го дэва. Остекленевшие глаза, звериная морда и окровавленная пасть создавали неизгладимое впечатление.

– Дэвы, – прошептала Тоша, – впервые их вижу.

Клыки, вымазанные в не успевшей свернуться крови, говорили о том, что твари успели кем-то перекусить по пути сюда. С костяного пояса монстра свисал чей-то недавно обглоданный череп на куске скальпа, служившим, как крепление. Половина лица бедолаги была еще на месте, торчало ухо с позолоченной серьгой и частично пухлая щека. Видимо, дэв решил оставить себе лакомство на потом. Тоша содрогнулась от этой мысли и поспешила отойти от трупа.

– Какие ужасные твари. Они что, едят нас?! Ты от них скрывался, да? – спросила шаман, – они напали на твое селение?

– Да. Я видел несколько сотен, но их наверняка больше. Нам надо уходить.

Тоша энергично закивала в знак согласия.

– Пойдем, в нашей крепости высокие стены и сильные воины, уверена, Норге Огдаризир что-нибудь придумает. Мы сможем защитить тебя, а моему отцу отправим быстрых гонцов.

– В твоей крепости есть неуравновешенный парень, похожий на козла?

– Есть – удивленно ответила Тоша.

– Тогда я у вас уже был. У вас слабые воины и хлипкие стены. Дэвы снесут вашу речную заставу за несколько минут.

– Уже был? Та-ак, ты мне многое должен будешь рассказать, мой немногословный друг.

– Мне жаль, Этоша, но твоя крепость обречена. Мы должны обогнуть ее, чтобы выжить и доставить весть твоему отцу. Иначе мы погибнем, а вместе с нами и надежды на во время организованную контратаку.

– Ишь, как затараторил! А теперь послушай меня, Антар. Во-первых, мое имя Тоша. Во-вторых, мы не будем огибать крепость, а направимся прямо к ней. Мы должны предупредить людей об опасности и защитить ее. Если сотни вот таких вот тварей направляется туда, Имраил всемогущий, там же столько беззащитных людей, мы не можем бросить их.

Антар сел и укоризненно посмотрел на шамана.

– Мы погибнем там, – убежденно произнес он. – А с нами и ценная информация, которая поможет спасти других.

– Пожертвовать тысячей, чтобы спасти миллионы, да? Вот только не втирай мне в уши эту прагматичную чушь. Я пойду туда. Одна, если придется.

Тоша громко хмыкнула и демонстративно отвернулась от лежащего на земле охотника. Шаман показательно сделала пару шагов в сторону леса, украдкой посматривая на охотника. Вопреки ее ожиданиям, Антар не кинулся за ней переубеждать ее, а сидел на месте и устало потирал виски.

– Вижу, тебя не переубедить. Хорошо, я пойду с тобой. – спустя какое-то время размышлений, все же согласился он.

Тоша снова хмыкнула, но уже тише и молча пошла вперед.

– Ну и чего ты ждешь? У меня кончились медали за отвагу, Антар. Ты идешь или как? – спросила она, отойдя на десять метров.

– Немного устал, – со слабой улыбкой ответил Антар. – Но да, уже иду.

Охотник со старческим кряхтением приподнялся и поплелся за шаманом.

– Я, конечно, понимаю, что эмоции у тебя не почете, Антар. Но ты же понимаешь, что мы спасем людей.

– Мы, скорее всего, никого не спасем и сами погибнем. Но я все же постараюсь тебя прикрыть.

Тоша улыбнулась и легонько хлопнула охотника по голо-

му плечу. Ее не покидала мысль, что это не показная храбрость, граничащая с глупостью и ее новый странный знакомый действительно хотел ей помочь. Было ли тому причиной светлое бескорыстие, честь или ее непреодолимые женские чары, она не знала, но решила остановиться на мысли, что все перечисленное сыграло свою роль.

– Не переживай, Антар. Мы быстро доберемся до крепости, предупредим всех, а потом я попрошу нам самых быстрых скакунов и кучу провизии. С комфортом доедем до отца, и ты передашь свое послание.

– Провизии? Да, я бы перекусил, – мечтательно произнес охотник.

– У нас осталась только солонина и крупы, но, думаю, ты не привередлив. У Ширмы что-нибудь стащим, старуха наверняка через свои порталы таскает вкусняшек из штаба.

– В крепости есть еще один шаман?

– Да, мой учитель, верховный шаман Ширма, – гордо ответила Тоша.

– Верховный? Это которые самые сильные среди вас, да?

– Да, самые сильные, влиятельные и мудрые. Таких всего семеро в мире. Не так уж все и плохо у нас, да?

– Отлично. Настоящий шаман сильно увеличит шансы на выживание в предстоящем бою.

Тоша сузила глаза и поджала губы.

– Что значит «настоящий»? – процедила шаман.

– В смысле, опытный, неважно, смотри, мы почти добра-

лись до основного тракта, – поспешно сменил тему Антар.

Путники действительно вышли с широкого каменистого пути на сужающуюся тропинку, которая вела к выходу из Черничного леса. Это значило, что при ускоренном шаге, добраться до крепости они смогут за пару часов. Тоша одарила охотника ободряющей улыбкой, как вдруг в непосредственной близости раздалось уже знакомое звериное рычание, похожее на хрюканье демонического борова. Антар мгновенно нырнул в кусты и потащил с собой шамана. В этот раз Тоша не стала бурно реагировать и бить уставшего охотника по лицу. Антар молча раскопал мокрую от дождя почву и начал обильно мазаться грязью, покрывая жидким черноземом все голые участки тела. Охотник жестом указал шаману сделать тоже самое и Тоша покорно начала повторять за ним. Грязь холодной склизкой жижей стекала за ворот и склеивала волосы, вызывая дрожь и отвращение, но желание избежать столкновения с дэвами было сильнее. Похрюкивание и посвистывание стало громче. Послышался мерный перестук костей, по земле пробежала легкая дрожь. На тракт вышли дэвы. Они быстро бежали на четвереньках, на удивление ловко и аккуратно, не задевая кривые коряги и валуны. Длинная шеренга из чудовищ, которые несли на спине топоры и своеобразные копья, сделанные из белесого материала. Тоша с растущим ужасом отметила, что какая-то часть их снаряжения была из белых и тонких человеческих косточек. Судя по розовым кускам мяса, свисающим с костей, можно

было предположить, что их владельцы еще вчера были живы. Монстры, теперь больше похожие на организованное войско, шли мимо затаивших дыхание Тоши и Антара в кустах, не замечая их. Помогла ли грязь, либо их собственная мощная вонь перебивала людской запах, было неясно. Охотник и шаман ждали долгих десять минут, пока мимо них промаршировал весь отряд и их топот начал утихать вдалеке. Антар прислушался и позволил себе разжать рот рукой.

– Ушли.

– Отвратительные твари, – выдохнула Тоша, – как же от них несет.

– Сколько солдат в крепости? – спросил Антар.

– Сотни четыре, пять будет, наверное, не знаю. А что?

– Только что мимо нас прошли сорок четыре дэва.

– Отлично, значит у нас численное преимущество!

– Судя по их построению, противник использует карданский строй. Сто пятнадцать отрядов по сорок четыре бойца. Это лучший способ быстро вывести пятитысячное войско из сложного биома, такого, как лес, на поле боя.

– Пять тысяч... откуда ты все это знаешь?

– Мой отец был военным тактиком когда-то. И кто бы не координировал действия дэвов, он тоже отличный стратег.

– Думаешь, их кто-то направляет? Я вообще не знала, что столько дэвов бывает в природе. На Дарме их успешно сдерживают пару сотен человек уже несколько веков.

– Думаю, их гораздо больше. Но даже этого количества

хватит, чтобы сравнять с землей полстраны, если о них так никто и не узнает.

Тоша сникла. Она не была уверена, что сможет справиться даже с одним дэвом, не говоря о пяти тысячах. Внезапно, она поняла, как призрачны были ее надежды и насколько хрупкой казалась речная застава Понка с ее ленивыми солдатами и вечно пьяным в стельку командиром. Антар положил ей руку на плечо и легонько сжал.

– Прорвемся. У меня есть идея, – твердо бросил он, – но она тебе вряд ли понравится.

– Ты начинаешь надоедать с этим. Говори уже!

Антар сказал. Тоше сильно не понравилось услышанное.

11.

Судьба сыграла Огде на руку. Внезапно набежали черные тяжелые тучи, затем начался дождь, переросший в ливень за считанные секунды. Густое, застоявшееся за зиму масло, смешалось с потоками воды и начало быстро стекать по стенам. Дэвы, миновавшие внешние укрепления, впивались когтями в скользкие стены внутреннего двора крепости, но не могли взобраться, и с воплями падали на половине пути.

– Сработало! – крикнула сотник Дангана, – сработало командир!

Огдаризир неверящими глазами смотрел на посеревшее небо. Галлоны масла, которое он приказал разлить по всему периметру стен, оказалось старым и тягучим, неспособным растечься по всем семи метрам высоты, что убивало всю его

затею на корню. Если бы не неожиданные осадки, он и его солдаты уже бы переваривались в желудках дэвов.

– Сам Имраил, не иначе, наслал этот дождь, – пробормотал старый алебардист.

Койор в очередной раз продемонстрировал мощь своих копыт, за один прыжок преодолев всю высоту стен и встал возле Огды. Сирх только что закончил инструктаж лучников и отдал распоряжение собрать оставшихся в живых людей в катакомбах. Солдаты в спешке выгружали сохраненные с зимы запасы из широких каменных залов под крепостью, освобождая место для тысяч граждан крепостного городка. Заспанные, перепуганные, но удивительно слаженно организованные жители, стояли разрозненной шеренгой, протянувшейся вдоль стены до входа в подвальные помещения. Мимо них запыхавшиеся солдаты выкатывали пустые винные бочки и ящики из-под солонины. Маленькие дети со смехом прыгали вокруг них, в надежде что-нибудь стащить. Для них все происходящее было увлекательной игрой, несмотря на устрашающую какофонию звериного рыка и лязга костей, раздававшуюся снаружи. Дождь стал плотнее, усилив гнетущий настрой. Дети постарше понимали больше. Подростки с бледными лицами стояли ближе к родителям, уткнувшись в их плечи. Жители города с начала эвакуации начали было требовать объяснений от солдат, которые врывались в их дома и бесцеремонно тащили их на улицу, но услышав гвалт дэвов за стеной, вопросы отпали сами собой. Теперь при-

тихшие и покорные, люди организованной колонной начали входить в спасительные катакомбы. Без пожитков, неумытые, полуодетые, но возражений больше не возникало. Каганатцев всегда отличал стоицизм и обостренное чувство долга перед лицом опасности, именно поэтому в рядах регулярной армии каганата никогда не было нехватки в людях. Напротив, места в армейский состав, пользовались большой популярностью среди патриотичной молодежи, что позволяло стране иметь самый большой военный запас на континенте. Паники среди храбрых каганатцев не было и благодаря тому, что ни одна страшная морда дэва еще не показалась из-за зубцов стены. Но Огда знал, что как только враг преодолет стену, люди забудут о благоразумности и начнется дикая давка. Люди поубивают друг друга еще до того, как до них доберутся чудовища.

– Лучники готовы, Огда, – рапортовал сирх.

– Насколько все плохо?

– Только треть из них настоящие солдаты. Остальные – вчерашние кадеты, которые стреляли только по мишеням. Но это все, кто у нас есть. Шестой и тринадцатый батальоны расставлены по всему периметру.

– Шестой и тринадцатый? Это все, что осталось?

– Да, во внешнем кольце было больше людей, чем мы предполагали. Вероятно, все погибли.

Старый солдат закусил губу. Двести тридцать лучников и вдвое меньше пехоты, – вот и вся армия, которую он про-

тивопоставить неисчислимым волнам страшного противника. Вооружить оставшиеся в живых две тысячи гражданских в такой короткий срок не представлялось возможным, да и смысла было в этом мало. Вся их крепость сейчас была похожа на маленький белый островок в бушующем черном океане. Вокруг внутреннего кольца не стихали крики и мольбы о помощи. Кто-то из выживших забаррикадировался в доме прямо у стены и взывал о спасении непосредственно Огду. Послышался хруст дерева и короткий вскрик, утонувший в потоке звериных повизгиваний и улюлюканий наступающих дэвов. С каждым обрывающимся криком, лицо командира крепости становилось все мрачнее, а морщины на лбу глубже.

– Мы обречены, мы все точно обречены, – выпалил в панике сотник Ждано.

Огда неодобрительно посмотрел на молодого веснушчатого парня. Благодаря связям в столице, его семья выбила ему звание сотника, чем он часто кичился и вызывал раздражение у сослуживцев. Чтобы с золотым парнем не случилась какая беда, родители отправили его служить туда, где воевать не приходилось бы в принципе. На границу Черничного леса, под начало нетленного героя Норге Огдаризира. Старого Огду это пополнение совсем не радовало. Но сейчас, помимо Койора, и Данганы, это был единственный сотник в его распоряжении. Остальные двое погибли во внешнем кольце, так что выбирать не приходилось.

– Пацан, перед сколькими мужиками в Совете твоя мамаша раздвигала ноги, чтобы тебя назначили сотником? – со смехом спросила Дангана. – Ты же наполовину маррионец, где твой протестантский дух? Заткнись и умри, как мужчина.

Сотник Дангана – высокая, статная женщина, лет тридцати, выглядела воинственно и прекрасно. За такой короткий период она умудрилась облачиться в свой парадный доспех, наточить секиру и распустить свои каштановые волосы, чем могла вызывать только восхищение и боевой настрой в глазах солдат. Однако настроение молодого сотника быстро, словно чума, передалось по всем батальонам, и солдаты начали роптать в страхе. Луки дрожали в руках, потерявших уверенность.

– А что еще прикажешь делать, Дангана? Дружно прореветь «Хура» и отдаться на съедение этим тварями, – продолжать ворчать Ждано, – у нас нет никаких шансов, нам надо бежать.

– У тебя есть идеи, куда?

Молодой сотник осмотрелся вокруг. Крепость была взята в черные тиски со всех сторон так быстро, что мысль об этом до сих пор не прижилась в мозгу солдата.

– Не переживай, Ждано – мягко сказал командир, – при правильном настрое, шанс у нас есть.

Огда мастерски скрыл фальшь в голосе и так заразительно улыбнулся, что сотник на секунду поверил, что шанс действительно есть. Этого мгновения хватило, чтобы молодой

солдат ухватился за призрачный шлейф надежды и немного воспрял духом. Огда знал, что в ближайший час, крепость падет и погибнут все, даже те, кто якобы спасся под землей. Хлипкая деревянная дверь в катакомбы могла сдержать ветер от порчи продуктов, но никак не армию дэвов. Однако людям был нужен правильный настрой, чтобы продержаться хотя бы немного. Если его план сработает, тогда гонцы прорвутся и появится шанс на спасение других. И это все, что имело сейчас значение. Командир нахмурился, расправил плечи, разительно увеличившись в размерах и встал на зубец крепостной стены. Латный доспех, который на него успели надеть в процессе раздачи приказов, был начищен до блеска и придавал брутальной статности внешнему виду старого воина.

– Дангана, собирай своих и жди у северной стены. Как только я дам сигнал, выйдешь во фланговую атаку, создашь прикрытие для кавалерии.

Сотник Дангана посмотрела вниз на бушующую черную массу у ворот и легонько присвистнула.

– Врукопашную с этими тварями, – тихо произнесла она. – Будет, что вспомнить в старости. До которой, я, конечно, не доживу.

Дангана прижала кулак к своей кирасе, подтверждая приказ и спустилась вниз. Огда набрал воздуха в грудь и повернулся к оставшимся на стене подчиненным.

– Солдаты! – гаркнул седой алебардист, – отставить ро-

пот! Отставить страх! Отставить сомнения! Что вы видите перед собой? Лично я вижу кучку волосатых тварей, возомнивших, что они войско. Решивших, что они представляют угрозу нам, настоящим воинам. Настоящим каганатцам!

Обычно спокойный и веселый Огда внезапно превратился в сурового вояку и грозно смотрел на солдат из-под кустистых бровей. Его зычный голос легко перекрывал рокот бушующей бури. Перешептывание прекратилось. Даже Койор, на людях ни во что не ставивший седого командира, кротко смотрел на низкого старика, который сейчас казался настоящим гигантом.

– Позволили страху завладеть вами. И перед кем? Перед нами рыцари Дитраса? Южные варвары? Нет! Перед нами стадо животных, которые едва ли умнее баранов. Знаете, что я думаю о них?

Огда отвернулся, демонстративно сорвал с себя верхнюю часть порток и обильно помочился на монстров внизу, под нервный, но одобрителный смех солдат. Дэвы, какими обделенными интеллектом существами бы не были, жест поняли и совсем не оценили. Взревев в звериной ярости, монстры начали запрыгивать на обтесанные камни, но проскользив пару метров, с жалобным скулением падали вниз. Огда надел штаны и с презрением сплюнул вниз.

– Ничтожества! – В гневе произнес Огда, – я запрещаю вам бояться их, солдаты. Я запрещаю вам считать их за противника! Это грязь! И сейчас мы вычистим ее с нашего го-

рода! Посмотрите на парящего орла, высеченного на своих нагрудниках. Это знак, который снится в кошмарах нашим врагам. Это знак, не знавший поражений! Это Великий каганат, и вы великие каганатцы! Кого боится каганатец?!

– Никого! – взревели солдаты.

– Чего боится каганатец?!

– Позора!

– Именно! Позора! Позор, не позволит вам войти в залы Трех. Позор обречет ваши души скитаться неприкаянными. Позор ляжет темным пятном на судьбы ваших семей, ваших потомков, на сам ваш след в истории! Это ли не ужас! Это ли не кошмар настоящего каганатца! Сегодня я не могу обещать вам ваши жизни. Я не могу обещать, что спасу вас от смерти, но абсолютно точно уберегу от вещи страшнее. Сегодня вы не познаете вкус позора! Это я вам обещаю.

Огда раскрыл глаза и провел раскрытой ладонью по неистовствующей толпе дэвов.

– У меня для вас подарок, каганатцы. Сегодня я дарю вам славную смерть. Смерть, о которой может мечтать только великий воин! Смерть, которая покроет вас бессмертием!

– Смерть! – взревели солдаты!

– Утопим Солнце!

– В крови врагов!

– Хура, воины! Хура сыны Иебора!

– Ху-р-р-р-а! – грянули в унисон бойцы.

Огда вскинул руки, и солдаты разразились громкими воз-

гласами, ввергая в ступор беснующихся внизу дэвов. В их омертвевших клетках мозга никак не могла укорениться мысль, что люди радостно режут и бьют мечами по щитам, хотя должны бы жидко дристать под себя от ужаса.

– Лучники! Готовсь! – рывкнул Огда, – по моей команде, отправьте этих тварей обратно в ту дыру, из которой они вылезли! Запускай!

Двести тридцать стрел сорвались с тетивы. Цели поразила примерно половина. Полсотни дэвов взвыли от боли, около двух дюжин упала замертво с пробитыми черепами, остальные же с хлопаньем повытаскивали стрелы и продолжили прыгать на стены с кровоточащими ранами. Койор проявил отличные навыки стрельбы, пробив дэву кадык из собственного лука. Ждано луком не владел и предпочел скрыться за башенным выступом. Каменные блоки покрылись тягучей черной кровью и уже начинали крошиться от постоянных ударов твердыми когтями. Образовывались выемки, за которые очень скоро можно будет хорошо зацепиться и добратсья до самого верха стены.

– Стойкие мрази, – пробормотал Огда. – Заряжай! Они любезно раскрывают свои поганые пасти, так уважьте их, накормите стрелами! Запускай!

Второй залп прошел более успешно, граненные наконечники почти не отскакивали от костяных пластин. Лучники прицелились в неблагоразумно раскрытые рты дэвов, используя их широкие языки, как мишени, и прошили больше

половины насквозь.

– Проверим, как горит их шерсть. Готовь смоляные стрелы. Заряжай! Огонь!

Вымоченные в смоле наконечники стрел поджигались настенными факелами и третий залп вышел весьма эффективным и эффективным. Сотни горящих стрел поразили свои цели. Дэвов не спас даже дождь. Шерсть, обильно смазанная природным жиром и настенным маслом, вспыхнула, как ярмарочные костры, заставив монстров выть от боли и метаться по полю боя, сталкиваясь с сородичами. Цепная реакция не заставила себя ждать и вскоре уже почти все внешнее кольцо было заполнено горящими телами дэвов. Воинственные визги и вопли нападавших постепенно сменились на вопли, наполненные болью и страданиями. Волна жара полыхнула, осветив лицо Огды, ощерившееся в хищной улыбке.

– Вот это зрелище, парни! Вот это я понимаю, праздник! Продолжать огонь! Бить по дуге, поджарьте тех, кто подходит сзади!

Лучники исполнили приказ и выпустили новый залп по широкой дуге, поджигая новые волны монстров. Дэвы беспорядочно бегали, растеряв остатки былой организованности.

– Огонь! Огонь! Не давайте им продохнуть! Не тратьте стрелы понапрасну, цельтесь лучше! – командовал Огда, размахивая своей огромной алебардой, словно дирижер палоч-

кой.

В глазах лучников появился азарт. Многие из них сегодня впервые стреляли по живому существу, но первые успехи наполнили уверенностью их сердца. Солдаты ретиво натягивали тетиву и с криками пускали в беспомощных дэвов стрелу за стрелой. Защитники крепости успешно предали огню больше пяти сотен врагов за десять минут непрерывной атаки.

– Откуда их столько? – шепнул Койор командиру.

– Не знаю, – также шепотом ответил Огда, – но, если оборона и дальше так бодро пойдет, кто знает, может у нас появится шанс. Ширму еще на нашел?

Койор отрицательно помотал головой.

– Она пропала в такой критический момент. Что ж, значит, нужно действовать, исходя из соображений, что она мертва.

– Мертва? – севшим голосом спросил сирх, – кто бы смог убить ее? Я не знаю никого из ныне живущих. Разве что...

– Разве что, шаман была права, и Ковчег существует, – невесело произнес командир, – и теперь нам предстоит битва с настоящими демонами и с черт еще знает, чем. У меня и правда нет другого объяснения, откуда здесь взялось столько этих визжащих тварей.

От стены черного дыма и вони горячей плоти, слезились глаза, сужая и без того узкое поле зрения. Ни Огда, ни его люди не сразу заметили крупное существо, которое ползло,

скрытое тенью от крон деревьев Черничного леса. Лысая, безволосая тварь, без видимых конечностей, быстро приближалась к крепости, сильно увеличиваясь в размерах. Койор, обладавший наиболее острым зрением в крепости, заметил ее, когда она уже подползла к первичным укреплениям. Сначала он увидел белое сегментированное тело, а после и то, что можно было назвать лицом – гипертрофированный нарост с огромной круглой пастью посередине, усеянной треугольными зубами вдоль всей внутренней поверхности тела. Зверь был действительно огромный и при желании, мог целиком проглотить семиметровую сторожевую вышку. Койор в детстве любил легенды шонси о Ковчеге. Не все родители давали своим чадам возможность читать подобные талмуды, учитывая натуралистичность изображений жутких монстров, которые были заключены в Ковчеге. Однако, для сироты Койора, выросшего в солдатских бараках, таких ограничений не существовало. Вчитываясь в пыльные тома, в дворцовой библиотеке, он искал какие-то упоминания о своем вымершем роде сирхов. Но особого успеха не достиг. Так, он постепенно вовлекся, рассматривая картинки с разнообразными чудовищами, которые, по преданиям, томились в Ковчеге и по сей день. Особенно сильно его завораживала гравюра с изображением исполинского плотоядного червя, обитавшего на территории современного государства Курут.

– Олгой! – завопил сирх.

Огда услышал его вопль и посмотрел в сторону, куда на-

чали тыкать пальцем солдаты.

– Святой Имраил, – выдохнул командир. – Откуда здесь взялся Олгой? Он же...

– Не существует? – спросил сирх с нервозным смешком, – Также, как и Ковчег, откуда он вылез? Пора бы взглянуть на вещи несколько шире.

Олгой издал сиплый рев, схожий по громкости со стадом спаривающихся мастодонтов. Громадный червь ринулся вперед, разбив в щепки первичные деревянные укрепления и врезался в сторожевую башню. Крепкая кладка из обожженного кирпича поддалась и рухнула, словно песочный замок в прилив.

– Что это за дрянь?! Это не должно дойти до наших ворот, – выкрикнула Дангана, выглянув из-за зубца.

Огда поборол оцепенение и кивнул. Лучники зарядили залп по червю, но стрелы застряли в толстой шкуре, не нанеся значимых повреждений. Олгой, теперь больше походивший на длинного дикобраза, не сбавил ход и мог достичь ворот за непозволительно короткий промежуток времени. Впереди чудовища авангардом неслись дэвы, защищая голову Олгоя от града стрел. На место павших тут же вставляли новые и продолжали ход. Еще немного и червь пробьет ворота за один удар. Тогда всему конец.

– Какая слаженность движений, – прошептал седой солдат.

– Если они подойдут, мне придется спускаться, старик, –

сказал Койор, сжимая в руках свой верный двуручный ятаган.

Огда промолчал пару секунд, понимая, сколько смысла вложил в свою, казалось бы, небрежно брошенную фразу, солдат.

– Спустишься, подняться обратно не сможешь.

– Да, – твердо ответил сирх. – Но либо так, либо через несколько минут крепость падет.

Старик снова промолчал, обдумывая тяжелое решение, затем коротко кивнул.

– Один ты не пройдешь. Отбери с собой десятерых лучших рубак, бери только тех, кто бывал в бою, соплежув не трогай. Жди моей команды у секретной бойницы, – тихо произнес алебардист.

Койор коснулся кулаком груди и спрыгнул вниз к пехотному составу. Лучники продолжали поливать дэвов огнем, но уже с гораздо меньшим эффектом. Огда бросил взгляд на северные ворота крепости. Количество дэвов там сильно сократилось и исчислялось несколькими десятками. Основная масса, как он и предсказывал, стягивалась к восточным воротам, служа живым щитом для огромного червя.

– Ждано, сколько у нас стрел?

– Осталось около пяти сотен, командир. Остальные отсырели за зиму, – отозвался молодой сотник.

– Требушет? – спросил командир, зная ответ.

– Мы... мы его так и не починили после той вечеринки. Никто ведь не предполагал. Святой Имраил, никто даже не мог представить, что нас ждет битва, – сокрушенно выдавил сотник, – да еще и с этими страшными тварями.

Огда поджал губы. За годы мира и бездействия, их запасы амуниции и общая боевая подготовка пришли в абсолютную негодность.

– Принимай командование, сотник, – сказал Огда, – перестрой лучников на северную стену, пусть расчистят проход для гонцов. Они обязаны проехать, чего бы этого ни стоило, ты понял? Возглавь кавалерию и создай им эту возможность. Дангана вас прикроет. После постарайся увести дэвов от города, они не должны найти гражданских под землей.

– Я? Командование? – с волнением спросил сотник.

– Да, парень, ты. Несмотря ни на что, я уверен, что справиться с этим сможешь только ты.

Ждано неуверенно улыбнулся и благодарно посмотрел на Огду.

– А Вы, командир?

– Койор займется этим переростком. Если он не справится, я постараюсь выиграть вам время.

Огда сжал свою трехметровую алебарду и ловко закинул ее себе на плечо. Низенький старик с огромной пикой выгля-

дел комично, но сотник знал, сколько могучей силы скрыто в старом теле и какие страшные вещи он мог вытворять своим оружием. Ждано выпрямился и стукнул себя кулаком по сердцу.

– Было честью служить под Вашим началом, командир.

– Погоди хоронить меня, может шайтан справится, – рассмеялся Огда. – Выполний приказ.

– Прекратить огонь! – Рывкнул Ждано. – Тринадцатый батальон, перейти на северную стену, шестой, на задние позиции. Пехотный состав, седлать всех свободных коней, снять блок с северного входа. Пошли-пошли-пошли!

Огда с легкой улыбкой послушал, как юный сотник раздаст команды, затем подобрал свой рогатый шлем с пола и водрузил его себе голову. Старик с неудовольствием отметил, что шлем стал как будто больше и тяжелее и все же, он по нему скучал. Холодный металл прижимал к земле, отрезвлял и вселял уверенность. Дождь забарабанил по забралу, и командир крепости почувствовал давно забытое ощущение эйфории перед боем. За последние двадцать лет безмятежного поглощения рисовой водки и жирного мяса, Огда уже смирился с тем, что встретит смерть в каком-нибудь злачном кабаке, с остановленным сердцем и торчащей куриной костью изо рта. Бесславней конца не придумать. Теперь же, какая-то его часть искренне радовалась, что он погибнет в славном бою, который будет воспеваться в песнях еще долгие годы, если мир выстоит против этой ужасной напасти.

Авангард дэвов, больше не сдерживаемый градом стрел, ускорился и беспрепятственно добрался до внутреннего кольца. Еще через десять метров, тяжелый, украшенный зубами, размерами с ладонь, лоб червя, сможет коснуться ворот и разнести их в щепки за один хороший удар. Там, скрытый за потайной дверью, замаскированной под бойницу, стоял наготове Койор и десять лучших бойцов речной заставы. Впрочем, лучшими они числились только на бумаге. Лишь трое из них были в настоящем бою, остальные просто показали себя на манекенах лучше других. Койор умело скрывал бурю волнения, бушующую в нем. Сирх прижался к стене, ожидая приказа спокойно, как настоящий солдат, прошедший не один бой на грани жизни и смерти. У остальных сдерживать эмоции получалось хуже. Самый опытный из отряда, рядовой первого ранга Улин, стучал зубами от страха, отчето его пышная черная борода, казалось скручивалась в кудри. Суровый мечник, отмахавший палашом три жарких боя под Варокахамскими холмами, сейчас разве что не мочился под себя от страха, впрочем, осуждать за это его никто бы не посмел. Через тонкую скрытую дверь, буйствовал поистине дьявольский оркестр. Яростные вопли, скрежет клыков и оружейный лязг слились воедино и загоняли души в пятки от ужаса. Сам ад разверзся и ждал маленький отряд по ту сторону стены.

– Койор, я не смогу, – прошептал Улин, – Имраил милосердный, я не смогу.

– Ты сможешь. Сможешь, потому что больше некому.

– Это же даже не люди. Эти... твари... они такие огромные, как с ними воевать. Койор, я шесть лет не был в бою. Как... как я?

Улин запнулся и дикими глазами посмотрел на свой полторный меч. Внезапно, он ему показался жалкой, бесполезной зубочисткой, которая сломается от первого же удара. Койор прочел это на лице солдата и схватился за его меч. Сирх легонько сжал оружие и его кровь струйкой потекла по лезвию.

– Смотри, Улин. У тебя острый меч. Я видел, как ты управляешься им, скольких варваров ты лишил им жизни. Имраил свидетель, я бы не хотел встречаться с тобой в бою.

Солдат слабо улыбнулся и Койор прижался лбом к его шлему.

– Мы справимся, брат. Ты быстрее, ты искуснее и умнее их. Держись рядом и вкладывай всю силу в каждый удар. Мы сможем победить.

Койору было противно врать бедному солдату, но выхода не было. Ему нужна была та искорка надежды, которая слабо замерцала в его глазах. Теперь Улин не погибнет в первые же три секунды и облегчит выполнение их миссии.

Олгой достиг ворот. Об этом свидетельствовал ликующий гогот дэвов, окружавших его. Еще мгновение и они снесут ворота, впуслав в город волну всепожирающей стремительной смерти. Дэвы быстро расправятся с оставшимися солда-

тами и по запаху найдут тысячи мирных жителей, спрятавшихся внизу. Начнется бойня, в крови которой утонет весь каганат, если гонцы не проедут с донесением.

– Койор, пора! – крикнул Огда сверху.

Сирх со звоном обнажил свой ятаган и, издав боевой клич, прыгнул в открывшийся проход. За ним последовали солдаты. Если бы дэвы потрудились посмотреть немного выше своих голов, они бы увидели, как в стене открывается неприметная секция и из нее вылетает огромный полузверь-получеловек с бешеными глазами и огромным двуручным мечом. Но периодически смотреть по сторонам в поисках опасности, не входило в ограниченные мозговые функции дэвов, поэтому вопящий сирх, оказавшийся в их рядах, был для них неприятным сюрпризом. Койор приземлился, раскручивая свой пятидесятикилограммовый ятаган, как соломинку и сделал мощный выпад. Мускулы вздулись и прорвали модный зеленый камзол сирха. Шесть голов дэвов с сочным чавканьем отлетели от туловищ и со стуком упали на камни. Койор сгруппировался и не дав противнику опомниться, нанес еще три сокрушительных ударов вокруг себя. Черная кровь дэвов взвилась в небо фонтаном, еще шесть монстров упали замертво, располовиненные массивным ятаганом. Страшное оружие молодого солдата проходило сквозь крепкие мышцы и костяные пластины, как нож сквозь пергамент. Пространство вокруг Койора резко опустело и покрылось зловонными внутренностями и кровью

павших чудовищ. Видя очевидное превосходство командира, подоспевшие солдаты воодушевились и с криком ринулись в атаку. Мечи и копья нашли свои цели, дэвы, будучи на две головы выше среднего человека, были отличными мишенями для острых наконечников пик. Еще трое дэвов рухнули на землю с проткнутыми копьями шеями. Улин умелыми тычками, пронзил двух чудовищ прямо в сердце. Отчаянная мысль о возможном успехе промелькнула в кипящем от страха мозгу. Не сбавляя темпа, он с громким воплем нырнул под здорового дэва и сложным финтом вспорол ему брюхо мечом. На солдата брызнула кровь, на мгновение ослепив его и заставив остановиться. Дэв взвыл от боли и наотмашь махнул топором. Зазубренная кость пробила шлем солдата, раскрошила череп и легко отделила голову Улина от его тела. Койор краем глаза заметил пролетевшую голову товарища и взвыл от бессильной злобы. Его крик, словно вырвал дэвов от оцепенения, в котором они пребывали с начала атаки. Вид разрубленных на куски сородичей разжег пожар гнева в груди чудовищ. Дэвы с воинственным повизгиванием замахали своими бесформенными топорами и копьями. Под их ударами пали сразу три солдата из отряда Койора. Остальные в паническом безумии принялись отступать к закрытым воротам, но почти сразу же были разорваны на куски безудержной яростью дэвов. Койор остался один. Он знал, что они не продержатся и минуты. Знал, что и он сам встретит здесь свой конец. Знал и спокойно принимал

это. У всей этой самоубийственной вылазки была только одна цель и Койор намеревался довести дело до конца любой ценой. Сирх лягнул копытом подобравшегося сзади дэва, тот улетел назад на пять метров со сломанной грудной клеткой. Солдат воспользовался моментом и быстрыми перебежками добрался до червя. Монстр уже поднимался над землей, занося свою голову для удара по воротам. Койор ловко уклонился от десятка топоров, летевших в него, но резкая боль в правой лопатке показала, что увернуться получилось не от всех. Кровь теплой струей потекла по спине. Солдат усилием воли заглушил боль и ворвался в оцепление дэвов, окружавшее Олгю. Скорость, с которой он передвигался, была решающим фактором успеха. Более неуклюжие и заторможенные дэвы погибли быстрее, чем увидели блеск ятагана. Койор сразил еще четверых, но получил страшные раны тяжелыми топорами по спине и ногам. Один дэв вцепился в плечо острыми зубами. Сирх прорычал от боли, схватил монстра за челюсть и с силой дернул, вырвав ее вместе с языком. Отбросив труп, солдат прицелился, вздохнул и нанес по червю удар, от которого, казалось, содрогнулись сами небеса. В последний удар сирх всю свою нечеловеческую мощь. Олгой застыл и издал дикий вопль. Настолько громкий, что некоторые солдаты похватались за головы и упали со стен, навстречу своей смерти. Меч и толстая шкура червя раскололись надвое. На Койора хлынул поток темной крови и слизи из чистого разреза. Разрубленный пополам червь, с угаса-

ющим подвыванием упал на землю, лишив атакующих возможности быстро пробить ворота. Израненный солдат без сил опустился на колени и взглянул наверх.

– Теперь у тебя есть несколько минут, старик, – заплетаясь языком, произнес Койор.

Огда коротко кивнул и легонько коснулся груди кулаком. Койор повторил жест. Старый солдат не стал отворачиваться, хотя все фибры его души об этом молили. Сирх не проронил ни звука, когда грубо заточенные пики пробили насквозь его грудь, а монстры когтями рвали его шею. Солдат закрыл глаза и потонул в клубке, сплетенном из бесчисленных мохнатых тел чудовищ. Огда не давал волю эмоциям, с каменным лицом наблюдая, как новая волна подоспевших дэвов сбивает его протеже с ног, пронзает когтями и вгрызается зубами в тело, утаскивая его в противоположном от стены направлении. Лишь когда кусочек его зеленого камзола исчез в черном океане врагов, Огда отвернулся и позволил слезам вырваться. Алебардист потратил несколько драгоценных секунд, чтобы дать скорби пропитать сердце и вылиться через глаза. После чего взял себя в руки громко ударил алебардой по полу, привлекая к себе внимание.

– Мы отвлекли тварей от северного входа! Парни выиграли нам десять минут. Бранка, гони во весь дух. Ждано, очисти им путь. Дангана, ты прикрытие. Выполнять! И да поможет вам Имраил.

Сотник Ждано, сидевший верхом на белом джебе, про-

трубил в собственный небольшой рог, и солдаты на воротах потянули за лебедку. Северные ворота начали медленно открываться.

– Батальоны! Пли! – приказал Ждано.

Лучники, выглядывавшие из-за зубцов, выпрямились во весь рост и обрушили град стрел на монстров под стенами. Расслабленные затишьем в лучных залпах, дэвы, перестали смотреть наверх и были легко поражены. Произошедший отток войск противника, сыграл на руку, как планировал Огда. Большая часть дэвов до сих пор стекалась к убитому Олгою, в то время, как оставшиеся несколько десятков у северной стены были быстро расстреляны лучниками.

– Имраил, сохрани нас. Иебор, направь мой клинок, – шептал Ждано, глядя, как медленно раскрываются створки ворот.

Сердце готово было вырваться из груди, страх сжимал суставы, парализовал, руки с трудом удерживали поводья и меч. Такую слабость, Ждано не чувствовал еще никогда. Но отступать было нельзя. Пусть он и получил свое звание незаслуженно, назвать полным трусом сотника Ждано было нельзя. Часть каганатской крови, приправленная адреналином, вскипела в венах молодого сотника, гася инстинкт самосохранения на корню. Если и был шанс на спасение, найти можно было только за этими воротами.

Как только между железными створками ворот оказалось достаточно места для трех лошадей, наружу вылетел Ждано.

За ним стройной линией скакала импровизированная кавалерия – полсотни стражников, на остальных не нашлось лошадей. Люди Ждано с гиканьем ворвались в толпы блуждающих дэвов. Страх и отчаяние, которые всегда просыпаются в людях, загнанных в угол, сыграли им на руку. Забыв о тактике и технике, всадники начали беспорядочно рубить и тыкать врагов, успешно сократив их количество в первой же атаке. За ними, в скрытые бойницы выбежала тяжелая пехота Данганы. Отряд сотника отличался толстыми панцирями и закрытыми барбютами с тонкими отверстиями для глаз. Железные павезы в левой руке и утяжеленные копья в правой, делали из солдат небольшие передвижные крепости. Высокую мобильность они сохраняли, благодаря отсутствию наголенников и тяжелых сапог. Такой необычный выбор снаряжения делал отряд Данганы самым эффективным пехотным батальоном в крепости. Сама же Дангана нацепила более легкий вариант купольного шлема, подбитый мехом черного медведя, которого бравый сотник сама же и придушила на охоте. Тяжелые пехотинцы, громяхая сталью, ворвались в ряды дэвов, не позволяя взять кавалерию в кольцо. Ужас перед неизвестным врагом и неуверенность сменила эйфория, когда на пиках повисли первые визжащие дэвы. Дангана в тяжелом закрытом шлеме, заправски крутила двуручной секирой, наматывая на нее внутренности убитого дэва. Сотник издала торжествующий вопль, подбодривший ее отряд. Люди продвинулись вперед.

Бранка, увидев возможность, пришпорила своего коня, и первая вылетела наружу. За ней мчались девять ее гонцов. Их желтые узорчатые накидки, развевающиеся на ветру, были гордостью и отличительным знаком гильдии гонцов, которые позволяли дружественным лучникам разглядеть их на земле и не застрелить.

– Клином! – крикнула капитан гонцов.

Отряд скакунов выстроился узким клином и прорвался без потерь через окно, прорубленное Ждано и его кавалерией. У лучников кончились стрелы. Они перешли на пращи, успешно отвлекая врага камнями, но пробить толстые шкуры дэвов и нанести летальный урон, не получалось. Сотник, за свои короткие двадцать два года успевший поучаствовать всего в одном настоящем бою, был, тем не менее, одаренным мечником, что доказывал сейчас, яростно размахивая мечом на коне. Ждано расправился с двумя дэвами, снеся им головы показательно красивым ударом на скаку. Его модный белый пластинчатый доспех полностью покрылся кровью, что, впрочем, только радовало, распробовавшего вкус битвы солдата. Впервые имея дело с кавалерией, дэвы сначала растерялись и гибли на пиках. Однако уже через минуту, быстро пришли в себя и начали ответную атаку. Искусно владеть своим оружием, монстры не умели, но могли очень точно и мощно его метать, чем и решили воспользоваться в битве против конных солдат. В людей Ждано полетели тяжелые топоры, копья, даже куски человеческих тел. Пущен-

ные мощными лапами, снаряды, сбивали всадников с лошадей с такой силой, что на землю падали уже трупы. Кавалерия быстро редела, но гонцы уже сумели прорваться через толпы нападавших.

Бранка неслась во весь дух, рассекая бока своей лошади в кровь. Сейчас важна была скорость, лишь потом, скрывшись из виду противника, она перейдет на более спокойный галоп, чтобы не загнать лошадь насмерть. Редкие дэвы пытались преградить им путь, но небольшой отряд умело маневрировал между островками врагов, на пути к чистому горизонту. Гонцы вырвались из оцепления, не получив ни единой царапины. Спасительный холм приближался. Миновав его, они смогут попасть на северный тракт, а там, по относительно прямой дороге, доберутся до ближайших поселений менее, чем за три часа. Бранка уже собиралась позволить затаившейся надежде расцвести в ее сердце, как вдруг, всадники услышали звук, отдаленно напоминавший песнь рога. На вершине невысокого холма появился дэв с ярко-красной кожей, держащий скрученный рог буйвола, которыми пользовались сами солдаты крепости. Красный дэв был значительно выше своих и без того высоких собратьев и казался настоящим исполином. Его тело не было покрыто шерстью, а лицо скрывала костяная маска. За необычным дэвом, по всей длине холма выстроилась целая шеренга дэвов, одновременно присевших на одно колено. В лапах чудовища сжимали свои длинные костяные копья, которыми к ужасу Бранки, выще-

ливали ее отряд.

– Засада! – прокричала не своим голосом Бранка, – Ждано!

Бранка обернулась, ища глазами сотника. Она быстро нашла его как раз в тот момент, когда один из дэвов мощным броском топора обезглавил лошадь молодого солдата. Ждано кувыркнулся в воздухе и неудачно приземлился на ногу, сломав ее в двух местах. Солдат завопил от боли.

– Мама! – вскрикнул Ждано.

В следующий момент сотник был расплющен огромным камнем, который метнул в него дэв, растерявший все топоры. Кровь и пластины его белого доспеха красочным фонтаном брызнули из-под булыжника по земле.

– Ждано! – проревела Дангана.

Ее собственный отряд уже пал наполовину. Дэвы теснили их, беспощадно сминая защитников. Люди Данганы встречали страшную смерть. Будучи закованными в тяжелые латы, они не могли вести длительный бой и уже сейчас выдохлись и сильно проигрывали в скорости, поэтому дэвы быстро ловили и начинали буквально выдавливать солдат из доспехов, выгрызая их плоть по кусочкам. Крики, издававшие при этом несчастные пойманные, окончательно сломали дух оставшихся солдат. Дангана грязно выругалась и засадила секирой по подбородку одному из дэвов, раскроив ему череп.

– Отступаем! Назад! Закрывать ворота!

Отряд Данганы не успел отойти далеко от приоткрытых ворот, поэтому они быстро сумели втиснуться обратно. Одиннадцать человек пожертвовали собой, чтобы дать им возможность отойти. Ворота закрылись, а вместе с ними и шанс на возвращение. Теперь оставалось прорываться только вперед.

Бранка скрипнула зубами и отвернулась. До холма, на котором расположились не меньше шести десятков монстров, оставалось сто метров. Времени на маневр уклонения не было.

– Клинки! Идем на прорыв! – скомандовала капитан гонцов.

– Ты в своем уме?! Надо разворачиваться, – прокричал ей один из гонцов.

– Клинки! – рывкнула Бранка и вытащила из ножен собственный легкий кончар, с загнутым концом.

Гонец в сердцах сплюнул и обнажил свое оружие, за ним повторили все остальные. Девять остро заточенных лезвий блеснули на солнце. Красный дэв поднес рог к отверстию в маске и прозвучал сигнал. Дэвы метнули копья. Половина, ожидаемо, пролетели высоко над их головами. Но оставшиеся копья попали прямо в цель. Порядка тридцати кривых заточенных костей со свистом полетели в гонцов. Двое всадников упали с лошадей с пробитой грудью, лошадь третьего упала сама, придавив своего хозяина к земле. Бедро Бранки прошила дикая боль, копьё чиркнуло, оставив приличную

рванную дыру. Капитан крикнула, но поводи́ев не отпустила, работающей ногой, она ударила лошадь в бок и ворвалась в ряды противника, взмахнув мечом.

– Сука! – проревела Бранка, ударив дэва, который кинул в нее копьё мечом.

Легкая сталь клинка с трудом прорезала шкуру и застряла в толстой лобной кости чудовища, но убить тварь все же удалось. Бранка отпустила рукоять меча и нагнулась к шее лошади, вырвавшись вперед. Один из гонцов умудрился миновать копейщиков и выехать прямо на красного дэва. Солдат завопил и ударил кончаром по маске, но промахнулся. Дэв уклонился от удара с ловкостью, которую до этого не проявлял ни один из его собратьев и мощным ударом ладони перерубил хребет лошади. Солдат кубарем скатился вниз и тут же был разорван на куски остальными дэвами. В засадную линию въехали шестеро гонцов, выжить удалось лишь одной Бранке. Капитан мчалась вперед, с замирающим сердцем слушая, как монстры возятся с копьями, целясь ей в спину. Они не успели. Кинутые ими снаряды, просвистели мимо или упали на землю в сантиметре от развевающегося на ветру лошадиного хвоста. Бранка сумела прорваться. Капитан внутри себя приняла тяжелое решение миновать все близлежащие поселения и сразу добраться до летней ставки. Из-за этого, возможно, погибнет много людей в ближайшие часы, но только в летней ставке располагалось войско, способное остановить армию дэвов. Кровь теплым ручейком стекала по

ноге, взгляд затуманился, но времени на перевязку не было. Решив, что займется раной позже, Бранка пришпорила коня и пустилась в галоп по ухабистой дороге.

12.

Тоша тащилась за охотником, держа в руках толстую связку редкого желтого шалфея, пучок розмарина и три сухих ветки тысячелетника. Шаман чувствовала себя самой большой идиоткой в мире, согласившись на безумный план охотника, но времени на альтернативы не оставалось.

– Антар, я прям очень сомневаюсь, что веник сорняков нам поможет выжить при исполнении твоего ужасного плана. Если бы не время, я бы никогда на такое не согласилась, – бурчала Тоша, плетясь за охотником.

– Доверься мне. Я отлично лажу с животными.

– Ты убиваешь их. За деньги.

– Охотники Черничного леса охотятся только на тех, чье мясо собираются употребить в пищу, или использовать шкуры в хозяйстве, ну или...

– Или, когда платят за них?

– Да. Но заказы обычно приходят на опасных для людей чудовищ.

– Как удобно.

– В общем, все получится, я делаю это не первый раз.

– Ты так уже делал?! – удивленно воскликнула шаман.

– Конечно, у меня в селении был ручной кабан. Славный был, погиб на совместной охоте.

– Антар, ты же понимаешь, что это совершенно не то же самое, что мы собираемся сейчас повернуть!

– Разве? По-моему, одно и то же.

– Имраил, помоги нам.

– В общем, как я дам сигнал, поджигай травы и размахивай ими как можно энергичнее, чтобы дым развеялся по ветру.

– Чудесный план, Антар. А что потом? В смысле, если мы выживем, конечно, что вряд ли.

– Потом держись как можно крепче.

13.

Огда смотрел на трясущиеся от ударов ворота. Бранка уже выехала со своими гонцами из крепости и теперь можно было сосредоточиться на противнике впереди. Дэвы яростно крушили стальную решетку, осыпая ее ударами своих массивных топоров. Ворота, выкованные в кузнях Уруси, отличались повышенной прочностью и могли долго держать натиск тяжелой пехоты. Однако на такую мощь, которую несли в себе дэвы, рассчитаны не были. Каждый удар тяжелого топора чувствовался, как толчок небольшого тарана. Стены крошились, створки заметно прогнулись, грозясь сорваться в любую минуту. Лучники, остатки людей Данганы и пехотного состава, оставшиеся полсотни, которым не нашлось лошадей для кавалерии, снарядились всем, что попало под руку и сплотились вокруг Огды. Количество дэвов увеличилось возле ворот. Новоприбывший враг заново окружал

крепость кольцом, перекрывая все выходы.

– Ждано? – коротко спросил Огда.

– Пал, – ответила ему подоспевшая Дангана, – но гонцы сумели прорваться.

Огда вздохнул и сжал покрепче алебарду. Сотник не смог увести войско дэвов от крепости, но на это старый командир сильно не рассчитывал. Главную свою задачу, Ждано все же выполнил.

– Да примут его боги, – тихо произнес Огда.

Край левой створки ворот со скрежетом вылез из стены. Удары продолжали сыпаться, в образовавшуюся щель уже пытался просунуть свою морду один из дэвов. Он вытаращил глаза, клал зубами и шумно втягивал воздух широкими ноздрями, явно горя желанием полакомиться человечинной. Огда снял с пояса нож, прицелился и ловко метнул оружие в левую глазницу чудовища. Дэв вскрикнул и обмяк. Еще несколько минут и лавина монстров хлынет во внутренний двор, разрывая на части всех, кого встретят на пути. Солдаты понимали это и страх обуревал их, но отступать было некуда. Один из пехотинцев вдруг хлопнул себя по лбу и начал потихоньку ретироваться. Огда не оборачиваясь, махнул алебардой прямо перед носом солдата и снова водрузил оружие себе на плечо.

– Еще раз дернешься в сторону катакомб, солдат, обезглавлю за трусость, – спокойно произнес Огда.

– Почему нет, командор? Гонцы проехали, пора и нам

спрятаться! – возразил солдат.

Огда повернулся и посмотрел на него. В спокойном взгляде старого алебардиста было что-то такое, что заставило солдата резко замолчать.

– Дэвы знают твой запах, солдат. Они запомнили его и быстро найдут твою трусливую тушу под землей. Ты обречешь на смерть не только себя, но и тысячи мирных жителей. Стой здесь, стой со мной и встретить свою судьбу достойно.

Солдат покраснел и начал оборачиваться по сторонам в поисках поддержки. Ее не последовало. Его товарищи стояли щитом к щиту перед страшным врагом, на их лицах читалась непоколебимая решимость, которая всегда проявлялась в воинах каганата, запертых в тисках приближающейся смерти. О запахе самих гражданских, Огда, благоразумно не стал упоминать. Его людям необязательно было знать, что дэвы в любом случае найдут людей под землей и устроят себе грандиозный пир. Теперь, когда Бранка неслась с донесением в летнюю ставку, их единственной задачей было продержаться сколько получится и забрать с собой побольше тварей в могилу. И этого было вполне достаточно для постаревшего, но все еще грозного воина Норге Огдаризира. Огда сжал алебарду и выставил острием вперед, уперев основание в землю. Солдаты, у которых были копья, повторили его маневр. Остальные нервно сжимали рукоятки проржавевших мечей и секир. Те, на кого не хватило стандартного вооружения, похватили с амбаров мотыги и вилы, кто-то из солдат

умудрился даже притащить тяжелую кузнечную кувалду, которую теперь с трудом удерживал на весу.

– Солдаты! Братья мои, – громко произнес Огда, – надеюсь, вы уже предвкушаете солнечные поля Трех, как их предвкушаю я. Место, где Трое примут нас в свою семью. Наши имена пройдут столетия через песни и легенды, и будут воспеваться благодарными людьми, жизнь которых вы отстоите здесь и сейчас!

Солдаты поддержали командира, дружно погромев мечами по щитам. Правый край створок выбился, ворота опасно накренились.

– Знаю, многие из вас сегодня впервые прольют кровь. Но это будет бой, который навсегда покроет вас славой! Сегодня мы пройдем в Искрящиеся врата с гордо поднятой головой. С полным правом! С заслуженным правом! Сегодня мы пожмем руку Имраилу, как равному себе!

На решетку обрушились сразу двенадцать ударов, ворота окончательно вылетели из камня, со звоном рухнув на землю. В образовавшийся проход хлынули неисчислимые толпы визжащих дэвов.

– В бой, воины каганата! В бой, сыны Иебора! И до скорой встречи в лучшем мире!

Солдаты с криком ринулись в атаку, возглавляемые Огдой. Седой старик прытко для своих лет бежал впереди, с алебардой наперевес. Прямо перед столкновением с противником, он резко закрутился вокруг своей оси, исполняя

коронный круговой удар. Командир крепости ворвался в ряды дэвов, словно небольшое торнадо. Полдюжины дэвов пала, с рассеченными животами. Не спасли даже толстые куски кости, впаянные в кожу. Выкованная все в той же Уруси, алебарда Огды была едва ли не самым дорогостоящим и эффективным оружием в каганате. Длинное и при это достаточно легкое лезвие алебарды проходило сквозь врагов, разрезая плоть и кости практически без усилий. В тандеме со все еще крепкими мускулами Огды, оружие было поистине грозным вражеским бичом. Куда скромнее вооружённые солдаты, справлялись значительно хуже и быстро погибали под ударами тяжелого оружия. Мотыги и вилы отскакивали от толстых шкур, защищенных пластинами, как деревянные игрушки. Щиты сминались, ломая руки, ржавые мечи крошились от первых же ударов, но солдаты каганата проявили несгибаемый дух, в отчаянном неистовстве лупя дэвов всем, что попадет под руку. В ход шли карманные ножи, камни, кулаки и даже зубы. И все же, бой был проигран. Защитников крепости быстро оттеснили назад. Огда получил косой удар по голове, рогатый шлем поглотил силу удара, расколовшись надвое, но в глазах у седого командира все равно двоилось. Кровь, брызнувшая из рассеченного лба, заливала глаза. Дэвы быстро заполняли внутренний двор. Конец был близок.

Вдруг небо осветила яркая вспышка и прозвучал негромкий характерный хлопок, услышать который Огда уже и не

смел надеяться. Седой командир, стер кровь с глаз и дико стал осматриваться по сторонам, в поисках источника звука. Долго искать не пришлось. На вершине разрушенной смотровой башни открылся портал, из которого с трудом вылезла Ширма. Ее роскошная белая мантия пропиталась кровью, лицо было белым, как снег и обильно покрылось потом, всегда аккуратный пучок резко поседевших волос растрепался и свисал слипшимся комком со лба. Огда благоразумно подавил радостный вопль, чтобы не выдать дэвам местоположение шамана. Ширма откашлялась кровью и едва не рухнула взничь. Но времени на передышку она давать себе не стала. То, что положение дел было безнадежным, она поняла сразу, как и то, что жить ей осталось совсем немного. Поэтому приняла единственное возможное решение. Верховный шаман развела руки и очертила ногой круг, что-то нашептывая себе под нос. Кровь, стекающая по ее щекам, вспыхнула фиолетовым пламенем. Слов Огда не слышал, но был уверен, что верховный шаман вызывает к Трем и исполняет Танец, а значит дэвов оставалось только пожалеть.

– Теснее строй! Прижаться к соседу! Старуха пошла в разнос, не попадите под удар! – скомандовал Огда. Старый солдат с удвоенной силой размахнулся алебардой и вскрыл гортани еще четверых дэвов. Солдаты яростно отбивались, заставив дэвов прекратить натиск на несколько секунд. Это хватило, чтобы создать небольшое пространство между ними, а Ширме закончить танец. Раздался новый хлопок, и ша-

ман застыла.

– Нашла время, старуха! – выругался Огда, – К дьяволу твои порталы! Бей их молниями!

Ширма молча улыбнулась и с загадочным лицом приложила палец к губам. Под ногами дэвов появилась небольшая щель в пространстве, которая стала стремительно расти, раскрываясь в бездонную магическую пропасть. Дэвы, стоящие ближе всего к солдатам, успели издать подобие крика и камнем рухнули вниз в подернутую синеватым светом дыру в земле. Вместе с ними полетели вниз и оружие, трупы, осколки камней, железные пруты и весь прочий мусор, лежащий на земле. Портал с огромной скоростью расширялся по всей поверхности земли в пределах внутреннего кольца крепости. За неполные тридцать секунд, все дэвы, прошедшие через выбитые ворота были поглощены, но заклинание на этом не остановилось. Дыра в пространстве вышла за периметр и затянула в себя порядка тысячи дэвов, взявших крепость в кольцо. Портал закрылся также быстро и практически беззвучно, как появился. Заклинание оставило после себя абсолютно стерильное пространство, были вычищены мельчайшие песчинки, остался только сухой грунт и уцелевшие участки брусчатки. Количество чудовищ-оккупантов сократилось вполовину, словно кто-то огромный вырвал большой клоч волос из черного волосяного покрывала. Выдохнуть от удивления не успели ни солдаты, ни дэвы, как вдруг открылся новый портал, но уже в небе, ближе к

границе Черничного леса, на расстоянии примерно семидесяти метров от земли. Отверстие в дождливом небе также стремительно разрослось до формы гигантского круга и из него посыпались поглощенные ранее монстры. Дэвы с дикими воплями полетели вниз. Их тяжелые тела, сброшенные с такой высоты, послужили отличными снарядами против новых вражеских отрядов, которые продолжали прибывать со стороны Черничного леса. Дэвы падали на своих собратьев, что заканчивалось переломанными костями и шеями для тех и других. Топоры, мечи, щиты, камни и щебень, в огромном количестве падавшие с небес гротескным дождем, прошибали головы, ломали плечи, и позвоночники нападавшим. За каких-то три минуты, Танцующая с небом, верховный шаман Ширма, отправила на тот свет порядка полутора тысяч дэвов. Слово решив, что ее появление получилось еще недостаточно эффектным, Ширма провернула носок пальцем и вскинула руки к небу. Ее тонкая фигурка на сером небе вспыхнула фиолетовым пламенем. Чувствуя, как последние капли жизни, покидают ее старое тело, Ширма прокрутила руки в мельнице и рухнула на колени. Грозовые тучи окрасились в красный свет. Раздался рокот, за которым последовал глухой нарастающий свист. Огда со смешанным чувством эйфории и ужаса, узнал этот звук.

– Метеор! – взревел командир, – все в укрытие!

Однородный холст дождевых облаков разорвал раскаленный огненный шар. Астероид с оглушительным гулом при-

ближался к земле, нацелившись в то место, где бархатались недобитые и раненные предыдущим заклинанием дэвы. Танцующая с небом не разменивалась по мелочам. Метеорит быстро достиг земли и горизонт утонул в яркой вспышке света и жара. Огды, успевший спрятаться за отколотым куском стены, зажмурился и вовремя закрыл пальцами уши. Раздался взрыв невероятной мощи. Взрывная волна обжигающим ветром ворвалась в крепость, кроша камень и сбивая солдат с ног. Люди отделались сильными ожогами и переломами, дэвам же, находившимся в эпицентре взрыва повезло куда меньше. Они были испепелены, обуглены и развеяны в пыль в мгновение ока. Тех, кто находился подальше, взрывной волной разбросало по сторонам на добрых три сотни метров. Толстоствольные деревья, на границе с лесом были вырваны с корнем и подхвачены огненным вихрем, словно семена одуванчика на ветру. Начался сильный пожар, не распространявшийся по всей первой линии леса, только благодаря дождю. Ширма стояла на коленях и с мрачным удовлетворением смотрела на учиненный собой хаос. Остатки дэвов с подожженными телами бегали от лужи к луже, безуспешно пытаясь потушить себя. Удавалось это далеко не всем. Их крики сочлились мягким бальзамом в уши уставшего шамана. Ширма перевела затухающий взгляд на небо, где за разогнанными метеоритом облаками, виднелся теплый кусочек ясного голубого неба. Там, где-то за бархатистым золотым светом кто-то нежно позвал ее, и шаман с готовностью отве-

тила на зов. Разорванная печень уже давно не болела. Боль покинула тело, а вместе с ней сожаления, стремления, чувства. Душа. Шаман в последний раз подарила взгляд этому миру и рухнула с башни вниз, объятая бушующим пламенем.

– Ширистан! – отчаянно вскрикнул седой командир.

Шаман пролетела десять метров и скрылась в обломках деревянного дома. Старый солдат вскочил, преодолевая боль в колене и волны горячего воздуха, и побежал к месту, куда упала Ширма. Он на бегу стянул с себя доспех и кольчугу, превратившись из грозного воина в обеспокоенного старика в порванных лохмотьях и с рассеченным лбом. Огدا вышел за стену и пробежал по стерильно вычищенной порталом земле. Не осталось ни единой травинки. Ширма лежала на разбитых деревянных досках. Ее грудь не вздымалась, глаза были закрыты, на лице застыло умиротворение, которое бывает у человека после тяжелого, но плодотворного дня. Огда рухнул возле нее на больные колени, но не смог заключить в объятия. Магический огонь, покрывавший ее, быстро превратил тело шамана в искрящийся пепел. Грозный командир содрогался в сухом плаче, смотря на то, что осталось от последнего дорогого ему человека, который у него забрал этот день. Его скорбь отвлек нарастающий гул и визгливое рычание. Битва не была окончена. Новая волна противника приближалась из-под сени Черничного леса. Огда замутненным взглядом посмотрел вперед и насчитал не меньше шести сотен черных точек на горизонте. Из пылающего леса выбежали

все новые противники, втаптывая в грязь трупы своих сородичей.

– Знаешь, в жизни жалею только о двух вещах, – пробормотал Огда, – о том, что так и не завел детей и о том, что не пошел на твой долбаный метеорит, когда ты звала. Кто знает, может, мы бы встретили сейчас совсем другой конец.

Солдат встал на ноги, проклиная отказывающие колени. Его верная алебарда сейчас торчала где-то в дымящемся трупе, поэтому старик вырвал из земли кусок железного бруса и ловко покрутил им. Не ахти что, конечно, но одного, может двух ублюдков, Огда сможет убить, прежде чем его разорвут на куски. Славный конец. Где-то о таком он всегда и мечтал. Но сейчас, в последние моменты, воздух стал казаться невероятно сладким. Целительная волна свежего кислорода влиялась в его легкие прохладным блаженством. Огда закрыл глаза и жадно вдыхал. Какая благодать. Почему он раньше этого не замечал. Терпкий вкус хмельного бозо, жгучий аромат жарящихся ребрышек и солнечный зайчик, играющий на теплой шее юной Ширистаны. Простое счастье. Ценность его солдат действительно осознал только сейчас. Топот тысяч когтистых лап сотрясал землю. Шаг самой Смерти. Огда слушал, как становится громче визг дэвов, отмечая про себя странно высокий тембр в их голосе. Страх. Старый солдат с сомнением приоткрыл глаза и увидел то, что никогда не ожидал бы увидеть. Более тысячи дэвов неслись вперед, но их налитые кровью глаза были не обращены с ненавистью

на маленького старика, а смотрели назад. Армия бесстрашных, безрассудных чудовищ бежала, но не в наступление, а от кого-то. Будь-то провидение или чудо, но Огда почему-то уже знал, какой враг был настолько страшен, что сумел пробиться сквозь тугие мозговые стенки дэвов и пробудить в них ужас. Топот усиливался, тряска перерастала в небольшое землетрясение и Огда с теплеющим сердцем понимал, что виноваты в этом были вовсе не визжащие мохнатые твари. Над кронами деревьев раздался невероятной силы рев. Стена пламени, в которую превратилась первая линия леса, буквально взорвалась и на поле боя выбежал альдебаран. Колоссальных размеров чудовище неслось на огромной скорости, сотрясая землю своими гигантскими копытами. Альдебаран наклонил свою голову вперед, прижав к земле острые закрученные рога, походившие на ветвистые деревья. С каждой «ветки» рогов свисало не меньше дюжины дэвов. Часть из них еще была жива и истошно вопила, заливая морду барана черной кровью. Там, в районе темечка огромной головы барана, можно было рассмотреть белые точки, которые при приближении, превратились в двух смертельно бледных подростков.

– Не могу поверить, ты действительно приручил его! – Крикнула Тоша, перекрывая вой ветра.

– Едва ли! Переборщили с тысячелистником. Он слишком агрессивный! – Отозвался Антар.

Баран, словно подтверждая его слова, неистово взвыл и

на полном ходу врезался в толпу дэвов. Монстр мотнул головой и полсотни черных тел взлетело в воздух, испустив дух, прежде, чем коснулись земли. Тоша и Антар, стоящие на голове барана, вцепились в длинные локоны шерсти, наподобие поводьев. Впрочем, это было, скорее, инстинктивное действие, не несущее особой пользы. Если бы шаман не наложила связывающие путы на них, они оба свалились бы с барана при первом же рывке. Альдебаран рвал и метал, его клыки, копыта и рога, превращали в кровавое месиво всех дэвов, попадавших ему на пути. Периодически в его тело со смачным шлепком вонзались топоры, что, казалось, только сильнее злило разбушевавшееся животное. Охотник и шаман, мотались на голове чудовища, словно безвольные тряпичные куклы на ветру. Огда неверящим взглядом наблюдал за расправой над страшной армией. Он понимал, что одной координированной атакой, тысяча дэвов могла легко замедлить и даже убить альдебарана, несмотря на его рекордно большие габариты. Однако, враг был слишком туп и плохо организован, поэтому лучшее, что могли придумать дэвы, это бежать врассыпную, периодически кидая топоры в неожиданного союзника людей. Но учитывая скорость передвижения последнего, достигали цели далеко не все снаряды. Это в значительной мере определило исход битвы. Альдебаран на удивление с большим аппетитом пожирал дэвов, загребая их своей громадной пастью по пять-шесть тварей за раз. Слово смрадное и жесткое мясо чудовищ пришлось

ему по вкусу. Монстр яростно разметал всю тысячную армию подкрепления, пустив в расход даже тех, кто пытался убежать обратно в лес. Глядя на невероятную скорость и силу животного, Огда поражался, как им, людям, удавалось охотиться на это поистине величественное животное многие годы подряд. Размозжив последнего видимого противника, баран, наконец-то замедлился. Около сотни дэвов все же удалось добежать до Понки и осквернить ее чистые воды своими потными заросшими телами. Альдебаран проводил злобным взглядом сплавляющихся по реке тварей, но в погоню за ними пускаться не стал. Бурая шерсть животного была полностью покрыта черными внутренностями убитых врагов. Из тела барана торчало не меньше двух сотен топоров и копий. Благодаря прочному волосяному панцирю, раны были неглубокими, но потеря крови начала сказываться. Альдебаран жалобно заблеял и припал на одно колено. С его головы, бесчувственными мешками, одновременно свалились Тоша и Антар. Тоша пришла на секунду в себя, только, чтобы согнуться пополам и выблевать все содержимое желудка на траву. После чего Танцующая с дождем закатила глаза и отключилась. Антар продрал глаза и приподнялся на локтях. То ли благодаря природной стойкости, то ли тому, что за последние сутки он практически ничего не съел, выворачивать Антара не стало. Охотник, изо всех сил, стараясь держаться в сознании, осмотрелся вокруг и быстро проанализировал обстановку. Некогда прекрасное, изумрудно-зеленое по-

ле между лесом и крепостью, безвозвратно было испорчено, покрывшись лужами черной крови и выжженными проплешинами. Тысячи изуродованных до неузнаваемости мохнатых трупов усеяли все обозримое пространство. Среди них узнавались и павшие крепостные воины, которых, к облегчению охотника, казалось было в десятки раз меньше. Дождь прекратился, унялся ветер. Редкие капли уже не могли скрывать запах и поле наполнила чудовищная вонь горелой плоти, пота, боли и страха. Решив, что опасность миновала хотя бы на время, охотник позволил себе расслабиться и рухнуть на землю. Затуманенным взором, Антар заметил вдалеке седого старика, который встретился с ним взглядом. Старик коротко кивнул ему и коснулся кулаком груди, в районе сердца. Антар не знал этого движения, но значение понял. Охотник повторил жест и потерял сознание.

Глава 4. Бруно.

1.

Краиса теплела под боком. Бруно ощущал ее теплое дыхание на коже. Свернувшись калачиком, она что-то нашептывала во сне и терлась носом о плечо. Пепельные волосы Краисы теплым веером расплескались на его груди и щеко-тали нос, но он не решался убрать их, чтобы не нарушить сон своей прекрасной невесты. Бруно смотрел на нежные смуглые руки, обвивающие его, не в силах поверить своему счастью. Она дарила ему себя последние полгода, но молодой бронник каждый раз просыпался по утрам в страхе, что ему

это все приснилось. Лучезарный аметист Востока, талантливый ботаник, историк и военный полевой врач, но для родных просто Краиса. Бедный бронник, унаследовавший от отца старую кузницу и пару дранных сюртуков не мог бы представить такую девушку в своих руках, даже в самых смелых фантазиях. И все же она здесь. Она его любит. Она делит с ним постель. Она видит в нем свой смысл жизни. Бруно еще раз скопился на свою невесту, просто, чтобы убедиться, что она существует. Ее пухлые губы шевелились, выковывая всего одно слово, которое заставляло биться сердце юного бронника с невероятной силой. "Бруно", – нашептывала Краиса во сне, – "Бруно, свет моей жизни".

Громкий стук вырвал бронника из полуденной дремы. Тонкий кузнечный слух моментально определил, что стучали тяжелой латной перчаткой по ветхой двери его кузницы. По привычке Бруно бросил взгляд справа от себя. Боль не уходила. Каждый раз, при виде пустой кровати, отчаяние достигало каждой частички его тела и сжимало тисками. Бронник разучился чувствовать, плакать и впадать в безумство еще полгода назад. Все эмоции выгорели, оставив от него только атрофированную оболочку с сухими глазами. Но его это устраивало. Ему это вполне подходило. Бруно скользнул глазами по остро заточенному кинжалу, который ждал своего часа у пыльного станка. Он вгонит кинжал себе в сердце по самую рукоять. Бронник натачивал его часами долгие дни напролет, специально для этой цели. Так он не задержится

на костях и подарит ему быструю и относительно безболезненную смерть. Но прежде, чем освободиться от этой боли, Бруно должен закончить начатое. В дверь постучали снова.

– Бруно! – раздался басовитый голос, – открывай, я знаю, что ты не спишь.

Кузнец встал с кровати и протопал к двери. В разбитом зеркале мелькнуло его отражение, в котором он с трудом узнал себя. За последние два года, бронник сильно похудел и осунулся. В свои двадцать шесть лет, Бруно выглядел далеко за тридцать. Некогда красивое молодое лицо покрылось морщинами и сильно постарело, запечатлев на себе выражение навсегда въевшейся скорби. В его густых черных волосах появилась толстая седая прядь, губы потрескались и покрылись язвами из-за постоянного жара мехов, возле которых Бруно проводил теперь большую часть своего времени. И только глаза сохранили прежний блеск. Отчаяние и горе сломили его и подвели к краю пропасти, но новая цель не давала ему сдаться и шагнуть вниз. Стук повторился с удвоенной силой, грозясь снести дверь с хрупких петель. Бронник открыл. Свет заходящего солнца слегка разогнал полумрак в кузнице. В проеме появился крупный косматый рыцарь в неполном походном доспехе. Вошедший был двухметровым рыжим верзилой, от которого сильно разило потом и дешевым пивом. Нашивка трехглавого бульдога на грязном плаще выдавала в вошедшем человека Дитраса. Рыцарь широко улыбнулся, продемонстрировав отсутствие большей части

зубов и потряс здоровенной ладонью в латной перчатке.

– Ты там помер что ли – пробасил рыжий, – Впустишь дорогого клиента или как?

Бронник слегка поклонился и отошел в сторону.

– Конечно, Ранда, проходи, – пробормотал бронник.

Ранда бесцеремонно отодвинул худосочного кузнеца и ввалился в кузницу. От рыцаря пахло перегаром, он был пьян.

– Ну и срач тут у тебя, Бруно. Бабу тебе сюда надо, чтобы держала все в чистоте. Вот моя кобылка нашу хату вылизывает до блеска. Потому что знает, что иначе с ней будет.

Рыцарь ослабился и потряс массивным кулаком.

– Трах-бабах по ее пустой головушке, вот что будет. Верно я говорю, кузнечик? – расхохотался Ранда.

Бруно ответил слабой улыбкой и отправился в угол комнаты. Там, под красным балдахинном, покоилась новая кираса, выкованная по заказу Ранды, из утяжеленной стали. Бронник с видимым усилием поднял тяжелый доспех и медленно понес его к рыцарю. Ранда с ехидной ухмылкой наблюдал, как подгибаются колени бронника под весом металла.

– Бабу, – уверенно заявил Ранда, – чтобы мясо тебе варила. Ты посмотри на себя, одни кости, ты же сам на бабу похож. Не стой ко мне и моим парням спиной, а то не дай бог, перепутаем и отжарим случайно.

Рыцарь снова разразился гадким смехом и хлопнул Бруно по плечу.

– Ладно, бронник, не напрягайся, я шучу. Пусть ты и дрыщ паршивый, но с металлом обращаться умеешь.

Ранда с легкостью повертел тяжелую кирасу в руках и удовлетворенно причмокнул.

– Да, отменно получилось, Бруно. Такой пацан еще, а уже такие вещи делаешь. Хвалю.

– Спасибо, Ранда, – тихо произнес Бруно, – с тебя восемь маренов.

Рыцарь резко изменился в лице и прижал стальной перчаткой бронника к стене.

– Во-первых, для тебя, я капитан Ранда, сопляк, а во-вторых, мы вас скотов в живых оставили, а теперь еще и платить должны? Не много ли ты хочешь, маррионец?

Лицо Ранды излучало злобу и вонь подгнивающих зубов. Вдруг рыцарь также резко отпустил бронника и снова расхохотался.

– Да шучу я, братишка. Видел бы ты свое лицо. Конечно, я заплачу. Мы ведь теперь все друзья, верно говорю? Единственное... – протянул рыцарь, – денег у меня сейчас нет. Но не надо сразу бежать жаловаться к своему городовому, как вы крысы маррионские делать любите. Пойдем, я дам тебе бабу. Трактирщица Фаска, безотказная сучка. Один раз в челюсть двинешь, и она сама уже юбку задирает. Знаешь Фаску, Бруно?

– Да, мы вместе росли, – сухо произнес бронник.

– Ну вот и славно. Давно, поди, мечтал ей присунуть, а?

Пойдем, я все организую, ты пооди, и с бабой-то никогда не был.

– У меня была невеста. Ее убили на войне.

– О... ясно. – выдавил Ранда.

Рыцарь почесал затылок и виновато покосился на бронника.

– Неужели мы ее...

– Нет, она погибла на Варокахамских холмах. В прошлом году.

– А, вот оно что, ясно-ясно, понятно, – с легким облегчением произнес рыжий. – Ну это, соболезную. На Холмах из наших был только один Зор... – рыцарь осекся, – Ну в смысле, война, она такая, да. Я тоже близких терял. Хорошо, что теперь все закончилось, а? Мы союзники, друзья, то бишь, верно говорю?

– Верно..., друг, – произнес бронник и что-то в его голосе, заставило Ранду поежиться.

– Ладно, спасибо за кирасу. Деньги я тебе занесу попозже, как-нибудь. Сам понимаешь, мы празднуем победу сейчас, все уходит на пиво для парней.

– Конечно, – произнес Бруно с широкой улыбкой, – не переживай, я рад, что тебе нравится. Носи с удовольствием.

Ранда кивнул и пробурчал что-то невнятное. Рыцарь развернулся и собрался уже уходить, как вдруг вспомнил что-то.

– Кстати, тут мой капрал не пробежал? Зордик, молодой

пацан, твоих лет примерно. Он хотел себе обновить поножи.

– Зордик, – туманно пробормотал Бруно, не сужая улыбки, – нет, не припомню. Если увижу, обязательно сообщу тебе, капитан.

– Да, сообщи. А надумаешь вставить Фаске, только скажи. Можешь представить, через эту суку прошла вся моя рота, а ей все мало.

– Невероятно.

– Бывай, Бруно.

Бруно отвесил неуклюжий поклон и медленно закрыл дверь за рыцарем. Он так сильно сжимал дверной косяк, что вдавил ноготь, по пальцам потекла тонкая струйка крови. Желание вырвать сердце из груди Ранды все еще кипело в нем, но он сумел подавить импульс. Бронник глубоко вздохнул и немного успокоился. Защелкнув замок в двери, кузнец направился к стене и толкнул ее. За стеной, оказавшейся скрытой дверью, оказался темный проход с ветхой лестницей вниз. Спустившись по скрипучим ступеням, он оказался перед еще одной дверью, из прочного дерева, обшитой толстыми листами железа, что сильно контрастировало со входом в дом. Бруно отпер ключом шесть замков и отворил дверь. Там, в дальнем углу неосвещенного подвала, на стуле был привязан человек. Узник был без одежды, с гладко выбритой головой, весь в крови и не подавал признаков жизни. Тонкие железные иглы торчали из всех конечностей. С хирургической точностью, воткнутые между сухожилий, они

не наносили сильного вреда, но вместе с тем, лишали возможности двигаться. Вместо веревки, пленник был обмотан толстой цепью на замке, что делало его побег невозможным. Бруно запер дверь, также тщательно, на все замки, после чего медленно приблизился к заключенному.

– Капрал Зордик, – позвал он. – Капрал, значит. Неудивительно, что с тобой было так непросто.

Зордик дернулся и сделал резкий выпад в сторону Бруно. Цепи натянулись, вгоняя иглы еще глубже в плоть. Капрал закричал и потерял сознание.

Бруно не сдержал садисткой улыбки, расплывшейся по лицу. Бронник не спеша зажег настенную масляную лампу и вытащил из комода склянку с нашатырным спиртом. Он поднес склянку к носу Зордика и тот медленно открыл глаза.

– Еще раз дернешься и штыри зайдут в плоть так глубоко, что я не смогу их вытащить, не сделав тебя калекой. Ты хочешь этого, капрал Зордик?

Зордик протяжно промычал. Железный кляп не давал ему возможности говорить. Кузнец вытащил окровавленный стальной шар изо рта пленника и щедро плеснул ему в лицо настойкой нашатыря. Капрал замычал и завертел головой, как собака при сушке.

– А-а-а-а-а! – проорал Зордик и тут же закашлялся кровью. – Святое пламя, как же мне больно! Сука, за что ты так, а! Отпусти!

– Отпущу, капрал. Но сначала ответишь мне на пару во-

просов. Молчи и слушай меня.

– За что ты так со мной, кузнец, а?! Что я тебе сделал?! Ты патриот, да? Это все война, да? Мы же не враги сейчас, брат! Друг! Ты нарушаешь закон! Отпусти меня, а!

Бруно быстро засунул стальной шар обратно в рот Зордику и со всей силы ударил ему по челюсти кулаком. Послышался хруст ломаемых зубов, рыцарь мотнул головой и чудом не потерял сознание. Капрал заорал на всю мощь своих легких. Если бы не умная шумоизоляция подвала, сюда бы уже ломился весь состав городской стражи. Бруно подождал, пока рыцарь перестанет вопить и мотаться по сторонам, затем вытащил шар изо рта пленника, вместе с осколками нескольких зубов. Кровь обильно потекла изо рта по ляжкам истязаемого капрала.

– Молчи и слушай меня, капрал, – ледяным голосом произнес Бруно.

Капрал активно закивал головой, слезы ручьем потекли из его глаз, придав ему и без того жалкий вид.

– Проясни сразу, я не патриот. – медленно начал Бруно, – Мне плевать на эту страну, на твою страну, на наших королей, на Ранду, его рыцарей, на тебя и на себя. Мне в принципе с недавних пор плевать абсолютно на все, кроме одного. Скажи, капрал, ты помнишь рейд на Варокахамские холмы?

Налитые кровью капрала расширились от страха. Он активно замотал головой. Бруно с трудом подавил желание забить насмерть упрямого капрала железным шаром.

– Не надо, Зордик. Пожалуйста, я плохо себя контролирую сейчас. Просто скажи мне имя и закончим с этим.

На лице Бруно отражалась смертельная усталость впере-мешку с решимостью. Зордик бывал в битвах и знал, что значит этот взгляд. У Бруно были глаза человека, потерявшего все. Так смотрит мать на подпаленную хату, в которой кричат ее дети, пока ее саму солдаты тащат на сеновал. Люди с такими глазами уже не цеплялись за жизнь и моральные принципы. Такие люди были опасны, поэтому Зордик решил не геройствовать.

– Капитан Атлас, – с трудом прошепелявил искалеченным ртом Зордик, – это фсе он. Он рефил напасть на заставу. Я никого не трогал, чефтно. Ты кого-то потерял там, да?

– Невесту – коротко ответил Бруно.

– О, какая трагедия. Я офень соболефную.

Бруно нахмурился. Атлас и его люди были цветом рыцарства Конгломерата. Король Дитрас лично отмечал его орденами за отвагу и назначил главнокомандующим войсками в крупнейшей восточной провинции. Если мысль о мести он и раньше считал недостижимой, то сейчас она казалась просто невозможной.

– Атлас, – тихо повторил Бруно, – где он сейчас.

– Скорее фсего в замке, в сфоем городе. Он теперь градо-правитель, редко выходит оттуда.

– Скажи мне, Зордик. Как умерла моя невеста.

Зордик нервно сглотнул.

– Я не знаю, там много женщин было, я не видел.

– О нет, ее ты видел, капрал. Я знаю, что видел. Такую женщину нельзя пропустить. Серые, почти белые локоны, кожа, цвета спелого каштана, зеленоватые глаза, родимые пятна такие, знаешь, как маленькие цветочки. Она была лучшим и самым красивым полевым врачом в той поганой по-мойке. Да, я уверен, ты бы ее не пропустил, капрал.

Зордик смертельно побледнел.

– А, помню, да, красавица-травница, да, помню, ты везунчик, – сбивчиво затараторил капрал.

– Как она умерла, капрал.

– Как герой! – поспешил заверить Зордик, – она сразилась на клинках с самим капитаном, поранила его, но... проиграла.

Бруно расхохотался так, что слезы брызнули из глаз. Кузнец содрогался в спазмах от смеха какое-то время, пока не сумел взять себя в руки.

– Спасибо, капрал. Да, такая версия мне определенно нравится больше. Я сохраню в сердце именно ее.

Капрал решил поддержать кузнеца и тоже нервно засмеялся. Бруно с размаху врезал железным шаром ему в челюсть, практически сломав ее. Зордик мотнул головой и выплевал оставшиеся зубы. Зордик взвыл и задергался на стуле, вгоняя в себя клинья в плоть. Кузнец занес руку для еще одного удара, но остановился.

– Прошу, – слезно взмолился капрал, – прошу, не надо.

– Я видел тело, капрал. То, что вы нелюди сделали с ней, я... я просто...

В голове Бруно мелькнула страшная картина, открывшаяся перед ним под пропитанной кровью простыней. Тогда, дождливым летним вечером, в момент, когда он вошел в бараки на опознание, он проклял этот мир. Кузнец выронил шар из дрожащих рук и опустился на колени, содрогаясь в спазмах и сухом плаче несколько минут.

– Я не трогал ее, я не трогал, – продолжал причитать Зордик.

– Ты был там, Зордик. Ты смотрел. Наверняка участвовал, – тихо произнес бронник.

– Умоляю, я не трогал ее!

– Зордик, я тебе не верю.

– Умоляю! У меня жена и ребенок, Бруно. Профу тебя! Ты же не такой, ты не убийца.

– Верно, я ведь никогда никого не убивал, – устало произнес кузнец.

Бруно помассировал виски. Пару минут он молча сидел, словно на что-то решаясь, затем резко поднялся и подошел к Зордику. Истерзанный капрал с ужасом вжался в спинку стула, но кузнец, на удивление спокойно вытащил из кармана ключ и отпер замок на цепи. Тяжелые цепи упали, звякнув об пол.

– Иди, Зордик.

– Бруно...

– Иди, пока я не передумал. Я не убийца. Я не опускаюсь до вашего, свиней, уровня.

Зордик посмотрел на Бруно глазами, преисполненными щенячьей благодарности и облегчения.

– Конефно, Бруно, конефно. Ты поступаеф достойно, – затараторил Зордик.

Кузнец аккуратно вытащил иголки из рук и ног пленника, и он осторожно пошевелил ими. Началось легкое кровотечение, но капрал мог вполне сносно двигаться. Зордик встал со стула, сильно шатаясь и, опершись на стенку, начал ползти к выходу.

– Прикрой срам, капрал. На улице могут быть дети. Твое барахло на столе.

– Спасибо, Бруно, спасибо. Ты добрый человек, спасибо, – бормотал Зордик, подходя к столу со снаряжением.

Капрал спешно натянул на себя исподнее белье, кольчужные панталоны, затем через голову нацепил свой железный панцирь, не заморачиваясь с ремешками. Полумрак, скользкие от крови пальцы и тупая ноющая боль во всем теле долгое не давали ему справиться с многочисленными застежками. Однако животный страх перед уставшим бронником был хорошим стимулом. Быстро одевшись, капрал схватил пожитки и остановился.

– Бруно, а мой... мой меч у тебя? – робко спросил он.

– У меня.

– Можно мне его обратно. Ты же знаешь, нам нельзя...

– Ты не будешь делать глупостей?

Зордик активно замотал головой и сделал самое честное выражение лица, на которое был способен. Бруно залез под стол, вытащил полуторный палаш в потертых кожаных ножнах и подошел с ним плотную к Зордику.

– Без глупостей, капрал, – произнес он, глядя пленнику прямо в глаза.

– Конечно, Бруно. Я не дурак. Без глупостей.

Капрал принял свой меч. Палаш ему показался значительно тяжелее, чем обычно, но он списал это на раны и усталость от суток, проведенных в темном подвале. Бруно подошел к двери и отпер все шесть замков, пропуская капрала вперед. Того не надо было упрашивать дважды. Почуввав свежий приток воздуха, он словно забыл про острую боль и быстро проковылял к лестнице.

– Капрал, – тихо произнес Бруно позади бронника.

Зордик дернулся, остановившись на середине ступенек.

– У Ранды наверняка будут вопросы. Скажешь ему, что на тебя напали повстанцы, но ты сумел уйти. Учитывая ситуацию в стране, он поверит.

– Конечно, я не сдам тебя, Бруно, – суетливо заверил капрал и начал карабкаться вверх.

Чем больше было расстояние между ним и кузнецом, тем спокойней было ему на душе. Единожды проиграв ему в схватке, капрал не стал рисковать бы рисковать брать реванш в таком ослабленном состоянии. Бруно оставался на

месте. Прошли томительные две минуты, прежде чем Зордик выкарабкался из хибары бронника, измазав все стены в крови, и вдохнул чистый ночной воздух. Потеряв было надежду выбраться живым, капрал бросился наутек, сохраняя весьма хороший темп, учитывая его израненные ноги. Несостоявшийся узник двигался хромым бегом вперед по узким улочкам. Маррионская архитектура оставила глубокий отпечаток на портовом городе, поэтому его улицы отличались засильем высоких, изящных зданий, по пять этажей каждое, которые были тесно прижаты друг к другу. Это создавало дефицит открытых пространств, что было только на руку окровавленному солдату. Он шел так быстро, как только мог, периодически озираясь по сторонам, чтобы его никто не увидел. Зордик не хотел привлекать лишнее внимание. Рыцари Дитраса имели репутацию грозных воителей, железным, окованным шипами, кулаком Конгломерата. В их ряды отбирали только самых отбитых и свирепых головорезов, не обремененных такими мелочами, как мораль, совесть или рационализм. Высокий социальный статус, щедрые субсидии и вседозволенность в военное время, делали из них опасных и вместе с тем лояльных короле врагов. Небольшие элитные отряды точечными ударами выжигали неприятеля и повстанцев там, где не справлялась мощная машина пропаганды Дитраса. Если кто-то из зевак узнает, что его, капрала первой категории, уделал и подверг пыткам какой-то паршивый кузнец, это может стать первой искрой затяжного Мар-

рионского восстания. Понимая это, Зордик как мог умылся в ближайшей бочке с водой и пошел к портовой таверне, старательно скрывая боль и хромоту. Капрал грубо растолкал трех возвращавшихся с работы в доках матросов, и вышел на слабо освещенную фонарями пристань, в конце которой примостилась уютная двухэтажная таверна. Покосившаяся вывеска гордо гласила "Волшебный горизонт". С этого ракурса, небо, усыпанное жемчужной звездной пылью, упиралось в фундамент таверны, визуально образуя действительно магический вид. Морской воздух взъерошил капралу волосы и прояснил сознание. Вдохнув полной грудью, он подошел к таверне и решительно толкнул створки двери.

Зордик зажмурился от яркого света канделябров. Ранда поднял голову, от стола, на котором уже засыпал с пинтой пива в руке. На его груди красовался новый панцирь, который он только что получил от Бруно. Пивная пена образовала подобие бороды на его плохо выбритом лице. Капитан рыцарей прищурился и прошелся глазами по окровавленному протезу.

– Зордик! Ты где, шакал паршивый, шляешься. Мы тебя два дня ищем. Ты.. ты что.. ты налысо побрился?

– Бруно! Эта фука меня пытал! – выпалил капрал.

– А-а?! Что ты там мычишь?

Капрал принялся объяснять, что его поймал и пытал бронник, но учитывая, что половина зубов во рту отсутствовала, сделать это получилось не сразу.

– Погоди-погоди, – с прищуром прервал его капитан, – ты что, гнида, пытаешься сказать, что тебя сутки удерживал в плену Бруно? Бронник Бруно? Этотдохлый пацан?! Ты так пытаешься пошутить, капрал?!

Ранда встал, откинув одной рукой тяжелый дубовый стол. Учитывая его габариты, сделать ему это было совсем несложно. Таверну заполнил грохот бьющейся посуды. На шум с верхних этажей выбежали еще четверо рыцарей в одном исподнем с мечами наголо.

– Я очень надеюсь, что это плохая шутка, Зордик. В противном случае, мне придется поверить, что тебя, рыцаря Дитраса, поймел какой-то чмошник! В руках меча никогда не державший!

До Зордика только сейчас начала доходить глупость его поступка.

– Парни, а ну-ка, спускайтесь, кажется, нас ждет веселая ночь.

– Капитан!

– Заткни хлебало, Зордик. Ты слишком тупой, чтобы придумать такое, а судя по тому, как тебя разукрасили, ты говоришь правду.

Ранда смачно сплюнул на пол. Четверка рыцарей послушно спустилась по лестнице и направилась к столу, где в кучу были свалены детали их доспехов.

– Капрал, это ты? Кто тебя так? – спросил один из четверых рыцарей, не потрудившийся даже надеть портки. Его

хозяйство косматым комом свисало из-под рубахи.

– Он это, он. Поимели вашего капрала. И оденься, Святого Эма ради, мне кошмары будут сниться.

– Но капитан, он напал сзади! – соврал Зордик.

– Да хоть во сне, Зордик. Проиграть какому-то обоссанцу, я не ожидал этого от своего капрала. Ты лишен нашивок. Мы с парнями сейчас прогуляемся за этим заморышем и кончим его. Не хватало, чтобы о твоём позоре узнал весь город.

Зордик потупил взгляд, не в силах что-либо ответить.

– Благо, хоть меч не потерял, иначе я бы с тебя шкуру-то приспустил. Тобой, я займусь позже, рядовой. – Презрительно бросил ему капитан и направился к выходу.

Вдруг дверь отворилась сама и таверну вошел Бруно. В руках у него был его собственный меч, тонкий и легкий одноручник с изящной гардой, больше походивший на церемониальное оружие, чем на боевой меч. Ранда и его люди застыли, инстинктивно положив руки на рукоятки мечей.

– Бруно, как дела, друг, – расплылся в улыбке капитан.

Бруно вошел и закрыл за собой дверь. На пол со звоном упали ножны, и кузнец ловко крутанул своим мечом. Пламя свечей ярко отразилось на стали, проявив ее безупречное качество, бронник явно не пожалел материалов на свой клинок. Закаленный в многолетних боях Ранда, сразу отметил, что кузнец к оружию привык и пользоваться им умеет. Ловкие и отточенные движения говорили о долгой практике.

– Ты, никак, за оплатой пришел, – не сводя глаз с острия

клинка, спросил капитан, – Фаска наверху, можешь подняться, оттрахать ее, как и договаривались. Правда, мы с парнями ее малость потрепали, но тебе и так сойдет. Фаска! Тащи сюда свое костлявое тело, сука!

Дверь сверху отворилась и на балкон второго этажа вышла Фаска. Бледная девушка с короткими черными волосами и непримечательной фигурой. Ее лицо распухло от гематом и синяков, по худым бедрам стекала кровь. Она стыдливо прикрывалась исцарапанными руками, рыцари не позволяли ей надевать даже халат. Увидев Бруно, она расширила незаплывший глаз и пробормотала что-то.

– Бруно, – прошептала Фаска разбитыми губами и тут же ретировалась обратно в комнату.

– Скромница какая, – прогнусавил Ранда, – Она что-то совсем сдала последнее время, не думаю, что переживет еще ночь с нами. Бабы такие хрупкие нынче пошли, верно говорю, Бруно?

Кузнец не повелся на провокацию. Он продолжал спокойно стоять в защитной стойке, вытянув острие вперед. Четверка рыцарей начал медленно образовывать полукруг, покачивая своими мечами.

– Ну и что мы будем делать, кузнечик? Ты мне нравишься, парень, честно. Но после того, что ты натворил, придется убить тебя. Вот зачем ты пришел? Ты же не надеешься победить хотя бы одного из нас, а?

– Я здесь, чтобы закончить начатое, Ранда, – спокойно

произнес Бруно, – мне нужен Зордик.

– О, как! – расхохотался рыжий капитан. – Добить нашего капрала пришел. Передумал, да? Не ожидал, что ты такой кровожадный ублюдок. Мое уважение, кузнец.

Ранда отвесил неуклюжий реверанс и снова засмеялся. Зордик встрепенулся и слегка вжался в стену.

– Ты, фука, поплатишься за то, что сделал со мной! На фто ты фука надеешься вообще, нас тут пятеро. Мы тебя в порофок сотрем! – заверещал капрал.

– Ты жалок, капрал. Жалок и труслив. – процедил Бруно.

– Фто-о?!

– Рыдал и умолял меня пощадить тебя. А теперь прячешься за спиной Ранды. Кто ты, если не жалкий трус.

– Не фмей называть меня трусом!

– И этот бесхребетный неудачник твоя правая рука, капитан?

Ранда перестал улыбаться и сдвинул брови.

– Кузнец прав, Зордик. Ты, падла, опозорил в первую очередь меня.

– Капитан!

– Заткнись, мразь! Сам Святой Эм принес тебе шанс на искупление, не смей просрать его сейчас! Поди и убей Бруно.

– Верно, Зордик. Иди сюда, если ты мужчина – подначил Бруно.

Капрал выпучил глаза от переполнившей его злобы и схватился за рукоятку своего палаша.

– Ты фам нарвался, фука! В первый раз ты застал меня в расплох, фейчас все будет иначе!

– Охотно верю, трус.

Зордика переключило и он выхватил меч, истошно завопив во всю глотку. Кремень, незаметно впаянный в рукоятку палаша высек искру. Искра вступила в реакцию с двумя килограммами пороха и стальных осколков, спрятанных в кожаных ножнах. Раздался мощный взрыв, разметавший оставшиеся столы, стулья и людей по стенам таверны. Из огненного облака взрыва вылетели острые осколки и прошили тела рыцарей, практически разорвав их на части. Ранда, стоявший прямо перед Бруно, принял весь удар на себя и кубарем покатился вперед с подпаленным затылком. Кузнец остался невредимым. Бруно закашлялся от поднявшейся пыли и прищурил глаза. Убедившись, что никто из рыцарей не проявляет признаков жизни, Бруно взял меч под мышку и вытащил ватные затычки из ушей. Взрыв, как он и рассчитывал, был недостаточно сильным, чтобы устроить пожар, но все же отдельные язычки пламени танцевали на разломанных столах, быстро распространяясь по поверхности. Пройдет еще какое-то время, прежде чем на шум и пламя сбежится городская стража. Кузнец перешагнул через кусок окровавленного торса, в котором опознал капрала Зордика, и направился к лестнице. Вдруг его голень обхватила мощная пятерня Ранды. Капитан с хрипом разлепил веки и резко дернул руку. Бруно шлепнулся вниз, разбив нос. Кузнец вскрик-

нул от боли, но тут же вывернулся и полоснул мечом толстое запястье Ранды. Хлынула кровь, и рыжий верзила завопил, разжав стальную хватку. Бронник перевернулся вперед и наотмашь ударил мечом. Сталь звякнула о сталь. Ранда за доли секунды успел схватить собственный меч с пола и парировать удар. Сказывался огромный боевой опыт. Капитан с рычанием откинул Бруно и молниеносно ринулся вперед, размахивая палашом. Бруно уворачивался от каждого удара, не рискуя парировать. Ранда был почти в два раза тяжелее и выше его. Каждый его удар нес смерть. Упершись в опорный столб спиной, Бруно присел, в тот момент, когда над его головой просвистел страшный удар. Бронник сгруппировался и вылетел стрелой, выставив клинок вперед. Еще секунду, и меч Бруно пронзит шею противника, но тут капитан наклонился вправо, проявив невероятную гибкость поясницы и лезвие вошло ему в плечо. Ранда резко выгнулся вперед, ударив бронника лбом в лоб. Бруно отлетел на метр назад и приземлился на пятую точку. Рыжий рыцарь с рычанием вытащил изящный меч из плеча и швырнул его от себя. Кровь пошла, но несильно, артерия не была задета. Бруно попятился и схватил высокий напольный подсвечник.

– Судьба забавная штука, верно говорю, бронник? – прохрипел Ранда.

Бруно встал с пола и выставил подсвечник острым концом вперед, на манер копья. Ранда погладил свой новый панцирь. В его толстой стали застряли смертоносные осколки, не по-

ранив капитана.

– Если бы не твоя броня, лежать мне сейчас с парнями на земле.

– Рад, что ты оценил, – тихо произнес Бруно.

– Вы, маррионцы, никогда не простите нас, да? Повстанцы паршивые, плодитесь как крысы, видать союза у нас не получится. Мне напомнить, что это твой король развязал войну?! Надо было вырезать вас всех год назад!

Бруно засмеялся, оперевшись руками об колени. Последние пару дней приступы внезапного смеха стали мучить молодого бронника. Ранда опешил, услышав его звонкий смех.

– Совсем умом тронулся, кузнечик?!

– Я не... я не повстанец, – содрогаясь от смеха ответил кузнец. – Я просто хочу смотреть.

– Смотреть? Что ты там несешь.

– Я просто хочу смотреть, как выдохнете, – честно ответил Бруно. – Вот и все. Хочу смотреть, как выдохнете.

Ранда поджал губы, словно действительно расстроившись от услышанного.

– Вот так, значит да. Ненавидишь нас, значит, да. Мечь, значит, да?! – догадался Ранда, – все из-за потаскухи своей. А я тут причем? Мои парни причем? Нас там не было, Бруно. Это война. Война! Люди на ней умирают. Бабье в первую очередь. Будешь теперь мстить каждому конгломератцу, которого встретишь?

Бруно не ответил. Кузнец сплюнул скопившуюся во рту

кровь и медленно хрустнул шейей, покрутив импровизированным копьём.

– Посмотрите на него, – ослабился капитан, – каков герой! Решил драться со мной. Ладно, кузнечик, вижу мозги у тебя основательно прокипели. Ты мне и правда нравился. Я думал, у нас получится мировая, знаешь, вместе бы пиво пили, баб травили, верно говорю? А ты таких делов натворил. Ладно, я все сделаю быстро, не переживай. И не надо все усложнять. Мечом махать ты можешь, но со мной не справишься. Ты же это понимаешь?

– Понимаю, – согласился Бруно. – В честном бою мне тебя не победить, Ранда.

– Ну вот и славно. Бывай, Бруно. Может в следующей жизни сдружимся.

Рыжий капитан занес меч и медленно двинулся к кузнецу.

– Но честно драться я не собирался изначально.

Бруно сделал выпад и ударил острым концом подсвечника капитана в живот. Удар был настолько очевидным и медленным, что Ранда даже не потрудился увернуться. Наконечник ударился о стальную кирасу, ожидаемо, не нанеся совершенно никакого урона. Но тут кузнец нажал чуть сильнее и на этом месте, в доспехе открылся скрытый сегмент, в виде небольшого квадратного отверстия. Разом щелкнули все двенадцать застёжек на кожаных ремнях, и кираса с грохотом свалилась на пол, оголив беззащитное пивное брюшко капитана.

– Ах ты крыса, – успел произнести капитан.

Бруно резко дернул подсвечником, пропахав острием по диагонали все тело Ранды. Брызнула кровь и Ранда заверещал от боли, выронив меч. Понимая, что рана недостаточно глубокая, бронник нырнул под орущего противника и под упором насадил грузного капитана животом на подсвечник, как кита на гарпун. После чего сразу отскочил, чтобы не попасть под удар массивного кулака. Капитан попытался грязно выругаться, но выдал лишь обильную порцию крови изо рта. Ранда рухнул вниз, всем весом насаживая себя на подсвечник.

Бронник, тяжело дыша, отошел от хрипящего капитана и сел на единственный оставшийся целым стул. Пламя продолжало разгораться, от дыма уже перехватывало дыхание и слезились глаза. Ранда уставился налитыми кровью глазами на бронника. Вопреки всем мыслимым ожиданиям, капитан расплылся в торжествующей улыбке. Бруно мог поклясться, что увидел проблеск гордости в затухающем взгляде рыжего капитана.

– Хорош, сученок. Хоро-о-ш, – прохрипел Ранда, – как все спланировал, а. Хоро-о-ш.

Он продолжал что-то бормотать, но воздуха в легких не хватало, чтобы его можно было услышать. Кузнец смотрел на умирающего капитана. Это был первый человек, чью жизнь отнял собственноручно. Бруно ожидал, что в такой момент что-то изменится в нем, он что-то почувствует, боль,

радость или укол совести. Однако, он не чувствовал ничего кроме усталости. Пламя распространялось опасными темпами, и кузнец решил, что отдохнет потом.

– Фаска, все кончилось, спускайся, – крикнул кузнец.

Фаска, которая все это время пряталась за высокими перилами, робко выглянула со второго этажа. Увидев кровь на стенах и разорванных рыцарей, она не смогла сдержаться и расплакалась. Она содрогалась в плаче десять драгоценных секунд, пока Бруно не прервал ее вежливым покашливанием.

– Извини, все. Беру себя в руки, – пробормотала Фаска, вытирая слезы, – Ты их убил, Бруно. Спасибо.

Она скользнула взглядом по еще живому Ранде и его растянутому нагруднику с секретом на полу.

– Самого Ранду завалил. Ты где так драться научился?

– Краиса учила, – коротко ответил кузнец.

– Она бы тобой гордилась. Черт бы тебя побрал, Бруно, неплохо. Совсем неплохо для сопливого подмастерья.

Фаска засмеялась. Ее специфичный громкий смех заставил кузнеца искренне улыбнуться впервые за последние полтора года. Бруно с отголоском теплоты отметил, что трактирщица сохранила задорный настрой, несмотря на непрерывное насилие над собой в течение последних недель. Он бы спас ее раньше. Но его изощренная месть требовала тщательного планирования, первый этап которого он только что с успехом завершил.

– У нас мало времени, – прервал ее Бруно. – Скоро сюда сбежится весь город. Где походный сундук Ранды. Я заберу половину его золота и королевскую печать. Ты бери остальное и беги из города. Подайся к повстанцам, помоги им. Идиоты сидят за восточным трактом и думают, что их не видно.

Фаска показала пальцем на небольшой, но крепкий сундук у перевернутого стола. Бруно подошел к нему и вытащил из нагрудного кармана отмычку. Кузнец вновь проявил невероятную ловкость и силу инженерной мысли, взломав довольно сложный замок за четыре секунды. Фаска, закусив губу, смотрела, как кузнец берет золотистый амулет с оттиском в виде собачьей головы, печатью Дитраса.

– Зачем тебе печать, Бруно. Мстить собрался? Ты не пройдешь границу, от тебя разит маррионским шпионом.

Бруно молчал. Он извлек кожаный мешочек, туго забитый золотыми маренами, и положил в карман. Золота своим верным рыцарям Дитрас не жалел. На эту сумму кузнец мог бы уехать на край света и начать безбедную жизнь под новым именем.

– Пойдем со мной. Мы поднимем восстание и отомстим за Краису вместе. Это единственный путь. Один ты погибнешь!

Фаска говорила, как можно убедительней, но в душе понимала, что все было бесполезно. Глаза Бруно, освещенные видом первого успеха, горели ярким огнем решимости. Кузнец засунул меч в ножны и подошел к двери.

– Дьявол тебя разбери, Бруно!

– Наверное, мы больше не увидимся, Фаска. Береги себя.

– И ты себя, сопляк. Знаю, ты любил ее. Но ты обязательно возвращайся, а. Еще живы люди, которым ты дорог.

Кузнец посмотрел Фаску с улыбкой. На секунду в нем слабо шевельнулось желание остаться. Все это время, он даже не задумывался о том, что будет после, ведь он никогда не планировал возвращаться из своего карательного похода. Тут он заметил, что обездвиженный капитан еще дышит.

– Иди, Бруно. Я приберусь, – пробормотала трактирщица, поднимая с пола острый палаш.

Бруно кивнул и вышел на улицу. Расплывчатый вид обнаженной Фаски с мечом, занесенным над рыцарем, на фоне разгорающегося пламени, был последним разом, когда он видел ее. Дверь затворилась. Кузнец удалился в ночь под душераздирающие крики капитана Ранды.

2.

Раохар шумно втянул морозный воздух и в сотый раз пригладил ладонями волосы. Руки вождя дрожали, лицо перекосило от волнения, что вызвало легкий неодобрительный взгляд от Гасана. Лысый охотник причмокнул губами и почесал щетину.

– Посмотри на своего старика, Антар, – неодобрительно произнес Гасан, – и это бесстрашный Зверь Черничных лесов. Потеет от страха, словно шлюха у лекаря. Позорище какое.

Вождь охотников мгновенно переменился в лице, вернув

себе суровый вид.

– Следи за выражениями, Гасан. Парню всего десять лет.

– А ты следи за своим лицом, вождь. У тебя всегда хватало выдержки отправлять на пробежку и более юных охотников. А сейчас что? Расклеился, только потому что это твой сын?

– Да, – честно признался Раохар, – Потому что он мой сын, шайтан тебя побери, старый хрен. Неужели это так необходимо делать сейчас? Может, имеет смысл подождать до весны? Посмотри на склон, он частично обледенел, там легко можно поскользнуться, а вдруг...

– Я справлюсь, отец – спокойно прервал его маленький Антар, – я справлюсь.

Юный охотник стоял по пояс голый, несмотря на плотные сугробы снега вокруг. От его маленького, но уже покрытого многочисленными шрамами, тела обильно валил пар. Охотничий черничный тоник приятным теплом разливался по венам, отдавая пульсирующей энергией в мышцах. Гасан с гордой улыбкой похлопал мальчика по плечу.

– Что я тебе говорил, вождь? У тебя растет настоящий мужчина. Мы не будем ничего откладывать, Раохар. Так уж вышло, что стагийцы решили мигрировать именно сейчас, мы можем не увидеть их ближайшие четыре года. И ты и я, выходили на пробежку в куда более суровых условиях. Без этого навыка, Антар может забыть о возможности стать настоящим вождем охотников. Правда хочешь лишить своего сына этого шанса?

Раохар прикусил язык и после секунды раздумий, молча покачал головой. Гасан кивнул и присел возле порядком подмерзшего мальчика.

– А теперь слушай меня, Антар. Стагийцы – это далеко не обычные волки. Это самые быстрые волки во всем мире. Помимо этого, они очень большие и крайне агрессивные. Наши леса не знают более свирепых хищников, они рвут медведей и троллей на тряпки. Это единственные животные, на которых мы не охотимся, но вовсе не из-за гуманных соображений. Мы просто не можем справиться с ними.

Гасан поднял под мышки Антара и поднес к краю обрыва, внизу которого начиналась бескрайняя заснеженная пустошь, упирающаяся в плотную стену из деревьев Черничного леса.

– Сегодня ты столкнешься со стагийскими волками, юный охотник. Считай это своим первым, но, пожалуй, самым важным охотничьим испытанием. Все, что тебе нужно сделать, это выжить. Годы практики и черничный экстракт помогут тебе в этом, ни на что другое полагаться не получится. Мы с твоим отцом спасти тебя уже не сможем.

На западе, за снежным холмом раздался протяжный волчий вой, за которым последовал неслышный дробный перестук волчьих лап по снегу.

– Они идут, Антар. Я верю, что у тебя получится. Помни о своих тренировках. Доберешься до деревьев, будешь жить.

Антар, еще не до конца освоивший контроль эмоций, чув-

ствовал, как сердце забилось чаще, а кровь подступила к вискам. Страх тугим узлом завязал желудок и подкашивал колени.

– Помни, Антар, у тебя есть только один возможный вариант выжить в схватке с волками.

– Какой? – спросил Антар предательски дрожащим голосом.

– Превзойти их по скорости.

Гасан разжал руки, отпустив маленького Антара в пропасть.

3.

Антар очнулся под открытым небом. Охотник лежал на повозке, дно которой было заботливо устлано толстым ковром. Первое, что он ощутил, было согревающее тепло, словно его укутали в невидимое шерстяное покрывало. Охотник рассеянным взором проводил одинокое облако, лениво проплывавшее в чистом синем небе. Солнце лениво расстило свои слабенькие лучи по земле, но без особого эффекта. Ранняя весна по-прежнему была безжалостно холодна. Затем он перевел взгляд на источник разливающегося по телу тепла и увидел Тошу. Шаман склонилась над ним. Вид у девушки был не из лучших. Именно так выглядит человек если его силком протащить через двадцать километров веток и кустарников, верхом на гигантском баране. Ее угольно-черные волосы сильно растрепались и слиплись, но на уставшем лице читалась ярко выраженная сосредоточенность. Девуш-

ка сложила домиком ладони и прижала их к бедрам охотника. Ее пальцы светились красным светом. Аккуратные брови шамана сдвинулись от усилия на переносице, образовав тонкую ложбинку, в которой скапливался пот. Чем глубже становилась ложбинка, тем легче становилось охотнику. Антар чувствовал, как уходит накопленная за сутки усталость, восстанавливаются разорванные сухожилия и рассасываются синяки. Тоша скрипнула зубами и с ее пальцев посыпалась новая порция красных искр, которые потекли к свежему порезу на боку Антара. Падение с альдебарана не прошло бесследно для юного охотника. Порез начал медленно затягиваться, но тут Тоша бессильно опустила руки и уткнулась лбом охотнику в колено.

– Устала? – спросил охотник.

Тоша резко отдернулась от Антара и вперилась в охотника своими яркими фиалковыми глазами.

– И как давно ты в сознании?

– Минуты три.

– И ты просто молча смотрел на меня, как маньяк? Честное слово, Антар, иногда ты меня пугаешь.

– Извини, я задумался, – смутился Антар.

Шаман почесала пальчиком свой точеный подбородок, чувствуя, что почему-то начинает краснеть. Она не привыкла кого-то благодарить, но сейчас ее переполняли чувства, которые она обязательно считала нужным выразить. Тоша

кивнула и тепло улыбнулась охотнику. Впервые за свою жизнь, она смотрела на кого-то так, взглядом, преисполненным благодарности, на грани восхищения.

– Спасибо, что спас мне жизнь, Антар. И всем, кто сейчас с нами, – искренне сказала она, – я этого не забуду.

Антар ответил слабой улыбкой и оттопырил большой палец на руке.

– Я старалась поддерживать тебя в тонусе. Но в какой-то момент, начала бояться, что ты уже не очнешься, – сбивчиво начала Тоша, чувствуя, как горят ее щеки. – Извини, я, наверное, не очень сильна в лечебных заклинаниях.

– Да, поток целительной магии у тебя слабый, – без задней мысли произнес охотник, – Мышечная ткань может срастись неправильно и останется шрам. Давай лучше бинтовую заплатку наложим.

Шаман резко изменилась в лице, поджала губы и сощурила глаза.

– Я к тому, что лучше отдохни, – быстро добавил Антар, чувствуя, как опасно нагреваются руки шамана. – Спасибо, что заботилась обо мне.

– Пожалуй, ты прав, – злобно прошипела Тоша, вытаскивая сложенный вчетверо кусок бинта из кармана.

Шаман с размаху вклеила заплаткой по ране охотника, заставив его легонько взвять от боли.

– Мы ведь не хотим, чтобы у нашего Антара был некрасивый шрам на боку, – весело подмигнула она ему.

Девушка как следует растерла пропитанную спиртом и бальзамом припарку. Затем собрала растрепанные волосы в пучок и демонстративно отсела от него.

Антар с облегчением почувствовал, как отступает боль и появляется легкое покалывание. Припарка начала действовать. Сознание приходило в норму, и он осторожно приподнялся, чтобы осмотреться. Свежий ветер ласково взъерошил ему волосы. Ожидаемого запаха гари и зловония, которые всегда витают на поле боя, он не ощутил. Антар только сейчас заметил, что окружающий пейзаж совсем не похож на травянистую степь, на которой он отключился. Его повозка возглавляла длинный караван из людей, тележек и лошадей, груженных мешками, провизией и всевозможной утварью. Антар насчитал не меньше четырех тысяч человек. Караван был построен неровной вереницей, которую замыкал небольшой отряд из оставшихся в живых защитников крепости. Было заметно, что в путь люди собирались в спешке, забирая с собой все, что попадалось им под руку. В итоге полуодетые, растрепанные жители речной заставы, тащили на себе, как жизненно важную еду, так и ненужные вещи, вроде полутораметрового папье-маше в форме беркута. Караван стоял на стоянке. У идущих был совершенно потерянный вид, однако на удивление никто не шумел и не задавал вопросов. Молчали даже дети. Люди собрались у быстро собранных костров небольшими кучками и грелись у пламени. Редкие тихие разговоры в основном сводились к просьбе пе-

редать пуховой плед или кусок вяленого мяса. Шок, сумятица и нежелание признавать происходящее реальным были почти осязаемы в воздухе. Никто из них, казалось, до сих пор не верил, что они оказались выгнаны из дома при таких страшных обстоятельствах.

– Тактичность не твой конек, охотник, – мягко подметил кто-то позади Антара.

Охотник обернулся и увидел Огду, бодро попыхивающего своей трубкой. Командир крепости выглядел значительно лучше, чем он его запомнил. Старик стер кровь с лица и замотал рассеченный лоб. От доспеха он избавился полностью, оставив на себе только кольчужные панталоны и потертую рубаху. Свое изысканное оружие бросить он все же не решился и примотал алебарду веревкой сбоку повозки.

– Мы в пути уже сутки и все это время ученики Ширмы латали моих парней. Спасти удалось не всех, но многие из них сейчас дышат, только благодаря твоей подруге. Ты бы сказал ей что-нибудь приятное, – с улыбкой сказал старик.

Антар задумчиво кивнул и повернулся к Тоше.

– Отличная э-э... магия. Спасибо, Тоша.

Тоша, продолжала игнорировать охотника. Не поворачиваясь, шаман слезла с повозки и отправилась кутать в одеяло спящую Ириску. Маленькая колдунья лежала без сил лежала на большом куске камышовой циновки. Лечить раненных солдат было делом изнурительным даже для опытных шаманов, не говоря о десятилетнем ребенке.

– Парень, ты безнадежен, – приснул Огда. – Если переживем все это, я дам тебе пару советов, как общаться с женщинами. У тебя же есть девушка?

В голове Антара мелькнул образ Рованны с раскрытым черепом. В груди неприятно кольнуло.

– Нет, – сдавленно бросил охотник.

– Посмотри на них. Не успел парень очухаться, уже о бабах перетирают. Ты-то у нас кладезь знаний по правильно-му ухлестыванию за женщинами, да, командир? Семьдесят два года, ни жены, ни детей, Ширму и ту упустил в свое время. Не слушай его, парень, ничему хорошему не научит, – со смехом произнесла Дангана.

Сотник гордо проехала мимо них на своем коне, став во главе каравана. Она была в полном доспехе, любовно начищенном до блеска и в целом, выглядела так, словно и не побывала только что в адской мясорубке. Подбитый мехом шлем она привязала к коню, распустив свои длинные волосы, чтобы подышала кожа головы.

– Чудесная женщина, – со смехом произнес Огда, – всегда зрит в корень. У меня до сих пор не было возможности представиться и поблагодарить тебя лично, Антар. Я Огдаризир, спасибо, что спас нас от смерти. Татимитрис рассказала про тебя самые невероятные вещи. Что ты, например, сумел приручить альдебарана. Если бы я не видел это своими глазами, то никогда бы не поверил. В своей жизни я знал только одного человека, который также ладил с животными.

Ты очень похож на него.

– Вы знали моего отца?

– Не лично, нет. Только видел пару раз на военном совете. Вместе брали Шрамовый берег. В бою не пересекались, но я видел тела его оппонентов и их состояние... суровый мужик, конечно. Как поживает старина Раохар?

Антар вспомнил сжатые пороховые стрелы в кулаке отца и его прощальную улыбку на смертельно бледном лице.

– Погиб, – спокойно произнес охотник. – В схватке с демоном.

Огда молча затянулся и выпустил толстое кольцо дыма в голубое небо. Он ожидал подобный ответ, в конце-концов, именно из Черничного леса вышла армия дэвов. Они не могли пройти мимо укрепленного поселения охотников. Вдруг, старый командир осознал, что они до сих пор живы, благодаря жертве охотников. Даже будучи застанными врасплох, охотники Черничного леса оставались опасными противниками. Они наверняка сильно сократили количество дэвов, прежде чем их всех вырезали. Антар почувствовал неприятное жжение в груди, как если бы он наложил себе под кожу горчичники из красного перца. Что-то теплое и влажное покатилося по его щекам, и охотник с удивлением заметил, что из глаз льются слезы. Последний раз, он помнил свои слезы, когда в пятилетнем возрасте, он сломал руку, упав с тренировочного помоста. Но то, были слезы от боли физической. Сейчас же, ощущения были совершенно иного харак-

тера. Глубже, ощутимее и тяжелее.

– Это... неожиданно, – произнес охотник, слизывая соленую жидкость с губы.

– Это нормально, парень, – сказал Огда.

Огда знал о зверских методах тренировки охотников по лишению эмоций. Знал и тихо осуждал. По мнению старого солдата, достичь пика физического развития можно было бы и без превращения человека в бездушную машину для убийств.

– Они все погибли, – продолжил Антар, с неудовольствием замечая, что начал заикаться.

Слезы не переставали течь, а цепкое пульсирующее болью пятно расплзлось в груди, несмотря на все его усилия. Картина пылающего охотничьего селения отказывалась покидать его мысли. Стена пламени, визги дэвов, звон стали и страшные крики пожираемых заживо людей. Надежда на спасение хотя бы кого-нибудь в бушующем урагане клыков и когтей была ничтожна. Огонь и беспросветная масса черных волосатых тел не позволили ему приблизиться тогда к родному дому. Дэвы моментально учуяли его запах и пустились в погоню. Оставалось только бежать, что он и сделал. Сейчас, когда опасность миновала, в разум юного охотника начали закрадываться сомнения. А что, если, бы он был осторожнее или быстрее. Или сильнее. Возможно, ему не стоило бежать, сломя голову. Возможно, он бы так глупо не попался и сумел бы спасти кого-нибудь из поселенцев. Его отец наверня-

ка бы что-нибудь придумал. Антар понимал, что теперь эти мысли будут преследовать его до конца жизни. Огда дал ему немного времени, прежде чем задать следующий вопрос.

– Мне жаль, Антар, – сказал Огда. – Я сам потерял отца на войне, могу представить, как тебе сейчас тяжело.

Антар молча кивнул. Он только сейчас по-настоящему осознал масштаб своей потери. Весь день был насыщен событиями, которые не давали ему сосредоточиться на мысли, которую он тщательно от себя отгонял. Его отец мертв. Как и все, кто был ему дорог. Растерзаны и убиты, буквально в течение суток. Гнев, который он испытывал накануне нападения на северян, пропал, уступив место усталости и растерянности. На их фоне зарождалось тяжелое, тягучее, словно клубок ржавых гвоздей в желудке, чувство, которое Антар испытывал впервые. Отчаяние.

– Скажи, Антар. Противник твоего отца. Это правда был демон? Настоящий демон? С рогами и хвостом. Дышал огнем?

– Демон. Но без рогов и всего остального, – подтвердил охотник, заметно успокоившись. – Больше похож на болтливого идиота в доспехах. Но сильный. Достаточно сильный, чтобы победить моего отца.

– Ты уверен? Может это был рыцарь Дитраса? Или наемник из Лиги. В Лиге, если знаешь, много всяких отморозков.

– Отец сказал, что это демон. И... у него были крылья.

Огда затянулся трубкой. Правдивость теории Ширмы ста-

новилась чуть более, чем очевидной. Он не был близко знаком с Раохаром, но запомнил его, как спокойного, рассудительного человека с безупречной репутацией. Он бы не стал бросать слова на ветер.

– Ковчег существует. И он открыт. И через него толпами валят различные монстры во главе с демонами. Какой чудесный сегодня день, – подытожил командир, пыхнув трубкой.

– А что были сомнения? Армия дэвов, которая использует огромных червей вместо тарана тебя не убедили, командир? – шутливо спросила Дангана.

Огда громко рассмеялся. Люди, стоящие неподалеку, возле костра дико посмотрели на старого солдата, посчитав его смех как минимум неуместным в сложившейся ситуации.

– Ладно, – с улыбкой сказал командир. – Первый шаг на пути к решению проблемы, это признание ее наличия.

Алебардист положил руку охотнику на плечо.

– Крепись, парень. Мертвые останутся мертвыми. Тут ничего не поделаешь. Но мы еще можем за них отомстить. И защитить тех, кто еще жив.

Слова были правильными. Антар воспрял духом, вспомнив последнее наставление отца. Сейчас он был намерен выполнить его, во что бы то ни стало, раз уж предыдущий приказ проигнорировал. Но чтобы доставить сведения Великому кагану, сначала нужно было выжить. Антар вытер слезы насухо, чувствуя легкое раздражение. Столько лет на то, чтобы убить в себе эмоции и все было зря.

– Да, нужно взять себя в руки, – твердо сказал охотник. –
Надо выжить и доставить послание Великому Кагану.

– Кагану? И что ты хочешь ему передать.

– Что миру грозит опасность. Демон и... еще дэвы. Я,
честно говоря, не понимаю, о чем идет речь.

– Ах это. Бранка, мой лучший гонец, уже наверняка до-
бралась до летней ставки с письмом. Там я быстро изложил
все о нападении. К тому же, когда мы туда доберемся, пере-
дадим послание через почтовые порталы, напрямую самому
кагану. Расскажем всю информацию о возможном открытии
Ковчег. С их специализацией и моим влиянием в стране,
это вполне возможно.

– Ковчег? – спросил Антар.

– Ты не знаешь легенду о Ковчеге?

Охотник отрицательно помотал головой.

– Я сам не знаю всех подробностей, да и времени нет. По-
том расскажу, сейчас важно только одно – добраться до лет-
ней ставки живыми.

– Верно. Значит, нужен план.

– Молодец, парень! – весело сказал командир, – оправил-
ся быстрее, чем твоя подруга, узнав о смерти Ширмы. Вот
бы мне еще теперь оклематься от потери старухи.

Старик заметно погрузился и затих. Антар помассиро-
вал виски и сосредоточено посмотрел на старого командира.
Огда понял, что парень собрался разрабатывать план их спа-
сения и с интересом приготовился слушать. Многих охотни-

ков Черничного леса часто использовали именно как тактиков и шпионов во время Приграничной войны именно за их выдающиеся аналитические способности.

– Расскажите, что было после того, как я отключился – спросил Антар.

– Мы ушли из крепости. Уходили быстро, припасов толком не брали, поэтому могу угостить тебя разве что вяленным желтопузиком. Направляемся в летнюю ставку кагана. Это укрепленный бастион, там много места и провизии. Возможно ты и твой ручной баран перебили всех дэвов, а возможно и нет. Я не мог рисковать и оставаться.

– Вы оставили его там? – спросил охотник.

– Кого? Барана? Да, оставили, – ответил старик, почувствовав внезапный укол совести, – он был сильно ранен, да и вообще, я не знаю, что делать с одомашненными монстрами.

Антар кивнул, чувствуя, как неприятное жжение в груди усилилось.

– Жаль его, да. Но это было единственно верное решение. Мы поэтому все еще живы. Но это ненадолго.

– Так, – протянул алебардист. – Поясни.

– Дэвами кишит весь Черничный лес. Те, кого мы перебили, лишь малая часть. Лесной пожар и раненный альдебаран задержали их, что дало вам возможность покинуть крепость и уйти так далеко. Но скоро они доедут и быстро нас нагонят. И тогда... – охотник замолчал.

Огда задумчиво пожевал соломинку, решив, что раску-

ривать вторую трубку было бы слишком расточительно для здоровья в его возрасте. Слова юного охотника его совсем не удивили, об обреченности их похода он знал изначально, но все же где-то в глубине души, таилась надежда, что все образуется. Командир осмотрел своих подопечных. Тысячи людей, вверившие ему свои жизни, жались друг к другу у костров. В середине каравана, посреди павших воинов, стонали раненные солдаты, вокруг которых крутились их родные и врачеватели. Половина из них не доедет до летней ставки живыми. Если доедут вообще. Огдаризир прекрасно представлял, какая кровавая вакханалия начнется, когда дэвы настигнут их в чистом поле. Полсотни ослабших солдат и отряд шаманов недоучек – единственная преграда между безумствующими монстрами и тремя тысячами беззащитных людей.

– Сколько у нас времени, – спросил командир, – как думаешь?

– Сколько раз мы останавливались?

– Это наша вторая остановка за сутки. Стоим по двадцать минут, чтобы люди согрелись у костров и перекусили.

– Шесть, может восемь часов, – ответил Антар, после коротких расчетов.

– Можем ли мы от них оторваться? Мы сократили путь через бурьяны и небольшое болото, возможно, они пройдут параллельно нам, – спросил Огда, заранее зная ответ.

– Нет. Ветер дует против. Запах тел, крови и трупов на

повозках приведет их прямо к нам.

Огда вновь нехотя согласился. Многие жители города наотрез отказались оставлять своих погибших родных на съедение и взвалили их тела на свои повозки. И теперь эта сентиментальность могла стоить им жизни. Командир какое-то время молча наблюдал за трехлетним сыном каменщика, который резвился в центре каравана, вместе с остальными детьми. Малыш отчаянно пытался поймать бабочку-капустницу, не подозревая, что обезображенные тела обоих его родителей лежат в телеге, всего в четырех метрах от него.

– Что ж, значит спасти этих людей можно только одним способом, – произнес Огда, после минутного размышления, – я, Дангана и мои люди останутся здесь. Мы устроим диверсию и выиграем вам время. Караван сменит курс и пойдет напрямик, до устья реки Понки и перейдет ее вброд. Телеги с ранеными... – командир запнулся, – придется оставить. Но только так удастся сократить расстояние и добраться до летней ставки живыми. Антар, все мои самые толковые подчиненные погибли в той резне. Ты возглавишь отход и проследишь, чтобы люди добрались до места. Летняя ставка – это настоящая огромная крепость, не в пример нашего захолустного сарая. Там собраны лучшие воины и возведены надежные стены. Держать осаду там, даже против дэвов можно месяцами.

– Не получится, – коротко прервал его охотник.

– Почему же?

– Вы не продержитесь и минуты, командир. Здесь, в чистом поле, без укреплений, у вас нет шансов против армии дэвов.

– У тебя есть вариант лучше?

– Да, – охотник подался слегка вперед. – Останусь я и шаман. И мне понадобятся повозки с погибшими.

Огда прищурился и легкий огонек надежды снова загорелся у него в груди. Он не мог догадаться, какой план созрел в голове юного охотника, но выглядел Антар уверенно.

– Мы выложим тела по дуге, приманим преследователей в восточную часть леса, – объяснил Антар, видя вопрос во взгляде командира.

– В восточную часть? Антар, это же логово мимикров, самая опасная часть Черничного леса. Даже вы охотники там не обитаете. Вы не пройдете и десяти метров, как вас сожрут. К тому же, там почвы-то нет, одно болото.

– Мы пройдем, – уверенно сказал Антар.

– Как?

– По деревьям. Тоша сможет перенести нас на ветки через портал.

Огда задумался. Восточный лес состоял в основном из мангровых деревьев, разросшихся до исполинских размеров во влажной среде. Их толстые ветки действительно могли выдержать двух худосочных подростков. Высокие и гладкие стволы не позволяли по ним забраться, но короткий портал решил бы проблему.

– Там мало пространства между деревьями и запутанные тропы. Дэвы не смогут пройти сплошным потоком. А тех, кто протиснется, сожрут мимикры. Да, это может сработать, – забормотал Огда, – но все же, это очень опасно. Вы оба скорее всего погибнете.

– Две жизни не тяжелее трех тысяч, – парировал охотник с холодной решимостью.

– Простое уравнение, – улыбнулся Огда. – Ладно, парень. Я не в том положении, чтобы оспаривать твою решимость. Лучшего решения все равно нет. Попробуй. Если получится, ты спасешь нас всех. Что тебе потребуется? Оружие, доспехи, медикаменты?

– Еда, – с готовностью выпалил Антар, – я давно ничего не ел.

2.

Антар пригладил свой новый легкий доспех в районе разбухшего живота. Он жадно накинулся на запасы сухого пайка и опустошил почти половину цинкового мешка. Засушенные грибы и жесткая солонина сухо скрипели на зубах, но оголодавший охотник не жаловался. Антар оживал на глазах, по мере поглощения запасов. Закончил пятиминутную трапезу охотник солидным куском лепешки и пинтой холодного кваса. Охотник икнул и довольно улыбнулся. Здоровый румянец постепенно вернулся на его щеки. Тоша вела себя более сдержанно, ограничившись кусочком вяленой рыбой и флягой воды. Огда экипировал парочку, отдав им самое

лучшее снаряжение. Антар избавился от грязных порванных панталонов из волчьего меха и натянул на себя прочный сегментированный доспех разведчика. Броня, наверняка, была дорогостоящей. Орел на фоне цветущего леса серебристой нитью прошивал нагрудник. Крепкие пластины из облегченной стали на кожаном каркасе, прекрасно защищали все жизненно важные органы, практически не замедляя движений. Серый окрас отлично маскировал своего носителя от любопытных глаз. Тоша, разумеется, осталась в своей мантии. Специальный состав ткани, пропитанной магией, отталкивал грязь и не впитывал пот, сохраняя мантию в первозданном виде долгие десятилетия. Шаман, тем не менее, мечтала о горячем душе, о котором в походных условиях оставалось только мечтать. Из оружия, Огда выдал Антару шесть утяжеленных метательных ножей, длинный кинжал из личного арсенала и короткий лук из черного скрученного рога. Антар принял лук, с профессионализмом оценив его качество. Тетива из шерсти редкого черного буйвола была втрое толще стандартной. При правильном натяжении и прочности снаряда, выстрел из подобного оружия, мог бы прошить насквозь каменную кладку.

– Потрясающий лук, – удовлетворенно произнес Антар.

– Это лук Койора. Я не знаю, сможет ли им пользоваться человек. Все-таки, его делали на заказ, а сирх у нас был парнем сильным.

Антар развеял сомнения командира, быстро натянув те-

тиву. Не по годам крепкие мускулы затрещали от напряжения, но зарядить до конца лук все же удалось.

– Впечатляет, – одобрил командир.

– Кстати, а где сирх? Я не видел его в караване.

Командир потупил взгляд и грустно покачал головой. Антар поджал губы. Койор показался ему очень сильным. Если даже он не смог пережить все это, значит, их дела были действительно плохи.

– Да примут боги его в свою семью, – тихо произнес охотник.

– Зная его, он уже наверняка сидит на пиршестве Трех и критикует обилие мяса на столе, – со смехом сказал командир. – У нас будет время погоревать об ушедших. Как только выберемся из этой передраги живыми.

В дополнение к луку, командир выдал Антару туго забитый колчан из тридцати стрел и прочную веревку, Тоша вежливо отказалась от сомнительного вида посоха, который ей впихивал интендант, но с благодарностью взяла энергетические тоники. Слегка сброженная клубника с медом и сахаром в пузатых бутылках, обильно насыщенных магией. Такое питье не дотягивало до охотничьих тоников, конечно, но было не только невероятно вкусным, но и питательным, эффективно восстанавливая энергию. Шаман сразу же осушила один бутылек, моментально почувствовав себя лучше.

– Ну, теперь если вы и погибнете, то хотя бы сытыми и красивыми, – весело произнес командир.

– Спасибо, – язвительно произнесла шаман. – Вы умеете подбадривать людей, идущих на верную смерть.

Тошу не пришлось уговаривать на самоубийственную миссию. Услышав план Антара, она моментально согласилась. Безрассудная смелость была присуща ей с самого детства. Спасать людей, вот ее настоящее призвание. Ведь это именно то, чем и должен заниматься настоящий шаман. Поливать жухлые листья капусты может кто-нибудь еще. Тихо проревев всю ночь в повозке, Тоша горевала о погибшем учителе, не в последнюю очередь потому, что она теперь не увидит, каким великим шаманом станет ее ученица. Но каким-то образом, это еще сильнее укрепило ее желание превзойти Ширму. Где-то в глубине души, девушка радовалась вновь выпавшему шансу проявить себя и спасти всех этих несчастных людей.

– Лошадей сняли с труповозок, – отрапортовала Дангана, – быстрее мы не пойдем, но несколько раненных теперь смогут поехать верхом. Люди готовы выдвигаться.

Погибших солдат граждане переложили на четыре огромные телеги. Протестующих быстро убедили. Перспектива спастись пересилила желание подарить павшим достойные похороны. И все же, слезы сдержать не удалось. Овдовевших крестьянок с плачем оттаскивали от телег, безутешные матери и отцы справлялись с собой лучше. На какое-то время, мрачная атмосфера безысходности стала еще более тяжелее и ощутимее. Сотник Дангана, так и не слезшая с коня, про-

гарцевала к Огде.

– Ты уверен, что это удачная затея, командир? – шепнула Дангана ему на ухо. – Они же еще совсем дети.

– Дети, которые уже один раз спасли нас. У нас сейчас нет ни времени, ни вариантов, чтобы отказываться от их самоотверженной идеи.

Дангана посмотрела на шамана и охотника, седлающих лошадей. На лицах обоих читалась решимость, которая так присуща молодым людям, уверенным в своих силах.

– Юношеский максимализм, – хмыкнула сотник. – Они погибнут командир. Но ты прав. Лучше попытаться, чем помереть всем вместе.

– Больше веры, сотник. В отчаянные времена, верить в успех, как-никогда важно.

Антар, наконец, справился с упряжками на седле и закинул на коня приобретенное снаряжение. Скакунов Огда также выделил самых лучших, охотнику он отдал своего черного джебе, Тоша взяла под уздцы ту самую серую кобылку, на которой она уезжала на охоту. Лошадь, несмотря на все пережитое, чувствовала себя прекрасно, что не могло не радовать шамана, успевшую привязаться к ней. Телеги с телами связали друг с другом и впрягли в них булана, который также успешно пережил нападение дэвов. Единственное крупное ездовое животное, которое могло без труда тащить на себе такой груз. Антар, на удивление быстро поладил с

огромным скакуном павшего сирха. Охотник растер между пальцами листья полыни и поднес их к широкому мокрому носу животного, что произвело благоприятный успокаивающий эффект. Затем он скормил ему кусочек тыквы, не переставая гладить по косматой голове и что-то нашептывать на ухо. Такие нехитрые манипуляции действительно помогли успокоить буйного булана и теперь он мирно жевал первые весенние колокольчики, пока его впрягли в телегу.

– Антар. – позвал алебардист. – Если... то есть, когда ты пересечешь восточную часть леса, идите с Тошей на юг вдоль реки. Скоро выйдете к маленькому речному городку Орта. Там вам помогут врачеватели, если потребуется. Но главное, там вы сможете найти старого лесного целителя. Лично я его не знаю, но говорят, что старик настоящий специалист по легендам шонси, в частности по легенде о Ковчеге. Он сможет рассказать вам подробнее о том, с чем мы имеем дело. Раньше, я бы не воспринимал местного знахаря и его сказки, как источник ценной информации. Но времена изменились. Узнайте все, что можете у него о Ковчеге и как остановить это безумие. В городе сможете отдохнуть и запастись провизией, но будь аккуратней. Орта – это клоака, самый отдаленный от столицы регион, где власть кагана не так сильно упрочнена. Летняя ставка постоянно бдит на страже границы с Конгломератом, поэтому у них нет времени блюсти порядок в городе под боком. Этим пользуется не самый законопослушный люд. Там отдыхают и пополняют запасы все

головорезы страны, поэтому будьте начеку и не попадайте в неприятности. Вот все мое золото на расходы. После Орты чего у вас два пути, либо отправиться в летнюю ставку по главному тракту, доберетесь за сутки, либо идите сразу вглубь континента, в столицу. Во всей стране сейчас нет безопаснее места, чем главная ставка кагана. Все, что узнаете у целителя, передайте напрямую кагану или его доверенным людям. Думаю, Тоша сможет найти способ передать информацию нужным людям.

Сотник протянул им свой кожаный кошель, туго набитый золотыми монетами. Антар принял и повторил солдатский жест, ударив себя кулаком в районе сердца. Огда тепло улыбнулся.

– Пряма вылитый солдат! Ну что ж в путь. Вам двоим заранее благодарность, – начал командир.

Охотник прервал его легким поклоном.

– Не будем терять время, командир, – сказал охотник, – мы пошли.

– Верно. Верно. Я никогда не умел прощаться, Антар. Если Имраил будет милостив, мы еще увидимся.

Антар пожал протянутую руку командира в кольчужной перчатке и ловко запрыгнул на своего скакуна. Охотник не стал выдавать долгие драматичные взгляды на прощание и сразу ударил пятками бока лошади.

– Подожди! – крикнула Тоша, неуклюже влезая в седло.

Шаман с руганью все же оседлала кобылу и подъехала к

охотнику. Антар взял под широкие узды жующего булана, который покорно пошел тихим шагом за лошадью охотника. Состав из четырех телег со страшным грузом скрипнул и двинулся вперед. Тоша подъехала на кобыле и пробормотала что-то колкое в адрес нетерпеливого охотника. Старый командир проводил их взглядом, стараясь смириться с мыслью, что отправляет детей на смерть. Дангана почувствовала это и легонько потрепала старика по плечу.

– Нам пора, командир. Все будет хорошо.

– Они справятся, – произнес алебардист, скорее адресуя эти слова самому себе, – вот увидишь.

4.

Хозяин летней ставки Тарон всегда предпочитал быть ближе к народу и своим подчиненным, и лично старался разделять с ними все трудовые обязанности. Вот и сейчас, старший сын Великого кагана, копался в конюшнях, выгребая навоз лопатами вместе с конюхами. Новобранец, недавно назначенный на ставку, ошарашенно смотрел, как высокий и статный дворянин энергично машет лопатой, пачкая подол своего импозантного камзола. Красивый, молодой человек, едва разменявший третий десяток, со светлой кожей, модной укладкой и тщательно выбритыми щеками, ярко отличался на фоне остальных серых работяг. Тарон показывал великолепную физическую форму, быстро справляясь с внушительными завалами лошадиных испражнений. С потного лица аристократа не сходила довольная улыбка. Будь то разду-

тие кузнечных мехов, чистка картофеля или заточка стрел, сын кагана всегда старался внести свою лепту в быт огромной крепости. Это могло показаться сумасбродным поведением кому-то за пределами замка, но люди обожали молодого наследника престола. Простой и искренний, в противовес своему властному и нелюдимому отцу, Тарон пользовался безграничной любовью народа и признанием армии. Поэтому, когда к нему подошел солдат с донесением об одиноком всаднике вдалеке, он с готовностью отбросил лопату и лично отправился к воротам.

– Под чьим флагом едет? – спросил Тарон, вытирая руки.

– Желтая накидка наших гонцов. Донесение из речной заставы, вероятно, – отрапортовал солдат.

– Нехорошо, – протянул наследный принц, – пригласи интенданта ко мне. Пусть проведет ревизию наших запасов и амуниции. Спроси, насколько мы готовы к осаде. Кто из шаманов сейчас в крепости? Пусть начинают готовить почтовый портал.

– Мы ожидаем врагов? Сейчас?

– Сиенна, солдат. Никто не гоняет своих гонцов в священный праздник, просто, чтобы поздороваться. Гонец несет весть о нападении, не иначе.

Солдат нервно сглотнул и коснулся кулаком груди. Тарон

вышел из-под навеса во внутренний двор и уверенно направился к воротам.

– Лучники, кто там сегодня в дозоре. Все на стену! Открыть ворота гонцу! – крикнул Тарон.

Скрипнул рычаг и железные трехслойные ворота начали медленно ползти вверх. Тарон прищурился, смотря вдаль и увидел всадника на коне. Гонец в желтой накидке в шашечку, ехал медленно, легкой трусцой, переходящей в вялый шаг. Увидев это, принц с облегчением вздохнул.

– Да он еле тащится, – пробормотал себе под нос Тарон, – не такое уж и серьезное дело, видать.

Принц осекся. По мере приближения, он увидел, что гонец весь в крови. Тарон сорвался с места и побежал навстречу к лошади, несмотря на протестующие крики солдат.

– Лучники, прикрытие! – крикнул Тарон, выбегая в одиночестве за ворота.

Наследник престола проявил недюжинную выносливость и скорость, быстро покрыв внушительное расстояние между стенами и бредущей лошадью. Он вприпрыжку добежал до гонца и взял под уздцы взмыленную лошадь. Тарон осторожно прикоснулся к руке Бранки и с глубоким сожалением обнаружил, что та мертва. В поблекших глазах капитана гонцов

светилась навсегда застывшая решимость. Страшная рана на бедре была несовместима с жизнью. Несмотря на плотный жгут, который она успела себе наложить, капитан гонцов истекла кровью, но выполнила свой долг до конца. Тарон вытащил из сумки письмо Огды и разлепил склеившиеся от крови страницы. Стража ворот подоспела минутой позже, запыхавшись от бега в своем тяжелом обмундировании.

– Куда ты один ломишься?! Ну сколько же можно, – осуждающе прохрипел капитан стражи.

Принц не ответил. Он судорожно шевелил губами, перечитывая письмо и с каждой строчкой, его лицо становилось все мрачнее.

– Объявляй тревогу, капитан. Повышенная боевая готовность на всех постах, – произнес Тарон после недолго осмысливания прочитанного.

– Что такое? Что случилось?

– Война. Война случилась.

5.

Когда они отъехали на достаточное расстояние, Антар остановился и посмотрел назад. Убедившись, что караван начал движение и они практически скрылись из поля зрения, охотник слез с коня и подошел к повозке.

– Что ты делаешь? Дэвы скоро пройдут здесь, нам надо торопиться, – взволнованно спросила шаман.

– Верно, – согласился охотник. – Поэтому и нужно сделать это.

Антар вытащил кинжал и взял за руку труп солдата. Охотник вздрогнул, увидев, что остекленевшие глаза погибшего смотрят прямо на него прямо из прорезей шлема. Рукой, он прикрыл холодные веки и поднес рукоять кинжала к коже.

– О нет, – произнесла Тоша.

Антар резко провел лезвием, разрезая кожу вдоль руки трупа. Кровь хлынула алым потоком, окропив землю.

– Так надо, – прервал охотник собравшуюся разразиться руганью Тошу. – Тел не хватит на равные участки дороги, если мы хотим привлечь дэвов к восточному лесу. Но след из крови должен помочь.

– Я... понимаю, – с трудом произнесла Тоша, – просто это же люди, Антар. А не приманка.

– Люди вон там, – возразил Антар, показав пальцев на караван. – А погибшим уже все равно.

Понимая ограниченность времени и ресурсов, Тоша не стала спорить. Антар сделал надрезы еще четырем телам. Артериальная кровь полилась, щедро впитываясь в землю позади повозки. Охотник легонько шлепнул булана и вскочил обратно в седло. Экипаж со страшным грузом сменил курс, уводя кровавый след направо от движения каравана людей.

Какое-то время ехали молча. Тоша угрюмо смотрела перед собой, стараясь не слушать журчание крови позади себя. Через пять минут, Антар снова остановил булана и сбросил первое тело с повозки. Труп молодого солдата с хлюпаньем отделился от массы тел и шлепнулся на землю. Тоша тихо скрипнула зубами. Антар с мрачным выражением лица повторил процесс, надрезав еще несколько трупов. Угнетающий процесс вводил в депрессию их обоих. В таком темпе они проехали почти два часа в сторону восточного леса, изредка перебрасываясь дежурными фразами. В момент, когда Антар скинул тридцатое по счету тело, Тоша не выдержала.

– Святой Имраил, ну скажи уже что-нибудь! – прокричала она в сердцах, нарушив гнетущую тишину.

– Что? – удивленно спросил охотник.

– Ну не знаю, что-нибудь, хоть что-нибудь. Например, этот парень был хорошим солдатом. Да примут Трое его в свою семью. Хотя бы это. Пару прощальных слов, прежде чем выбрасывать его, как мешок с дерьмом.

– У нас пятьдесят трупов в телегах, я не думаю, что у нас есть время.

Шаман потеряла виски. Тоша глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

– Знаю, извини. Просто я совсем не так представляла себе первый день своего шаманства.

Антар понимающе покивал. Охотник никогда не был мастером речей и не знал, как подобрать слова утешения.

– Мы многое пережили. Ты устала, тебя можно понять. Извини, что впутал тебя в это. – Пробормотал он.

– Нет, это ты извини, – прервала его девушка. – Прости, что расклеилась. В конце концов, тебе пришлось куда тяжелее. Ты потерял всех близких и вообще.

Тоша потрепала себя по щекам и улыбнулась.

– Давай отойдем от негатива и поговорим на более отвле-
ченные темы. Давно хотела сказать, интересное у тебя тату, –
с интересом подметила Тоша, – не то, чтобы очень искусное,
но что-то в нем есть. Что означает этот кружок?

– Это знак охотников. Метка для будущего тотема. Ко-
гда-нибудь я заключу пакт со зверем и получу свой собствен-
ный.

– Тотем? А что это, какое-то оружие?

– Можно сказать и так, – кивнул Антар, – получив при-
знание зверя, охотник перенимает его навыки и стиль боя,
что существенно усиливает его боевой потенциал. Ну, если
объяснять простыми словами. Это болезненный ритуал, на
самом деле, но зато выгодно отличает обычных охотников от
обладателей тотема.

– Получив признание зверя? В смысле, приручив его, как
ты сделал это с альдебараном?

– О, ну альдебарана я в итоге не приручил. Мне удалось
успокоить его и направить в нужную сторону, остальное он
сделал сам, – скромно ответил Антар, – но да, получение
признания схоже с приручением, только ощущение глубже.

Вы становитесь одним целым, организмом с единым сознанием, повадками и образом мышления. Можешь считать это своего рода магией охотников. Мне сложно это объяснить, так как я знаю о процессе только из рассказов отца. А теперь, когда его нет.

Антар прервался и понуро опустил голову. Тоша закусила губу и легонько подстегнула коня, чтобы подъехать к нему поближе. Она положила руку на плечо охотника и легонько сжала.

– Тяжело, наверное, пережить потерю отца, – сочувствующе сказала Тоша.

– Тяжело. Но сейчас нам нужно сосредоточиться на собственном выживании, – стоически буркнул Антар.

Тоша кивнула и покрепче вцепилась в поводья.

– Ты прав, сейчас не время для грусти. Мы ведь договорились говорить о чем-то более позитивном.

– Ты очень красиво танцуешь, – внезапно сказал Антар, неуклюже попытавшись сменить тему.

Шаман покраснела и расплылась в глупой улыбке.

– О, да-да, спасибо. Правда так считаешь? Не слишком вульгарно? Вообще, я не работала над техникой, но стараюсь сократить количество движений, – смущенно залепетала Тоша.

– Значит, чем меньше движений, тем сильнее магия?

– Нет, скорее наоборот. Чем сильнее шаман, тем короче его Танец. Например, мой учитель, верховный шаман Шир-

ма, колдовала, практически не двигаясь. Так, конечно, могут только верховные, нам, рядовым шаманом приходится танцевать, чтобы магия активней разошлась по конечностям и достигла нужной концентрации. Не знаю, как это работает с другими магами, например ведьмами из Ковенанта Дитраса, но шаманы каганата поглощают магию через поры кожи вместе с воздухом. Поэтому наши мантии максимально дышащие и прилегающие. Важны только сами движения, их сила, чувство баланса и отточенность. А форма остается на выбор самого шамана. Так уж повелось, что девочки стараются вкладывать в танец больше грации и красоты, а парни отдают предпочтение быстрым и резким рывкам. Это приводит к тому, что женщины-шаманы действительно танцуют, в то время, как мужчины коряво рубят воздух ладонями, с одинаковой эффективностью. Но есть и исключения. Танцующий с духами Лагос, например, весьма эффектно двигается и всегда превращает ворожбу в целое шоу. Я видела его показательное выступление во дворце.

– Танцующий с духами?

– Да, это мой кумир, – покрыв щеки еще большим румянцем, пробормотала Тоша. – Великие Духи стихий, Лагос утверждает, что он говорит с ними и я ему верю, хотя многие в этом сомневаются.

– Почему?

– Потому что Духи стихий не говорили с людьми уже почти триста лет. По легенде, они снисходят до разговора толь-

ко с уникальными людьми, шаманами, достигшими огромных высот в своем искусстве. Сейчас сам вопрос их существования изучается учеными и шаманами и Лагос единственный человек, из-за которого это исследование до сих пор воспринимается всерьез. Он могущественный верховный шаман, слово которого имеет большое значение в стране. Я благодарна ему за его активное участие в этом направлении. И искренне верю, что когда-нибудь я лично удостоюсь диалога с Духом Дождя, – мечтательно произнесла Тоша.

– Почему бы тебе просто не поговорить с ними? Как Лагос, – простодушно предложил охотник.

– Опять же, это очень непросто, если вообще возможно. Но, кажется, мне уже это удалось. Не хочу прозвучать нескромно, но иногда, во время особенно истощающего танца, я слышу чей-то шепот. Словно ветер шумит в листве, но как-то осознанно, понимаешь? С определенной тональностью.

– Может это ветер шумит в листве?

Тоша хмуро посмотрела на Антара.

– Или дух. Да, в принципе, почему бы и не дух, – торопливо добавил охотник.

– Да, скорее всего ветер, – тоскливо вздохнула шаман, – если бы духи и заговорили с кем-то, то точно выбрали бы более способного шамана, чем я.

Теперь уже Антар положил ей руку на плечо, но осторожно, помня, как остро шаман реагирует на прикосновения.

Тоша не возражала и чуть-чуть наклонила голову в его сторону.

– Ты сегодня пережила больше, чем любой другой шаман в каганате. Вот на что ты способна, Тоша. Если духи говорят только с достойными шаманами, я уверен, тебя они просто заболтают, – подбодрил ее Антар.

Тоша ответила ему грустной улыбкой.

– Тебе не нужно постоянно подбадривать меня, Антар. Я в порядке. Мысль о том, что мы спасем людей и перехитрим этих тварей меня бодрит.

– Есть идеи, откуда они взялись? – спросил охотник, обрадовавшись возможности вновь сменить тему. – Командир что-то говорил о Ковчеге.

– Да, он говорил, что его вроде как открыли. Никогда бы не поверила, что он существует, но после того, что мы пережили, мне теперь кажется, это правда.

– Что это за Ковчег, о котором все говорят?

– Ты правда не знаешь? Знаменитая же легенда.

Охотник пожал плечами.

– Отец учил держать в голове только нужную информацию.

– Ну, если вкратце, Ковчег – это такая тюрьма, куда человечество в союзе с шонси собрало и заключило всех злобных тварей на земле. И кто-то решил его сейчас вскрыть. Деталей не знаю, может в Орте нам удастся узнать подробней.

– Интересно, – пробормотал Антар. – А что такое шонси?

Танцующая с дождем удивленно посмотрела на охотника.

– Антар, ты не знаешь, кто такие шонси? Где ты жил все это время?

– В изолированном от остального света лесу, – с легкой улыбкой подметил охотник.

– И то верно, извини, – рассмеялась шаман. – Шонси, это такой крылатый народец, живший в нашем мире тысячи лет назад. Как мне помнится, на гравюрах у них были крылья, хотя, возможно, это фантазия автора. Мы были с ними в союзе, а после воевали против них и победили. Точно не могу сказать. С тех пор о них не слышно, возможно, они уже вымерли.

– Интересно, – повторил Антар.

– Тебе правда интересно? – прищурилась Тоша, – или навыки рассказчика у меня такие же слабые, как целительная магия?

– Нет-нет, исчерпывающе. Очень даже, – забормотал охотник.

– Ладно, я шучу, расслабься. Знаешь, просто, чтобы разрядить обстановку.

Антар не понял юмора, но поспешил улыбнуться. Какое-то время проехали молча. Солнце начало клониться к закату. Депрессивный оранжевый свет вяло растекся по степи. Удлинившиеся тени придавали еще более зловещую ноту их путешествию. Появившаяся на горизонте кромка леса

вызывала двойственные ощущения. Высокие мангровые деревья со спутанными корнями, могли показаться надежной защитой, но это также знаменовало то, что скоро им придется войти в опасную часть леса, о которой ходило немало слухов. На землю шлепнулось еще одно тело. Раздавшийся хруст свидетельствовал, что чьи-то ребра не выдержали этого падения.

– Упаси нас, Трекасса, – прошептала Танцующая с дождем, массируя веки. – Мне, кстати, не дает покоя один вопрос, Антар. Расскажешь?

– Конечно. Какой?

– Что тобой движет?

– В смысле?

– Я к тому, что, посмотри на нас. Едем на этом передвижном кладбище на верную смерть. Я не дура, Антар, я знаю, что такое восточный лес. И что живым оттуда еще никто не выбирался. Ладно, я. – Тоша гордо подбоченилась в седле. – Я шаман, это мое призвание. Если я погибну, защищая людей так тому и быть. Но ты. Зачем ты идешь на верную смерть? Ради чего?

– Я не понимаю вопроса, – честно ответил охотник.

– Не пойми меня неправильно, я знаю, ты хороший человек, но ты бы мог сейчас легко развернуть своего коня и уехать в любом направлении. А так, ты погибнешь ради незнакомых тебе людей. У тебя нет родных или близких, ради которых тебе стоит жить?

– Ну, все, кого я когда-либо знал, мертвы, – просто ответил Антар.

– Значит, тебе не хочется теперь жить? Потому что ты один.

– Почему же, я люблю жить, – улыбнулся Антар. – В мире много хорошего. За это нужно бороться.

– И что в нем конкретно для тебя хорошего?

– Еда, – не задумываясь ответил Антар, – Журчание реки, ворчание кузнечиков по утрам. Знаешь, когда солнце еще не встало. Треск костра. Особенно, если на нем шкворчит мясо. Свежий ветер. Его шелест в листьях. А еще люблю, когда свежо. Ветер свежий дует, там, знаешь.

Охотник запнулся. Танцующая с дождем тактично молчала, давая молчаливому охотнику редкую возможность выговориться.

– И ты. – продолжил охотник, – я ведь теперь не один, у меня есть ты. Мы друзья.

Тоша опешила. Лицо молодого охотника излучало тепло и простецкую искренность, к которой она совершенно не привыкла за шестнадцать лет флегматичного лицемерия в аристократичных кругах. Не сразу найдясь с ответом, шаман почувствовала, что снова начинает краснеть.

– Я... э... ну да, конечно. Конечно, мы друзья.

– Не переживай, Тоша. Я все продумал, мы обязательно выживем. Если будем выдерживать темп, скоро доедем до леса. Там придется протащить через портал несколько тел,

чтобы заманить дэвов внутрь. Думаю, доберемся за час.

Охотника прервал дикий протяжный вой, перерастающий в визг. Звук, который и шаман, и охотник хорошо изучили за прошедшие сутки.

– Или гораздо раньше, – процедил охотник, глядя на быстро чернеющий холм позади.

– Дэвы! – воскликнула Тоша.

– Рано! Слишком рано! Еще и в таком количестве.

Приманка сработала, как надо. Дэвы наступали быстро, по заданному телегой направлению. Затухающее солнце последними лучами выхватило не меньше двух тысяч черных точек, сбегających по отдаленному холму, прежде чем обрушить тьму на степь. Натренированные глаза охотника быстро адаптировались к сумеркам и моментально рассчитали расстояние между ними и наступающими монстрами.

– Галопом, – резко бросил Антар, пригибаясь к холке коня. – Иначе не успеем.

– А как же булан? – спросила Тоша, успевшая привязаться к мирно сопящему грузному животному.

Антар выхватил кинжал, подаренный Огдой и перерубил им вожжи, освобождая булана от груза. Того упрашивать не пришлось. Почувствовав свободу и наступающую угрозу позади себя, булан с ревом помчался вперед, вскапывая землю мощными копытами. Скорость он показал невероятную, быстро оставив подростков позади. Антар ударил бока лошади пятками и пустился в галоп. Охотники никогда не счи-

тались хорошими наездниками, но их близость к природе и глубокие познания в повадках диких зверей, позволяли быстро найти подход к любому животному, независимо от цели. Будь то объездка непокорного коня или умерщвление виверна. Тоша справлялась со своей лошадью тоже значительно лучше, чем ночью. Своеобразная связь, возникающая между наездником и его конем в первую поездку, укрепилась и шаман сумела пустить лошадь в галоп, не уступая по скорости Антару. Благодаря этому, они стремительно преодолели почти все плато до стены Черничного леса.

После длительного непрерывного бега на пределе, лошади начали уставать. Далеко позади с треском развалилась повозка с трупами. Последующие ужасающие чавкающие звуки, свидетельствовали о том, что дэвы добрались до своей цели. Однако армию монстров это не остановило. Основной поток не стал задерживаться у телег и направился напрямую к лесу, за Антаром. Их визгливые вопли заполнили ночной воздух и становились все громче. Очень скоро, они нагонят теряющих скорость лошадей.

– Они близко, – выкрикнула на ходу Тоша.

– Готовься сделать портал! – прокричал Антар.

– Я не знаю, получится ли! На Танец нужно время!

– У нас нет времени!

Антар ловко развернулся полукругом на седле и уцепился ногами в стремя, с другой стороны. Охотник снял с плеча

лук и с трудом натянул его, зарядив стрелу. Быстрая езда не позволяла ему точно прицелиться, и он выстрелил практически наугад. Стрела пролетела по дуге, блеснула в свете восходящей луны и вонзилась в грудь одного из дэвов. Монстр вскрикнул и упал, сбив с ног еще четверых своих собратьев.

– Неплохо! – оценила Тоша.

– Портал!

– Сейчас-сейчас!

Их лошади доехали до границы леса, оперевшись носами в толстые стволы деревьев, каждое примерно в шестьдесят метров в охвате. Пространства между мангровыми гигантами едва ли хватило, чтобы через них протиснулись даже дети. Антар с Тошей слезли со скакунов и не договариваясь, одновременно шлепнули их под хвост, заставив их бежать. Лошади нырнули в дыру в стене деревьев, которую недавно пробил своим массивным телом булан. Тоша с грустью отметила, что вероятно, видит лошадок в последний раз. Антар сразу же присел на пятую точку, упершись пяткой в основание лука. Охотник быстро натянул обеими руками и выпустил одну за другой шесть стрел, на максимально возможном натяжении. Снаряды легко пробили костяную броню и плоть наступавших дэвов, выиграв несколько драгоценных секунд.

Времени на полноценный Танец совсем не оставалось, да и магия еще до конца не восстановилась. Но на короткий скачок, этого должно было хватить. Шаман рассчитывала, что до ближайшей ветки будет шесть, ну может семь метров, на

практике же, мангровые деревья восточного леса вымахали аж на одиннадцать метров в высоту. Пришлось импровизировать.

– Имраил, Иебор и Трекасса, – прошептала Тоша, вычерчивая ногой круг на мокрой земле.

– Тоша!

– ... подарите мне танец!

Пространство перед шаманом задрезжалось и разломилось надвое, раскрыв корявый портал. Края дребезжали и были нестабильны. Такой портал мог быть очень опасным. Многие самоучки пренебрегали тщательно выполненным и подготовленным Танцем и на скорую руку пытались воспользоваться подобным кустарным заклинанием. Части их тел потом находили на разных частях континента. Тоша знала это, но выбирать уже не приходилось. Она взяла за шкуру отстреливающегося охотника и нырнула вместе с ним в портал. Как раз в тот момент, когда плотный поток дэвов врезался в стену деревьев. Толстые вековые деревья выдержали удар, но опасно прогнулись.

Второй портал материализовался на том же месте, но выше на двенадцать метров. Из образовавшейся дыры в воздухе кубарем выкатились Тоша и Антар, и удачно приземлились на толстую ветвь. Сухая и покатая поверхность дерева, позволила им обоим быстро зацепиться и встать на ноги. За ними вылетело два дэва, успевшие залезть за ними. Первый малость промахнулся и пролетел вниз, где успешно

сломал себе все четыре лапы при падении и был затоптан насмерть остальными дэвами. Второй приземлился, прочно уцепившись когтями за ветку. Портал просуществовал еще секунду, затем забурлил и выплюнул верхнюю часть туловища еще одного монстра, которому не повезло с нестабильностью заклинания. Все еще живой и хрипящий, он медленно сполз с ветки, волоча за собой свою толстую кишку. Единственный уцелевший дэв с ревом кинулся на не успевшего прийти в себя охотника. Антар вовремя среагировал и перекинул его обеими ногами через себя. Толстая туша пролетела над шаманом, клацая зубами. Тоша вскрикнула и закрыла голову руками. Антар перекатился и подпрыгнул, спасаясь от удара когтистой лапой по ногам. Желтые когти в последний момент скользнули по голени, но стальные щитки приняли весь удар на себя. Охотник в полете натянул одновременно две стрелы и выпустил их, не натягивая до конца. Удар вышел слабым, но эффективным. Дэв упал на колени с пробитыми чашечками, Антар приземлился и закрутился в круговом ударе, как волчок. Блеснул кинжал. Монстр с выпученными глазами схватился за перерезанное горло. Черная кровь толстыми струями окропила серый доспех охотника. Дэв пробулькал что-то и мешком свалился с ветки.

Антар отдышался и оценил ситуацию сверху. Дэвы прибывали к деревьям. Ночная тьма уже полностью обволокла лес, поэтому о точном количестве врага можно было догадываться только по горящим ненавистью зрачкам. Сотни пыла-

ющих точек уже толпились у дерева, тысячи были на подходе. Тоша со злостью выругалась на свою слабость и подошла к охотнику.

– Антар, прости меня, не знаю, что со мной. Я думала, что уже привыкла к этим тварям.

– К такому нельзя привыкнуть.

– Надо бы научиться контролировать эмоции, как ты. Как вы, охотники, в этом упражняетесь?

– Сидим в колодках под дождем и терпим боль от укусов красных муравьев. Сорок восемь часов в неделю достаточно для начала. Потом надо увеличивать. Могу позже рассказать подробнее, – с серьезной миной ответил Антар.

– Нет, – ответила побледневшая Тоша, – спасибо, не стоит.

– Ты права, у нас нет времени. Эти додумались лезть.

Антар показал вниз. Дэвы неистовствовали и ревели. Часть из них уже догадалась вцепиться в ствол дерева и ползти наверх. Скользкая поверхность препятствовала этому, но не так сильно, как покрытые маслом стены.

– Вот сволочи, как они мне уже надоели за эти два дня, – прошипела шаман.

– Ты хорошо прыгаешь по деревьям?

– Никогда не пробовала, а что?

Антар показал вперед. Мангровые деревья были сплетены между собой своими мощными ветвями. Примерно одинаковая высота позволяла создать целую сеть из ветвей, ухо-

дящую далеко вперед.

– Будем идти по деревьям. Дэвы учуяли нас и пойдут следом. Чтобы избавиться от всех, надо заманить их дальше. А лес уже их не отпустит.

Тоша с сомнением посмотрела на пусть и широкие, но кривые ветки. Одна ошибка могла стоить ей жизни. Рисковать и перемещаться рывками по порталам она не решилась бы. Во-первых, это требовало большого количества сил, во-вторых они могли бы промахнуться и через секунду стать закуской для тварей внизу.

– Вперед. Не торопись, выверяй каждый шаг. – сказал Антар и ловко сделал первый прыжок.

Охотник быстро преодолел двадцать метров, легко перепрыгивая по веткам, и кивком подозвал Тошу. Шаман взмолилась Трекассе и начала движение. Прыжки по веткам дали ей на удивление просто. Каждый раз, когда под ней на мгновение оказывалось одиннадцать метров пустоты, сердце екало, но она быстро привыкла и вошла в ритм. Вдвоем они прошли по веткам около сотни метров. Дэвы шли за ними, сильно отставая. Хлюпающее неглубокое болото под ногами и ограниченное пространство, не позволяло им перейти на бег на четвереньках. Они протискивались, двигаясь вперед на двух задних лапах, что делало их еще более похожими на людей. Бросив попытки забраться на высокое дерево, они грубой силой пробивали себе путь вперед, вырывая с корнем небольшие деревца и сгиная толстые корни.

Так они шли почти два часа, заманивая врагов в чащу леса. Нервирующий процесс передвижения по ветвям в какой-то момент стал рутинным, а рычание дэвов внизу монотонным. Тоша даже слегка расслабилась. Шаман вытащила кусочек вяленого мяса и жевала его на ходу, без каких-либо проблем перепрыгивая с ветки на ветку. Вдруг раздался тонкий красивый свист, как если бы распевался маррионский менестрель. Черные тени поползли у корней деревьев и ночную тишину взорвали дикие вопли боли. Кричали дэвы, вступившие с кем-то в схватку. Полная луна, расцветшая в небе, не давала достаточно света, чтобы в полной мере разглядеть происходящее внизу. По поднявшейся возне и крикам, можно было догадаться, что монстры встретили равных себе по силе тварей.

– Мимикры – шепнул Антар побледневшему от страха шаману. – Пошли, теперь осталось только уйти из этого леса живыми.

Тоша согласно покивала. Шум, раздававшийся внизу лишил всякого желания пробыть в этом лесу еще хоть секунду. Воодушевленные успехом, они бодро поскакали по веткам. Как и планировали, они шли осторожно, но старались не терять в скорости. Скоро расстояние между ними и дэвами оказалось достаточным, чтобы шум чудовищной схватки стал едва различимым. Часть пути они преодолели молча. Только скрип ветвей под их весом нарушал целостность тишины.

– Не так уж и страшно, да? – спросил Антар.

Тоша ответила легким кивком. Охотник отметил, что за прошедшее время, шаман стала справляться с акробатическими испытаниями на ветках значительно лучше. Танцующая с дождем умело перебрасывала центр тяжести на руки и управляла телом с умением и грацией, словно занималась этим всю жизнь. Слишком умело.

– А ты молодец, так наловчилась прыгать. А я вот, кажется, ногу подвернул. Давай сделаем привал.

Шаман снова кивнула и подпрыгнула к остановившемуся охотнику. Охотник стоял, опершись руками в колени и тяжело дышал. Тоша протянула к нему руку, как вдруг охотник резко обернулся. Шаман отпрянула и громко закричала от боли. В руке Антара сверкнул окровавленный кинжал. На ветку упала ее отсеченная вместе с рукавом мантия. Алая кровь хлынула из дыры, которая образовалась вместо запястья. Шаман, не прекращая визжать, дикими глазами смотрела на страшную культю, оставшуюся вместо ее изящной ладони.

– Я повторять не буду, – холодно произнес Антар, – где мой шаман?

Покалеченная Тоша зашипела и обнажила ряд острых зубов с металлическим отблеском, скрывающиеся за пухлыми девичьими губами.

– Анта-а-р! – раздался протяжный крик где-то внизу.

Охотник краем глаза увидел, как черная тень в длинном

плаще тащит настоящую Тошу по дереву вниз, к корням. По костлявой руке, выглядывающей из-под плаща, безошибочно угадывался мимикр. Он волок Танцующую с дождем за шкурку, одной рукой цепляясь за ствол, а другой вцепившись острыми когтями в ворот мантии. Если бы не специальный состав, ткань бы неизбежно разорвалась и когти вошли бы в ее кожу.

– Помоги, мне! – задыхаясь от ужаса, крикнула она.

Фальшивый шаман издала свист, несоизмеримо более красивый, чем сам мимикр и кинулась на Антара. Ее уцелевшая рука приобрела исходный вид, обзаведясь острыми когтями. Антар опередил нападающего и сам сделал неожиданный рывок вперед. Звякнула сталь. Длинный кинжал зашел прямо под ребра девушке, вонзившись в сердце. Для верности, охотник крутанул рукоять и вырвал нож из груди чудовища. Мимикр в облике шамана, шатаясь подошел к краю ветки и замертво упал вниз, породив этим зрелищем двойственные чувства в груди Антара.

– Антар!

– Так. Не шевелись! – прокричал ей Антар.

Охотник вскинул лук и безошибочно прицелился в мимикра, тащившего шамана. Монстр заметил это и взвыл.

– Отпусти ее. И иди с миром, – спокойно произнес охотник, выцеливая темноту внутри плаща.

Под широким капюшоном мелькнули зубы монстра, и он зашипел, глядя вверх. Мимикр не ослабил хватку, но и не

двигался с места. Ограниченных возможностей его мозга хватало, чтобы понять, какую опасность нес в себе блестящий в лунном свете наконечник стрелы.

– Ты не оставляешь мне выбора, – сказал Антар, натягивая сильнее стрелу.

– Нет! – вдруг выпалили шаман. – Хватит! Я сама.

– Что? О чем ты?

– Хватит на тебя постоянно надеяться. Я сама справлюсь с ним.

Тоша схватилась за руку мимикра и содрогнулась от отворачивания. Рука была холодной и липкой, как у трупа. Шаман коснулась ногами поверхности дерева и кое как быстро очертила полукруг.

– Имраил, Иеребор и Трекасса, – прошептала она. – Обрушайте мой гнев!

Раздался громкий хлопок и мимикра с шаманом откинуло друг от друга на метр. Концентрированный заряд электричества, собранный в тугий шар, взорвался, сработав, как и было запланировано. Обычно шаман посылала такие в небо, чтобы создать напряжение в воздухе, что приведет к образованию грозовых облаков и последующий дождь, но сейчас, в критический момент, ее осенило изменить назначение заклинания. Силы взрыва было недостаточно, чтобы сильно навредить, но все же удар мимикр ощутил. Он с визгом полетел вниз, разбрасывая кусочки обугленного плаща.

– Да, получи, скотина! – воскликнула шаман в воздухе.

Тоша победно вскинула руки, но тут обнаружила, что зацепиться за абсолютно гладкий ствол дерева, у нее не получится.

– О нет! Анта-а-ар! – Снова выкрикнула она, падая вниз.

Охотник, так и не отпустивший тетиву, хорошо прицелился и выстрелил. Стрела вонзилась в многострадальную мантию шамана, все же нарушив целостность волшебной ткани и пригвоздила ее к стволу. Тоша повисла головой вниз, безбожно ругаясь на все на свете. Антар надежно обмотался походной веревкой вокруг пояса и другой конец спустил к Тоше, благо длины хватило. Шаман схватилась за спасительный конец, и охотник с кряхтением потащил ее вверх. После таких несложных манипуляций, ему, наконец, удалось втащить замученную девушку на поверхность ветки.

– Ты тяжелее, чем кажешься, – с легкой отдышкой сказал Антар.

У Тоши уже не было сил злиться.

– Когда-нибудь, ты научишься думать, прежде чем говорить, – махнула она на него рукой.

Они посидели так несколько минут, восстанавливая дыхание. Шаман с радостью обнаружила, что пузырьки с клубничным зельем пережили эту тряску в целости. Она мигом осушила два и предложила охотнику. Тот не отказался. Так они и сидели, попивая клубничный джем под луной.

– Спасибо, Антар. Еще раз. Я уже сбилась со счета, сколько раз я тебе обязана своей жизнью.

– Я не считаю, – улыбнулся охотник. – Друзья не считают.

– Да, пожалуй, – смутилась Тоша.

Шаман допила бутылек, но выкидывать не стала. Стекло было насыщено магией и превращало любую жидкость в тонизирующий напиток.

– Скажи. А как ты понял, что это не я? – спросила она, задумчиво теребя бутылек в руках.

– По запаху.

– В смысле? От меня пахнет? – насторожилась Тоша.

– Любое живое существо имеет свой запах. У мимикра он отличался.

Шаман поджала губы и осторожно втянула воздух, пытается уловить собственный запах.

– Приятно пахнет, – поправился охотник, поняв свою ошибку. – Очень приятно пахнет.

– Вот как? И чем же?

– Свежескошенной осокой, на которую положили сушиться розы и тимьян.

– Что ж, – поперхнулась шаман, – могло быть и хуже. Вполне сойдет за комплимент. Наверное. Спасибо.

Тоша почувствовала, как возвращаются силы и поднялась на ноги. Как вдруг вспомнила.

– Слушай, Антар. А та тварь не вернется? Я вроде бы не убила ее.

– Нет. Мимикры не хищники, им не интересна твоя плоть. Они, скорее, мусорщики и хранители этой части леса. Ни-

кого не пускают сюда и никого не выпускают, держат все в чистоте. Но лезть к нам снова не будут. Сейчас у них есть о ком позаботиться.

Антар кивнул в сторону нарастающего шума. Рев и вопли усиливались, драка была затеяна нешуточная, даже исполинские деревья начали ходить ходуном.

– Интересно, кто побеждает, – шепотом спросила Тоша.

– Победят мимикры, – уверенно сказал Антар. – Причем с сильным перевесом. В этой части леса их не меньше, чем дэвов в той толпе. И это их территория. Они способны принимать любую форму, любого зверя, самого свирепого хищника, соотносимого с ними по размерам. О дэвах теперь можно не беспокоиться, по крайней мере, с этой стороны. Думаю, все скоро закончится.

– Но мы этого уже не увидим, – твердо сказала шаман. – Пойдем, пора выбираться отсюда. Хватит с меня побоищ и монстров. Я хочу горячей еды и еще более горячей ванны.

6.

До города добрались довольно быстро, благодаря удаче. Выбравшись за границу леса, охотник и шаман с удивлением обнаружили своих лошадей, мирно пасущихся на залитом луной лугу. Булан, судя по всему, был сильно измотан переживаниями за день, поэтому развалился на траве и мирно храпел. Радости Тоши не было предела. Она боялась, что внушительное расстояние до Орты придется протопать пеш-

ком. Доковыляли бы в лучшем случае через сутки. Тоша подбежала и ласково потрепала свою лошадь в холке.

Шаман с удивлением обнаружила на седле следы когтей, поводья были разорваны, но сами лошадки, не считая легкого испуга, были в полном порядке.

– Мимикры вывели их из леса, – пояснил Антар, видя ее замешательство. – они добры к животным и безжалостны к людям.

– Какая несправедливая избирательность – хмыкнула шаман.

Антар подошел к булану и тихо что-то зашептал ему в волосатое ухо. Грузный скакун открыл глаза, но не торопился вставать. Лениво поворчав, он перевернулся на другой бок, распластав пузо по земле.

– Нельзя оставлять его тут. Одичавшим он сам начнет представлять угрозу людям, – пояснил Антар.

– Конечно мы не оставим Пухляшика, – согласилась Тоша.

– Ты назвала булана Пухляшиком?

– Конечно, он же милаха такой.

– Милаха? Булан?

Тоша подошла и нежно погладила гиганта по животу. Булан довольно заурчал.

Антар посмотрел на широкий рог на покато лбу, которым буланы так любят пронзать незадачливых охотников и мотать их из стороны в сторону, пока те кричат и разбрасы-

вают свои внутренности.

– Пожалуй – согласился охотник, решив не рассказывать шаману особенности охоты на буланов.

Антар еще провозился минут десять с Пухляшиком, прежде чем он соизволил встать и они, наконец, отправились в путь.

В Орту прибыли на рассвете. Первые лучи солнца выхватили флюгера на крышах из синей черепицы у входных башен. Орта располагался на берегу реки, там, где Понка расширяла свой рукав, превращаясь в широкое озеро. Берег утопал в вечнозеленом камыше и папоротниках. Городок был небольшим, по размерам уступая даже речной заставе. Орта считался городом лишь, благодаря развитой инфраструктуре торговли и рыбного промысла. Он был своеобразным торговым хабом и перевалочным пунктом, через который постоянно перебрасывались войска и путешествующие торговцы. Поэтому город не испытывал недостатка в борделях, барах и пунктов найма наемников всех мастей и расценок. Постоянный поток новых людей, привлек сюда самых изобретательных предпринимателей со всех уголков страны, которые открывали здесь свои лавочки с красочными вывесками, которыми была утыкана вся главная улица города. "Доспехи из чешуи дракона" – гласила одна надпись, "Тоники из слезных желез иныжа" – кичился другой шатер. Ни то, ни другое высказывание не соответствовало действительности, что не мешало бизнесу процветать. Потертые стальные

наплечники, покрашенные угольной хной, вполне походили на чешую, а загуститель и черный перец, превращал рисовую водку в убойное пойло, которое наивный потребитель мог принять за настоящий тоник. Несмотря на свои скромные размеры, Орта походил на густо населенный базар. Люди со всего материка стекались сюда ежедневно. Как правило, это были наемники, странствующие магики, опальные ученые, дезертиры и прочие отщепенцы. Покосившиеся прилавки граничили с высокими торговыми домами с дорогой отделкой, узкие пыльные улицы были под завязку забиты народом, горланящим и ругающимся друг на друга. Стычки и поножовщины были делом обычным, оставалось только гадать, как здесь легко уживались местные продавцы. Продавалось буквально все: от живых сквернословящих камней, до летающих книг. Поэтому, когда у ворот города появились растрепанного вида шаман, охотник и их ручной булан, они прекрасно вписались в общий антураж. Путники спешили с коней и вошли в город. Денег Орта им не пожалел. В кошельке не оказалось даже серебряников, только три сотни монет из чистого золота, с оттиском лица самого кагана. Каганиты были самой ценной валютой в стране, на такое количество, Антар мог бы скупить половину города вместе с людьми и недвижимостью и еще осталась бы сдача на новых лошадей.

Солнце только начинало согревать воздух, а улицы города уже были полны людей. Создавалось впечатление, что Орта

никогда не спал. Путники оставили своих коней в ближайшей конюшне. Антар не раздумывая сунул конюху блестящий золотой. Худой мальчишка в грязных обносках расширил глаза, не веря своему счастью и быстро спрятал каганит за пазуху. Дюжина глаз жадно сверкнула в сторону молодых людей. Среди толпы мелькнула маленькая фигура в капюшоне. Охотник заметил хитрую улыбку и блеснувшие карие глаза на каштанового цвета коже. В следующий момент фигура исчезла. Ни он, ни шаман, не стал придавать этому значения. Оба были измождены и их мысли занимала только мягкая постель и горячая еда. Лошадям дали свежего сена и чистой воды. Булан в конюшню не поместился и его решили пока взять с собой, к неудовольствию прохожих на улице, которых Пухляшик расталкивал своим грузным телом. Странное трио выдвинулось дальше по замызанной улице, которая никак не собиралась расширяться. Людей становилось все больше, а недовольные выкрики по поводу булана слышались чаще.

– Да, незаметно пройти в город не получилось, – пробормотала Тоша, когда Пухляшик наступил на ногу очередного проходимца, вызвав у того безобразный поток оскорблений.

– Дорогу-дорогу! – прокричал толстый мужчина в запятнанной рубашке, встав позади шамана.

Толстяк, тащивший за собой груженную тюками тележку, смачно сплюнул на землю, чудом не попав на белоснежную мантию Тоши.

– Двигай булками, красавица. Дай мне дорогу! – громко крикнул тачечник, несмотря на то, что шаман была близко и могла бы слышать даже его шепот.

Тоша надменно вскинула голову и прищурилась.

– Ты хоть знаешь, с кем говоришь? Следи за языком, перед тобой шаман – прошипела Тоша.

– Да хоть сам Имраил, пошла с дороги, я сказал. Меня не проймешь своими чарульками, – грубо выкрикнул он и угрожающе двинул тележкой.

Тоша редко прислушивалась к голосу разума и подавляла свои импульсивные порывы, не стала и в этот раз. Шаман сжала свою изящную ладошку в кулак и резко двинула грубияну в нос, разбив его. Тачечник завизжал и схватился за окровавленное лицо.

– На тебя, скотина, магию тратить-то жалко – прохрипела шаман.

– Ах ты грязная сука! – заверещал он, доставая из-за пояса кривой нож.

Антар выхватил собственный кинжал и умело покрутил его в руке, не сводя глаз с грубияна. В его взгляде читалась холодная решимость. Булан поддержал новообретенную хозяйку, и издал утробный рык, угрожающе мотнув огромным рогом. Тачечник побледнел и обронил нож.

– Охрана! Охрана, меня грабят! Убивают! На помощь! – завопил грубиян.

Толстый тачечник быстро ретировался, размахивая рука-

ми в воздухе. Пространство вокруг троицы резко опустело. Подбиравшиеся к тугому кошельку карманники, вдруг передумали, увидев на доспехе Антара засохшие пятна крови и блестящее лезвие в руке.

– Надо было сразу кому-нибудь врезать! Смотри, как просторно стало, – довольно улыбнулась Танцующая с дождем.

Люди до этого злобно брюзжащие на странную парочку, теперь обходили их стороной, молча таращась на парочку. Ничего хорошего в их взгляде не читалось.

– Люди в таких местах понимают только грубость, – оправдывающимся тоном сказала шаман, увидев в глазах Антара легкое осуждение.

– Пойдем, не будем привлекать внимания. Еще больше, – сказал Антар.

Они быстро прошли по главной улочке, свернув между двумя ларьками с резными масками. Булан в тесный проулок не поместился и Антару снова пришлось выложить целый золотой, чтобы его привязали к столбу возле конюшни. Охотника сманил запах готовящейся еды, и он побежал к его источнику, прежде чем шаман успела возразить. Через минуту он уже стоял у дымящейся повозки, под тентом которой томились речные раки в масле. В казане справа весело булькало жаркое, дразня насыщенным мясным ароматом. Антар вручил пять каганитов торговцу. Опешивший от такой щедрости мужчина, наложил охотнику тройную порцию. Антар впервые за долгое время погрузил зубы в горячую пищу и

замурлыкал от удовольствия. Томленные раки были нежными и сочными. Распадающееся на волокна мясо, в паре с кукурузой в сливочном соусе подняло охотнику настроение и наполнило желудок. Антар успел уничтожить трех раков и тарелку жаркого, прежде чем шаман догнала его. Будучи сильно голодным, Антар сам не заметил, как перешел на волчий бег, стремясь к еде, и оставил Тошу далеко позади.

– Антар, не убегай так, – запыхавшись сказала Танцующая с дождем.

– Держи, вот твоя порция, – еле произнес с набитым ртом Антар.

Охотник протянул Тоше дымящуюся миску. Шаман заметила, как торговец мясом судорожно пересчитывает золотые и взяла охотника за руку.

– На минутку тебя, можно.

Шаман отвела Антара подальше от прилавка, но миску с жаркое игнорировать не стала. Девушка сама не ела нормальной пищи последние сутки.

– Антар, ты же сам не хотел привлекать внимания, – осуждающе произнесла она, активно работая челюстью.

– Да.

– Тогда зачем ты занимаешься благотворительностью. Еда вкусная, но красная цена ей пять монет.

– Ну так я и дал ему пять монет.

– Пять медяков, Антар. Медных монет. Этот торговец наверняка золота-то в руках не держал.

– Я не разбираюсь в валюте. Он сказал, пять монет, я дал ему.

– Ты не знаешь ценность каганитов?

Антар отрицательно помотал головой.

– Не знаю. Слушай, а ты будешь доедать?

– Не буду, спасибо, – протянула шаман ему миску.

Охотник жадно набросился на жаркое, словно не съел только что половину прилавка.

– Я к тому, Антар. Что теперь все головорезы города будут знать, что у нас куча золота. А я устала от драчек, хочется немного покоя.

Словно услышав ее слова, в конце проулка лязгнула сталь и послышалось шипение вытаскиваемых из ножен мечей.

– Что ж, о покое на время придется забыть, – пробормотал охотник.

Антар проглотил последнюю картошинку и кивнул в сторону другого конца улицы. Оттуда, с преувеличенно суровыми лицами, шли шестеро солдат в традиционных темно-синих накидках каганата поверх доспехов, во главе с лысым усатым дядькой. Лидер отряда сильно выделялся на фоне широкоплечих солдат. Низенький и толстый, он был в красивом камзоле с богатой драпировкой. Густые и ухоженные усы были единственной растительностью на красном от беспробудного пьянства лице.

– Вот, значит, кто нарушает покой в моем городе, – прорычал лысый, приблизившись к ним. – Вы, шпана малолет-

няя, искалечили бедного торговца и думаете уйти от ответственности?

– Тачечник сам нарвался, – выпалила шаман. – И никто его не калечил, малость нос подправила.

– А, вот и чистосердечное признание. Пакуйте их парни. – довольно потер руки капитан стражи.

– Что значит пакуйте? Он потянулся за ножом, это была самозащита.

– А мне он говорил, что с ножом полезли вы. Свидетели это подтверждают.

– Они клеветают на нас!

Тоша начала задыхаться от возмущения.

– Расскажешь это судье Варому. Пошли. Закон един для всех, даже для шамана. Именем его каганского владычества, вы оба арестованы по подозрению в разбойничьем налете и грабеже честного труженика.

– Именем кагана? Да я дочь этого самого кагана!

– Ага, а я королева Друмага. Шевелись, девочка. Не вынуждай меня надевать на тебя кандалы.

Глаза Тоши опасно вспыхнули, и стражники невольно схватились за мечи крепче.

– Вынуждаешь меня здесь ты, солдат. Была б моя воля, тебя бы уже скормили каганским ирбисам.

Антар дотронулся до рукава шамана и покачал головой. Усатый даже не почесался.

– Если ты действительно дочка нашего дражайшего кага-

на, то, разумеется, предъявишь свою золотую печать, – с сарказмом спросил капитан.

Тоша прикусила язык. Она умудрилась потерять свою печать полгода назад, еще в первом путешествии до речной заставы.

– И разумеется, такая важная особа, всегда ходит в сопровождении небольшой армии, а не в компании сопливого пацана в краденных доспехах, – продолжал разглагольствовать усатый.

– Я потеряла печать, – проямлила Тоша.

– Достаточно. Пошли вперед и без глупостей. Мне вот только детской крови на клинке не хватало до пенсии. Благо на площади сейчас уже был созван суд для другого заключенного, рассмотрят и ваше дело по-быстрому. Снаряжение можете оставить при себе, но, если судья вынесет приговор суровей, чем штраф, тогда я все конфискую, а вас голубчиков, упекут в Балонтам.

– Балонтам, – прошептала Тоша.

– Ну... да. Просто, это единственная тюрьма в этой местности. Мы всех преступников ссылаем туда, – несколько виновато произнес солдат.

Шаман сильно побледнела. Про тюрьму Балонтам знал весь каганат. Великий каган не славился жалостью к преступникам. Слово амнистия было исключено из его словаря, и часто, даже за мелкие кражи, была предусмотрена суровая система наказаний, включая жестокие и показательные

смертельные казни. У такой политики были и определенные плюсы, в частности уровень преступности в стране сильно упал за последние двадцать лет. Страх оказаться в таком месте, как Балонтам, часто остужал самые дерзкие головы и планы. Тюрьма, находящаяся в жерле активного вулкана, сама по себе походила на ад на земле. О нечеловеческих условиях и регулярных пытках над заключенными в тюрьме Балонтам ходили легенды. Вся преступная сеть каганата страшилась облачиться в эти ужасные тюремные робы из грубой мешковины. Поэтому часто, находящиеся вне закона, наемники из Лиги или бандиты Синдиката, предпочитали драться до конца, предпочитая смерть кошмарному заключению.

– Ладно, не переживайте, – смягчился усатый начальник стражи. – Судья Варом мужик суровый, но детишек в Балонтам не отправит. Правда, с золотом, которым вы сорите по всему городу, придется распрощаться. Оно уйдет пострадавшему и суду за услуги.

– Вот! Он спровоцировал нас, чтобы обокрасть нас! – снова вспыхнула Тоша.

– Вполне вероятно. Но человек, которому ты разбила нос, девочка, один из самых влиятельных торговцев в Орте и кузен Варома. Мне правда жаль, но закон будет на его стороне.

– Да что это за закон такой! Почему все решают связи! Я помню правосудие каната совсем не таким!

– Это Орта, шаман. Здесь нет ни кагана, ни его солдат. Судья Варом и есть правосудие. А теперь хватит чесать язы-

ком и пошли на площадь.

Антар все это время молчал, смеряя взглядом стражников. Все шестеро, как и их начальник, явно не были мастерами меча и давно не были в бою. Раздобревшие от пива животы и заржавевшие нагрудники, были тому доказательством. Охотник быстро прикинул, что легко победит, прострелив коленные чашечки четверым из них, прежде чем, те выхватят мечи. Усатый заметил это и пригрозил пальцем охотнику.

– Даже не думай, пацан. Я вижу, чего ты удумал. Ты у нас парень непростой, да? Подумай хорошо, стоит ли мешок золота крови этих честных людей.

– Не стоит, – не раздумывая сказал охотник.

– Вот и славно. А теперь пошли. Закончим с этим и отправимся по своим делам.

Шаман собралась снова спорить, но Антар взял ее за руку и легонько сжал ее ладонь. Тоша взглянула в глаза охотнику. «Не сейчас» – говорили его глаза.

– Что ж, Ваша взяла. Но имейте в виду, первым же делом, скажу отцу, что Орте нужен новый градоправитель и новый состав стражи. – Произнесла шаман, вернув холодный тон своему голосу.

– Как Ваше каганское владычество пожелает, – усмехнулся капитан.

До площади добирались под одобрительное улюлюканье толпы. Люди на центральной улице, увидев парочку смутья-

нов в окружении стражников, радостно вопили, и норовили что-нибудь в них кинуть. В охотника с шаманом полетели пустые бутылки, овощи и скомканная бумага, о предназначении которой Тоша предпочла не догадываться. Антар ловко уворачивался и ловил мусор, не позволяя ему коснуться шамана. Получалось не всегда.

– А ну угомонитесь! Дорогу закону! Тьфу! – Выкрикнул капитан стражи, вытирая остатки гнилого помидора с лица.

Молодой проходимец из толпы потянулся за свежим конским навозом, лежащим на земле. Шаман злобно зашипела и встала в боевую позу, очертив ногой полукруг. На кончиках ее пальцев заплясали искры. Парень резко передумал метать дерьмо и поспешил скрыться в толпе.

– Пацан, успокой свою подругу или одним штрафом вы не отделаетесь! – перекрикивая толпу, произнес усатый капитан.

Антару снова осторожно взял шамана за руку и посмотрел прямо в глаза.

– Не надо, Тоша. Давай решим все миром, – сказал охотник.

Тоша только сейчас отметила нестандартные зеленые глаза охотника. По какой-то причине, услышав его голос, вся ее злость куда-то пропала, словно ее нежно окунули в прохладную горную речку в разгар жаркого летнего дня. Шаман представила, что именно так чувствует себя животное, когда охотник его приручает.

– Не надо тут очаровывать меня своим глубоким тембром, Антар. Я тебе не баран, чтобы приручать меня, – вскипела она и вырвала руку.

– Я вовсе не пытаюсь...

– Все! Быстрее закончим с этим, быстрее окажемся вдали от этого поганого города.

– Я бы сам не сказал лучше, – с облегчением отозвался капитан стражи.

Через пятнадцать минут унижительной прогулки по главной улице, эскорт, наконец, добрался до главной площади. Такое громкое название носил небольшой квадрат почвы, посыпанной песком, десять на десять метров и обставленный по периметру деревянными табуретами. Толпа собралась приличная, не меньше трехсот человек. Мест на всех не хватило и уже сейчас завязывалась нешуточная драка за право сидеть на разваливающихся кусках дерева. Большая часть зрителей была вооружена и не вполне трезва. Шрамы на темных лицах, татуировки и неполные комплекты зубов во рту, выдавали в них наемников и бандитов, которые с радостью убивали время между контрактами, на судах, вроде этого. Остальная часть зевак сильно контрастировала с собравшейся толпой вояк. Женщины, дети, старики, писари, пекари, слесари и расфранченные проститутки, являющиеся костяком населения Орты тоже собрались посмотреть на зрелище. Кто-то из наемников подхватил и посадил на плечи маленькую девчушку, лет пяти, в синем чепчике, чтобы

та могла получше разглядеть предстоящую казнь. Простые граждане города орала и бесновались даже активнее вооруженных бандитов. Дух единства и способность брать от жизни все ярко отличала Орту и ее жильцов от основной консервативной массы жителей страны. Раздался громкий стук. Стучал грузный толстяк, сидевший за высокой тумбой напротив входа в площадь. Странная цилиндрическая шляпа, три подбородка и деревянный молоток в руке выдавали в нем судью.

– Тишина! Тишина на площади! – на удивление тонким голоском произнес судья Варом. – Или мне вас, варваров, в Балонтам отправить?

Свора между зрителями мгновенно прекратилась. Повисла такая тишина, что, казалось было слышно, как стекает пот по щекам судьи.

– Сегодня мы разбираем дело «Демон против добрых граждан города Орта».

– Демон? Ты слышал? – шепнула Тоша Антару.

Охотник напрягся.

– Привести осужденного! – властно произнес судья.

Толпа начала расступаться с западной стороны площади. На залитый солнцем песок вышли четверо стражников, волоча обнаженного по пояс мужчину в тяжелых колодках. Заключенный был огромный, обладал выдающейся мускулатурой и явно был очень тяжелым. Стражники с красными от напряжения лицами, еле тащили его вчетвером. Узник по-

могать им в этом деле не собирался, полностью расслабившись на деревянной перекладине. Толпа ахнула, увидев узника сзади. Мощные раздвоенные копыта, покрытые черной шерстью вместо ног, волочились за ним по песку.

– Койор! – воскликнула Тоша!

– Он жив! – не сдержал эмоций охотник.

Койор был жив. Его тело было покрыто страшными шрамами и укусами, которые, на удивление хорошо зажили, слишком хорошо для такого короткого периода. Обычно гладко выбритое лицо, покрылось щетиной, на щеке красовалась свежая ссадина, но в целом выглядел сирх вполне сносно. Даже его взгляд излучал абсолютное спокойствие и уверенность, нетипичные для людей в его положении. Грузного сирха с трудом дотащили до середины площади и приковали колодки к столбу.

– Я вешу каких-то двести килограммов, а вы парни так вспотели. Это все из-за неправильной диеты, – прокомментировал Койор.

Один из стражников взялся за голову и взвыл от ярости.

– Если этот козел еще раз скажет что-нибудь про мясо, я его прикончу! – громко пообещал он.

– Но дело и правда в мясе. Посмотри на себя, ты же топишь себя в холестерине и пиве. Я уже не говорю про высокий уровень гликогена. Тебе уже есть сорок? Вот до пятидесяти ты точно не дотянешь. – невозмутимо продолжил сирх.

– Убью!

– Никто никого не будет убивать, пока суд не разрешит, – холодно подметил судья.

Стражник яростно сплюнул, но руку с меча убрал. Толпа продолжала бесноваться. В Орте разных диковинных зверей повидали, продали и еще больше съели. Но здоровяк с копытами вместо ног произвел настоящий фурор. Койор посмотрел на судью и громко хмыкнул.

– Я вижу, тут у всех проблемы с весом, – процедил сирх.

Толпа ахнула. Варом сузил и без того узкие, заплывшие жиром глаза и гневно выдохнул.

– Как вы знаете, я здесь ничего не решаю, – дрожащим голосом произнес Варом. – Суд народный и вам распорядиться судьбой демона, которого в честном поединке сразил мой любимый племянник Варгон!

Из толпы, под триумфальные крики, выбежал долговязый парнишка с тонкими усиками и жидкими волосами на голове. В отличие от своего дяди, Варгон был очень худым молодым человеком. Двуручный топор, который он водрузил поверх своего модного плаща, был явно слишком тяжелым для него и выглядел больше владельца, но парень упорно тащил его на себе.

– Сразил? Меня? Да его сейчас ветром унесет. Кто-нибудь, дайте парню хлеба, – язвительно подметил Койор.

Варгон скривил рот и отвесил пощечину Койору. Сирх с улыбкой охотно подставил свои мощные скулы, и племянник судьи вскрикнул, словно ударил рукой по камню.

– Ах ты скотина! – проревел Варгон, хватаясь за свой топор на спине.

– Не позорься, парень, ты едва ли поднимешь свое оружие, – расплылся в улыбке сирх.

Варом постучал молотком по тумбе, привлекая к себе внимание.

– Как я уже сказал, никакого насилия, пока не разрешит суд. А суд, это вы, дорогие жители и гости Орта. Вы можете помиловать его, а можете и казнить. Все в ваших руках.

Толпа снова разразилась одобряющими возгласами. Особо проникшиеся начали хлопать.

– Однако, – прервал галдеж судья, – заключенный обвиняется не только в том, что является демоном, врагом всего человечества, напомню. Самое главное, он только что оскорбил меня. Вашего любимого судью! Разве такое может остаться безнаказанным?

– Нет! – эхом раскатилось в толпе!

– Разве такое можно простить?!

– Нет!

– Каков твой вердикт, Орта?!

– Смерть! – проревела толпа!

– Да будет так! Ваше слово для меня закон! – чинно произнес Варом.

Толстый судья три раза постучал молотком по тумбе, снял с себя цилиндр и начал обмахиваться. Даже в такой прохладный весенний день, Варом чувствовал себя, как в печке.

– Жарко, ваша честь? Это избыточный вес и повышенное кровяное давление, – не смог промолчать Койор.

– Приговор привести в исполнение немедленно. А я пойду, прилягу, – раздраженно пробормотал Варом, вставая с табурета.

– Но дядя! Ты обещал мне, что мы продадим демона! – заканючил племянник.

– Продашь его труп, Варгон. За него тоже наверняка заплатят. Он оскорбил меня. Разве есть в мире преступление страшнее?

Племянник судья разочарованно пробурчал что-то, но спорить с властным толстяком не стал. Варом спустился с табуретки, став значительно ниже, чем могло показаться. Четверо стражников обнажили клинки и встали вокруг Койора.

– Осторожнее с мечами, дамочки. Можете пораниться, – расплылся в улыбке сирх.

– Остановите это безумие! – прокричала из толпы Танцующая с дождем. – вы, ироды, не знаете кого судите? Это же Койор, сотник армии и лучший мечник каганата. Он совсем недавно дрался с настоящими демонами, чтобы защитить вас, сброд неблагодарный!

Койор вскинул голову и заметил шамана.

– Тати! – удивленно воскликнул сирх.

– Что это за девчонка? Что ты там несешь? Какой еще сотник. Это демон! Я нашел, то есть..., сразил этого демона!

Я! – пропищал севшим голосом Варгон.

– Что такое? Что происходит? – спросил Варом, залезая снова на стул.

– Это ребята из второго дела, ваша честь, – виновато произнес капитан стражи.

– А-а-а, это вы покалечили моего бедного кузена. Что ж, ребятки, вам за это грозит большой штраф в пять сотен каганитов. И надо будет еще покрыть лечение моего дражайшего родственника, если вы хотите избежать заключения в Балонтам, смекаете?

– Пять... сотен, – поперхнулась Тоша. – Да что вы себе позволяете?

– Так я и думал, не покрываем такую сумму, да?

Варом поцокал языком, покачивая головой. Судья важно погладил себя по несуществующей бороде, проведя пальцами по всем трем подбородкам.

– Хорошо, так как вы еще так молоды, сделаю вам скидку. Я заберу, то есть, город заберет все ваши деньги, снаряжение и коней. Пойдет, как первый транш, остальное отработаете, поступив ко мне на службу. Не знаю насчет парня, но вот ты, девочка, вполне подойдешь. В «Пышные розы» как раз нужна новая танцовщица. Что скажете?

– Да что ты там несешь, жиртрест! – взорвалась Тоша. – Ты от меня не монету получишь, а молнию!

Варом раскрыл рот в шоке, так и не ударив занесенным молотком по тумбе.

– Жир... жиртрест? Нет, ну это переходит все рамки. Именем закона приговариваю вас к смерти! – взвизгнул судья.

Варом заколошматил по тумбе молоточком с такой силой, что тот треснул.

– К смерти?! Ваша честь, по-моему, это слишком! – выступил усатый капитан.

– Слишком здесь твой тон, капитан Наг, – прищурившись произнес судья. – Они оскорбили меня и заслужили смерти. Или ты считаешь иначе?

– Смерть! – визгливо поддержал Варгон.

– Смерть! – скандировала толпа.

– Смерть! – писклявым голосом поддержала пятилетняя девочка в синем чепчике.

Слившись в едином эмоциональном порыве, окончательно опьяневшие от алкоголя наемники и безобидные мирные граждане Орты, уже не понимали, кто прав, а кто виноват и просто хотели увидеть кровь.

– Я считаю иначе, – настаивал капитан. – Да, произошел конфликт, но заходить так далеко я не собирался. Святого Имраила ради, Варом. Они же еще совсем дети.

– Это преступники, опасные для социума элементы, капитан. То, что они молоды, этого не меняет. Зло нужно душить в зародыше, знаешь ли. А теперь. Приведи. Приговор. В исполнение. Лично. Ты!

Каждое слово, судья Варом сопровождал мощным ударом молотка по тумбе.

– А вы чего ждете, идиоты, – крикнул судья стражникам, – казнить демона!

– Это безумие, – пробормотал капитан Наг, – я не собираюсь в этом участвовать.

– Смерть! – продолжал визжать Варгон, и толпа вторила ему.

Стражники занесли четыре меча для одновременного удара. Койор улыбнулся и напряг мускулы. Люди взорвались возбужденными криками, в ожидании кульминации. Но цели лезвия не достигли. В воздухе просвистели четыре стрелы, пущенные друг за другом с невероятной скоростью. Стражники вскрикнули и попадали на землю с пробитыми ладонями, рядом звякнули их мечи. Стрелы пронзили запястья им, сшив их руки вместе. Антар привстал с одного колена, сжимая в руке черный лук.

– Наконец-то! Давно бы уже так, – довольно выкрикнула Тоша.

Шаман очертила ногой полукруг на земле и сформировала наэлектризованный шар в руках.

– Измена! – заверещал судья. – Казнить изменщиков, казнить! Наг, делай что-нибудь!

Усатый стражник положил руку на рукоять меча и застыл. На его лице читалось сомнение.

– Не зли меня, капитан! Руби девчонку!

Лысый стражник с шикарными усами пожевал нижнюю губу и убрал руку с меча.

– Извини, Варом. Стар я стал для всего этого. Я ухожу.

– Что ты несешь?! Ты уйдешь, когда я так скажу! В Балонтам захотел, старик?

– Что и меня в Балонтам? Да ты совсем помешался на своей тюрьме. Я помню тебя не таким, старый друг. Ты изменился. Орта изменил тебя. Власть изменила тебя. Нам больше не по пути, – с сожалением, произнес усатый капитан.

– Стража! Арестовать Нага! Место капитана только что стало вакантным. Кто первым убьет девчонку и ее лучника, получит это место! – завопил Варом.

Дважды просить было не нужно. Все шестеро стражников, стоявшие возле Тоши, схватились за черенки своих алебард и собрались нанести удар по девушке. Танцующая с дождем зарычала и изо всех сил сжала руками шар, спровоцировав взрыв. Шаман повторила свой ночной трюк, но куда более успешно. Взрыв статического электричества получился сильнее, чем в прошлый раз, на что вероятно повлияла злость, кипящая в девушке. Стражники с воплями разлетелись по сторонам. Двое из них пробили своими телами соседний мясной прилавок и теперь напугано выглядывали оттуда с сосисками, свисающими с их шлемов. Досталось капитану и даже Антару. Капитан Наг отлетел на добрых два метра, больно приземлившись на копчик. Его усы смешно распушились и торчали теперь во все стороны, как две качественно сшитые метлы. Охотник же кубарем прокатился вперед, разбив себе губу и получив глубокую ссади-

ну на лбу. Таким образом, сильнее всех пострадал именно Антар. Стражники же отделались легкими ушибами, однако психологический эффект был ощутимый. Видя, как Тоша заряжает вторую сферу в руках, они побросали свое оружие и разбежались, пытаясь затесаться в ряды беснующейся толпы.

– Изменщики! Изменщики! Казнить! – продолжал верещать Варом.

Толстый судья давно сломал свой молоточек и инстинктивно продолжал стучать по воздуху обломком рукоятки.

– Беспольные куски дерьма! – прошипел Варгон и схватился за свой топор.

Племянник судья крикнул от напряжения и с трудом вытащил свое оружие из-за спины. Шатаясь, он еле занес топор над головой стонущего на земле охотника.

– Умри! – завизжал он.

Койор слегка напрягся и разорвал деревянные колодки голыми руками. Сирх в мгновение ока оказался рядом с Варгоном и легонько перехватил его топор.

– Какая у тебя милая игрушка, – ухмыльнулся Койор. – Вот только не по размеру она тебе. Ты не против?

Койор бережно взял из рук опешившего Варгона его топор, после чего резко врезал ему лбом по носу, отправив племянника судьи в полет.

– Рад видеть, что ты еще жив, пацан, – произнес Койор,

давая Антару руку.

– Взаимно, – прогнусавил охотник.

Антар взялся за нос и быстрым движением вправил его себе обратно. Боль был оглушительная. Охотник пообещал про себя больше не вставать впереди Тоши.

– Что с заставой? Что с людьми?

– Большая часть живы. Атаку отбили, но большими потерями. Командир Огдаризир ведет людей в летнюю ставку.

Губы Койора тронула улыбка, услышав, что старик пережил эту бойню.

– Рад это слышать. Что с дэвами?

– Перебиты. Остатки их армии мы заманили в восточную часть леса. Думаю, о них можно не волноваться, – быстро отчеканил охотник, водя луком по сторонам.

Койор тихонько присвистнул, взглянув на Антара почти что с восхищением.

– Отличные новости, охотник. Как сбежим из этой помойки, расскажешь все подробности.

– Значит, ты все это время мог выбраться? – спросил Антар.

– Ну, казнить бы себя я не позволил.

Охотник с уважением посмотрел на толстые колодки, разорванные, словно они были из бумаги.

– Впечатляет, сирх.

– Дерево в Орте гнилое, как и сердца его жителей. Просто хотел посмотреть, как далеко зайдет этот фарс.

– Ты не сказал им кто ты?

– Говорил много раз. Но здесь, в глуши, меня никто не знает. А людям порой достаточно моего внешнего вида, чтобы обречь на смерть.

– Чудовищно.

– Кто бы говорил, – усмехнулся сирх, – ты вроде сам хотел меня прикончить, едва увидел копыта. «От уха, до уха», кажется.

Антар виновато улыбнулся.

– Расслабляться еще рано, – произнес охотник.

Варом, словно услышав слова Антара, расправил руки и обратился к зрителям суда.

– Люди! Стража не справляется с дебоширами, но мы не позволим злу распространиться по этой земле! Я заплачу по десять каганитов за голову каждого из этих преступников!

Толпа взбудоражено заволновалась. Тут и там начали обнажаться клинки, заблестели на солнце кинжалы и тесаки. Воздух затрепал от вибрации заряжаемых арбалетов.

– Десять каганитов! Вот это по-нашему. Вот это деловой подход, уважаю, Варом, – прохрипел один из зрителей.

Бритый наголо наемник, с вытатуированным леопардом на спине, выхватил поясной кинжал и с боевым кличем побежал на Антара. Его примеру последовали еще с десятков человек. Антар прицелился, но Койор загородил ему прицел.

– Без жертв, – прошептал Койор.

Сирх выждал, пока расстояние между ним и нападаю-

щими сократится, затем оттолкнулся копытами от земли и встретил бритого ударом кулаком под дых. Наемник смачно кашлянул кровью и отлетел на два метра, опрокинув двоих своих товарищей.

– Это ты называешь без жертв? – поинтересовался охотник.

– Он жив..., наверное.

Наемник и правда выжил. Выпучив глаза, бритый закашлялся кровью.

– Бей их, парни! – прохрипел он из последних сил и потерял сознание.

Толпа взбесилась. На этот призыв ответили практически все присутствующие и целая армия из трехсот зевак выдвинулась вперед. В атаку ринулись даже безоружные домохозяйки и немощные старики, настолько велика была их ненависть и жажда наживы. Тоша, заряжавшая все это время второй шар, выпустила его в наступающих и сумела взорвать снаряд в полете. Эффект превзошел все ожидания. Взрывная волна подняла в воздух не меньше десяти человек, двое из которых упали на землю с характерным хрустом. Сломаны были, как минимум две ноги и несколько ребер. Но в этот раз, это никого не остановило. Обезумевшая толпа не подвластна ни страху, ни убеждениям. Понимая это, Койор в два прыжка оказался возле шамана и схватил ее под мышку.

– Крыша! – крикнул сирх.

Койор прыгнул наверх, таща протестующую девушку за

собой. Охотник кивнул и быстрым зигзагом кинулся к фонарному столбу, как раз вовремя, чтобы увернуться от первых арбалетных болтов. У Антара не было мощных копыт вместо ног, поэтому пришлось импровизировать. Он взобрался по стеллажам с книгами на широкий тент, оттуда прыгнул на фонарный столб с догорающим маслом. Возле виска пролетели новые болты. Метательный нож со звоном отскочил от стальной пластины на груди. У охотника мелькнула мысль обязательно поблагодарить Огду за подаренный доспех. Охотник прыгнул со столба на крышу. Рядом приземлился Койор с покрасневшей Тошей.

– Отпусти, – заплетающимся языком попросила шаман.

– Извините, принцесса Татимитрис. Не было времени на церемонии, – смиренно сказал Койор, отпуская ее.

– Койор?

– Да, принцесса.

– Спасибо, что поймал меня тогда в замке, – выпалила Тоша.

– А?

– Десять лет назад. Ты поймал меня, а я так и не сказала спасибо. Все эти годы не говорила, а надо было. Меня это так мучило, честно говоря. Фух, ну вот, теперь я сказала, мне стало легче.

Койор озадаченно посмотрел на шамана.

– Сирх, если ты сейчас мне скажешь, что не помнишь этого, я прям не знаю, – начала заводиться шаман.

– Уверен, у нас будет время все обсудить, Ваше сиятельство, – поклонился сирх. – Как только выберемся отсюда живыми. Местные нас сильно невзлюбили.

В подтверждение его словам, на крышу начали залетать мотыги, вилы и серпы. Видимо кто-то вскрыл амбар с инвентарем для посева и решил использовать его, как снаряды. Антар вовремя отпрыгнул от железного бруска. Тяжелый снаряд упал там, где только что была его голова и разбил черепицу. Ржавая тляпка залетела особенно метко, поцарапав шаману висок. Тоша вскрикнула и упала назад.

– Ах вы скоты паршивые, – взревела она.

Шаман закрутилась вокруг своей оси, вычерчивая на покато́й крыше круг. Тоша развела руки и откинула голову назад, выполняя полноценный танец. Электрический заряд начал скапливаться на кончиках пальцев быстрее, чем раньше, несмотря на общую усталость шамана.

– Имраил, Иебор и Трекасса, – с ненавистью прошипела шаман.

Койор быстро среагировал и схватил Тошу за руки.

– Тати, остановись! – выкрикнул он.

– Отпусти, солдат!

– Прекрати сейчас же! Ты хочешь молнией ударить по мирному населению?

– Мирное население? Да ты посмотри на них, это свора головорезов.

– Выстрелишь молнией. Будут жертвы, Тати. Что случи-

лось с призыванием шамана «защищать людей»?

– А что случилось с «Ваше сиятельство»? – съязвила шаман.

– Думаю, мы сегодня достаточно пережили вместе, чтобы опустить формальности, – подмигнул ей Койор.

Тоша опустила руки и устало вздохнула. Предметы сельского инвентаря продолжали лететь на крышу, но Антар успешно отражал их клинком.

– Может побеседуете потом? – спросил охотник, с трудом отбив сразу две огородные тяпки.

– Верно. Какие видишь пути отступления? – поинтересовался Койор.

– Нас окружили. Придется прорываться с боем. Будет кровь.

Койор закусил губу.

– Не думал, что до этого дойдет. И все же, давай попробуем по-другому. Я спущусь вниз и попробую увести их от крыши. Прикрывай меня, как можешь, но никого не убивай. Бей по ногам. Как только людей станет поменьше, попробуйте уйти вниз и добраться до своих лошадей.

– А как же ты?

– Меня они не догонят.

Койор похлопал себя по мощным ногам. Антар коротко кивнул, одобрив план.

– Когда эта беготня уже кончится, – вяло произнесла ша-

ман, – я так устала за эти дни.

– Видимо не скоро. Готовы? – спросил Койор.

Антар снова ограничился коротким кивком. Снаряды у нападающих кончились. Теперь они подтаскивали пустые ящики из-под шнапса под навесы, чтобы соорудить лестницу к крыше.

– Ну, Имраил помоги нам.

Койор присел, готовясь к прыжку. Отнятый у Варгона топор на засунул за спину на самодельной привязи, твердо решив не применять его против людей внизу. Вдруг за площадью раздался визг девчухи в синем чепчике.

– Демоны! – тоненько надрывалась она. – Демоны-ы-ы!

– Не переживай, милочка. Сейчас мы этого демона кончим, – прошипел бритый с леопардом на спине, чудом снова оказавшийся на ногах.

Стойкий наемник кровожадно улыбнулся и провел языком по кинжалу.

– Демоны-ы-ы! Съели тетю! – не успокаивалась девочка.

– Чего?!

Люди начали поворачивать головы по сторонам. Одна из женщин в толпе увидела того, о котором кричала девочка и сама разразилась диким криком. Теперь уже все на площади посмотрели туда, куда тыкала дрожащим пальцем домохозяйка. Здоровенный крылатый монстр, сидел на четвереньках на черепичной крыше и дожевывал женскую ногу. Тварь была колоссально большой, покрытой бурой густой шерстью,

что делало ее похожей на помесь медведя и гигантской летучей мыши. В ее клыкастой пасти с легкостью поместился бы взрослый человек. Схожесть с летающим грызуном придавали маленькие красные глаза и широкие треугольные уши. Однако, в отличие от своих безобидных слепых родственников, эта тварь, наверняка обладала прекрасным зрением, о чем свидетельствовал ее жадный взгляд, переходящий с одного жителя Орты, на другого. Костяные наросты, увенчавшие кожаные крылья, были длинными и острыми, делая их носителя похожим на крылатого монструозного дикобраза. Судя по куску красного вельвета, торчащего из пасти и сетчатому чулку на обгрызенной ноге, ужасная судьба постигла одну из ночных фей города.

– Святая Трекасса, – прохрипел бритый наемник. – Что это за тварь?

Монстр, сплюнул конечность и издал тихий рык, перерастающий в высокий визг. Люди с криками закрыли уши ладонями. На площадь, как по команде, с крыш повылезало не меньше шести десятков крылатых тварей, размером поменьше. Появились они тихо, спланировав вниз совершенно бесшумно, как и их лидер. В какой-то момент, они резко ускорились и ворвались кровавым вихрем в собравшуюся толпу людей. Оцепенение мигом спало. Воздух разорвали крики ужаса и боли. В небо взмыли окровавленные куски плоти и одежды, еще секунду назад бывшими людьми.

– Нетопыри! – выдохнул Койор, снова проявив свою на-

читанность.

Страшные крылатые кровососы пугали его в детстве со страниц бестиария Ковчега больше всего. Художник иллюстратор не скупился на отвратительные детали, изображая каждое чудовище максимально отталкивающе и страшно. Однако с нетопырем он прогадал. Большие летучие мышки с добрыми глазами со страниц учебника не имели ничего общего с исчадиями ада, которые появились на площади.

Нетопыри внесли настоящий хаос на площади. Смерть еще никогда не принимала такой стремительной и смертоносной формы. Монстры буквально рвали на части всех, жадно вгрызаясь в плоть ошалевших от страха людей. За неполные десять секунд, с жизнью расстались не меньше пятидесяти человек. Их, еще живыми, уносили в небо, цепляясь в несчастных мощными конечностями. Там, на высоте четырех метров, нетопыри впивались в тела жертв с невообразимой жадностью, осушали их и разматывали то, что оставалось на кровавые ошметки. На площадь пролился ужасающий дождь из внутренностей. Песок быстро побагровел. Наемники растеряли боевой настрой, побросали оружие и бросились в рассыпную от страшного врага. Варом взвыл от ужаса и свалился со своего высокого стула. Толстый судья на удивление быстро справился с шоком и поспешил убраться, подальше от резни. Все вопросы о происходящем, пропали, уступив место одной единственной мысли: «выжить». Выход с помоста ему преградил огромный нетопырь, первый

появившийся на площади. Вожак стаи тонко прорычал и раскрыл свою кровавую пасть. На судью словно дыхнула сама Смерть. Вонь разложения заставила его согнуться пополам в диком кашле. Сзади на Варома налетел его племянник. Варгон не переставал верещать в ужасе от происходящего. По его тонким усикам стекала кровь из разбитого носа. Вожак учуял ее и втянул воздух широкими ноздрями-впадинами.

– Дядя! Спаси меня! – плакал Варгон, цепляясь тонкими пальцами в мантию судьи.

– Конечно, племянник. Сейчас все будет, – пробормотал судья.

Варом вытащил из рукава тонкий ножик для вскрытия почты и быстрым ударом вонзил его в живот племяннику. Варгон даже не вскрикнул, молча уставившись на резную рукоятку, торчащую из пупка. Судья стиснул зубы и вытолкнул раненного племянника в сторону огромного чудовища. Вожак стаи наживку оценил и с готовностью поднял одной лапой с земли Варгона.

– Прости меня, – прошептал Варом. – Прости.

Судья продолжал шептать слова сожаления, прошмыгивая под широким крылом. Варгон, словно только сейчас осознав свое положение, начал дико кричать. Его крик не утих даже тогда, когда острые зубы чудовища сомкнулись на его шее. Вожак нетопырей медленно поедал племянника судьи, смакуя каждый кусочек. Бедолага умер не сразу, в агонии наблюдая, как тварь издевательски медленно вытягивает жилы

из его шеи. Люди даже не пытались отбиваться. Их теснили, давили и поедали заживо.

Один из нетопырей пригвоздил к земле крикливую малышку в синем чепчике, чудом не задев когтями ее нежную кожу. Вдруг, за секунду до того, как его клыки коснулись ее щеки, в голову чудища с хрустом вошло лезвие двуручного топора. Койор прокрутил топор и с криком вырвал голову нетопыря вместе с куском позвоночника из тела.

На секунду повисла тишина. Нетопыри прервали трапезу и воззрились на Койора своими красными глазами. Они были существами с сильным стадным инстинктом, поэтому такую неожиданную потерю товарища не оценили.

– Бей их, Орта! – проревел сирх, потрясая головой нетопыря в воздухе.

Черная кровь стекала по лицу и телу Койор, придав ему поистине воинственный и устрашающий вид. Нетопыри на секунду замерли, наблюдая страшную смерть своего сородича. Этой секунды хватило. Паническое наваждение, вызванное внезапной и сокрушительной атакой, вдруг отступило. За какие-то доли секунды, люди вдруг поняли одну важную вещь. Эгих тварей можно убить.

– Бей их, парни! – поддержал криком бритый наемник.

Его зову вновь ответила остальная часть наемников. Утраченный боевой дух хлынул в разрозненных людей, и они схватились за брошенное оружие. Бритый наемник с диким криком прыгнул на спину одного из нетопырей и принялся

полосовать ему ножом морду. С диким хохотом, он выковырял ему глаза, засунул нож в пасть и тщательно провернул его, вырезая монстру всю гортань с языком. Прodelал он все так быстро и умело, что бедный монстр не успел среагировать. Черная кровь, полившаяся по его рукам, на песок, воодушевила остальных наемников, спровоцировав успешную контратаку. В нетопырей полетели заряженные ранее арбалетные болты, метательные ножи и короткие копья. Чудовища явно не ожидали, что их жертвы будут хорошо вооружены. Снаряды успешно попали в цель, пробивая монстрам легкие, сердца и сухожилия. Их широкие кожистые крылья были отличными целями, по которым, матерые наемники, разумеется, не промахнулись. Сильное натяжение и обилие кровеносных сосудов, проходящих по крыльям, сыграли с кровососами злую шутку. Даже один, удачно попавший снаряд, оставлял дыру, размером с кулак, лишая их возможности летать. Наемники с боевым кличем нападали врукопашную на дэвов. Они по-прежнему, терпели большие потери, однако теперь на землю падали и чудовища, быстро сокращаясь в количестве. Антар выпускал стрелу за стрелой, пока ни разу не промахнувшись. Каждый его выстрел нес смерть. На счету охотника было уже не меньше двух дюжин кровожадных тварей. Койор немного отставал, разрубая нетопырей прямо в полете на ровные куски. Огромный сирх с упованием крутил тяжелый топор в руках, эффективно лишая их конечностей и голов. Несмотря на все пренебрежение, кото-

рое он испытывал к почившему Варгону, солдат не мог не оценить качество его великолепного оружия. Тоша скопила достаточно энергии и завершила танец, прерванный сирхом.

– Имраил, Иебор и Трекасса, – звонко пропела она, – обнажите свой нерв!

С ее накаченных энергией пальцев, сорвалась белая молния. Заряд пролетел в сантиметре от уха нетопыря-вожака и угодил в палатку с фейерверками. Петарды взорвались и разлетелись по всем сторонам, внося еще больше красок в общую суматоху. Горящие шутихи сталкивались с нетопырями и людьми, успешно поджигая и тех и других. Тоша схватилась за голову.

– Тати! Какого дьявола, ты творишь?! – выкрикнул Койор.

На щеке сирха красовался свежий ожог от шутихи.

– Извини, – пробормотала шаман.

Однако эффекта от промаха Тоши было больше, чем могло показаться. Нетопыри боялись огня и их шерсть прекрасно горела. Красочные фейерверки продолжали хаотично летать по площади, превращая летунов в вопящие факелы.

– Хотя, пожалуй. Так и было задумано, – довольно прокомментировала шаман.

Антар расстрелял все стрелы и вытащил кинжал. Охотник вжался в крышу и волчьим бегом переместился на площадь. Тоша удивленно выдохнула, когда охотник за секунду исчез, оставив после себя только разбитую черепицу. Материализовавшийся из ниоткуда парнишка, ошаршил нетопыря и

тот не успел среагировать на удар. Антар сделал чистый над-рез под крылом, одним ударом выпустив все его склизкие кишки.

– Бей их! Бей их, Орта! – орал бритый.

Наемники быстро теряли людей, однако их боевой запал только рос. В какой-то момент, битва на площади переросла в бесконтрольную резню на выносливость, в которой никто не беспокоился о своей безопасности и лишь жажда крови застилала глаза всех участников.

Лидер нетопырей пронзил двух наемников своими жуткими наростами и снял зубами сначала одного, потом другого, словно шашлычное мясо с шампуров. Койор двумя быстрыми ударами разделался с парочкой крылатых летунов, безуспешно пытавшихся поднять в воздух тяжеленого сирха. Солдат встретился взглядом с вожаком. Воздух потяжелел и приобрел отчетливый железный вкус. Казалось, не осталось ни единого сантиметра вокруг, не пропитанного кровью. Вожак нетопырей тонко взвизгнул и кинулся в атаку, увидев в сирхе равного по силе оппонента. Койор не стал разочаровывать огромного монстра и встретил того размашистым ударом топора по дуге. Нетопырь неожиданно быстро остановился, замедлив полет задними конечностями и блокировал удар толстыми наростами на крыльях. Койор с сожалением отметил, что повтори нетопырь такой трюк с его верным двуручным ятаганом, то остался бы без лап. Но уникальное оружие было безвозвратно утеряно. Лезвие топора прочно

застряло в костях. Вожак провернул лапы и вырвал топор из рук Койора. Солдат вынужденно отпустил топориче, чтобы не попасть под удар когтями, но в долгу не остался и врезал тяжелым кулаком монстру под ребра, сломав несколько из них. Нетопырь заверещал от боли, но тут же ринулся вперед и вонзил клыки в плечо Койора. Теперь уже сирх вскрикнул от боли. Летун замотал косматой головой, пытаясь вырвать кусок плоти из тела Койора, но каменные мускулы солдата не позволяли этого сделать. Антар пришел на помощь, снова быстро оказавшись возле сцепившихся противников. Охотник изящным ударом ножом, отсоединил Койора от нетопыря, вместе с челюстью последнего. Вожак с визгом отступил, прикрывая крылом искалеченный рот. Его розовый длинный язык, не сдерживаемый челюстью, теперь болтался внизу, у поросшего шерстью пуза. Койор со стоном упал на зад, тщетно пытаясь вытащить отрезанную часть пасти из плеча. Удивительно, но страшная рана, не заставила вожака монстров ретироваться. Напротив, он озверел еще больше и теперь с ненавистью смотрел на охотника, поигрывающего кинжалом в руке. Красные зрачки бегали в глазницах монстра, следя за каждым движением Антара. Парень понимал, что теперь не сможет быстро подбежать и нанести смертельный удар опасному противнику. Нетопырь был ранен, разъярен и сосредоточен только на охотнике. Антар посмотрел на Тошу, стоящую на крыше, и легонько кивнул. Шаман заряжала шар статического электричества, решив больше не эксперименти-

ровать с молниями. По сигналу охотника, она кинула шар и взорвала его, когда он достиг головы летуна. Танцующая с дождем с удовольствием заметила, что с каждым разом, у нее получалось все лучше. Тоша исчерпала все запасы своей магии, поэтому вспышка электричества, ожидаемо, не нанесла совершенно никакого вреда колоссальному монстру. Но сноп яркого, обжигающего света, заставил его зажмуриться и отшатнуться. Этого вполне хватило. В следующий момент, когда нетопырь открыл глаза, он обнаружил идеально ровный разрез у себя на шее, из которого вязким водопадом разливалась темная кровь. Антар стоял позади, вытирая кинжал о штанину. Охотник тяжело дышал, эта битва отняла у него последние силы. Вожак стаи рухнул на колени, а после и мордой в землю, захлебываясь в собственной крови. Смерть огромного нетопыря воодушевила окружающих людей и породила неуверенность в крылатых выродках. Остатки монстров были добиты за неполную минуту. Остался последний израненный нетопырь, попытавшийся сбежать с площади. Его крылья были разорваны арбалетными болтами, поэтому он бултыхал конечностями в грязи, пытаясь добраться до выхода. Бритый наемник, чью татуировку уже не было видно за слоем сворачивающейся крови, встретил его у выхода и с дикими глазами бросился на него. Кинжал свой наемник потерял, поэтому набросился на измотанного монстра с голыми руками. Бритый повалил нетопыря на землю и сам начал рвать ему шею зубами.

– Знай наших, сука. Знай каганатцев! Знай Орту! – приговаривал наемник, вырывая зубами черную плоть чудовища

Под воздействием боевой эйфории, он не почувствовал, как нетопырь разрезал ему когтями спину. Он продолжал рвать его зубами и разбивать кулаками морду, даже когда монстр уже не двигался. Наконец, наемник понял, что вбивает в грязь уже осколки черепа. Он остановился, упал без сил на поверженного врага и застыл.

Бой прекратился. Тишину над площадью нарушали тихие стоны умирающих людей и повизгивание нетопырей. Раненных практически не было. Дрались насмерть. Уцелевшие наемники были более-менее в порядке, щеголяя фингалами, которые в суматохе сами, друг-другу понаставили. Дамы с роскошным веером, которая еще несколько минут назад чинно обмахивалась им, теперь с кровожадной улыбкой вазюкала металлическим стержнем своего опахала в черепе нетопыря. Когда началась суматоха, она ринулась в атаку, вместе с наемниками и остальными гражданами города. Нетопырям не повезло нарваться на равных себе в чувстве сплоченности противников.

Антар без сил опустился на землю. Крыша сарая над его головой треснула и провалилась, обрушив на охотника кучу сгнивших досок и недобитого нетопыря, который с визгом полетел вниз. Антар увидел опасность в последний момент, когда клацающие зубы монстра уже почти коснулись его макушки. Отпрыгнуть Антар не успел. Неожиданно, на

площади появилась тень в капюшоне. Она молниеносно оказалась возле уставшего охотника и оттолкнула его за секунду до столкновения. Антар почувствовал тонкие, но крепкие руки у себя на шее. Мелькнули карие глаза и уже знакомая хамоватая улыбка, которую он увидел накануне в толпе. Охотник почувствовал приятный запах хвои и лесных орехов. Больше разглядеть ему не удалось. Незнакомец, заключивший его в объятия, развернул охотника на 180 градусов, спасая от падающего нетопыря, затем присел на одно колено и выпустил из карманного арбалета болт в барахтающегося на земле монстра. Головка снаряда прочно вошла в череп, оставив торчать зеленый кончик. Нетопырь замер. Незнакомец в капюшоне ретировался также быстро, как появился, не дав Антару опомниться. Охотник заозирался по сторонам, но никого не увидел. Антар скользнул глазами по телам чудовищ и отметил, что как минимум в пяти из них торчат похожие болты, окрашенные зеленой краской. Его неожиданный спаситель незримо участвовал в разразившейся битве.

Койор с трудом вырвал застрявший в вожаке топор. Челюсть чудовища так и осталась торчать в плече солдата, и он благоразумно решил оставить ее на милость врачей. Тоша уже была на земле и заботливо вкачивала из себя остатки целительной магии в изможденных наемников, словно не пыталась испепелить их молнией десять минут назад. Казалось, что никто даже не заметил столкновение Антара с непонятым незнакомцем в капюшоне.

Капитан Наг, чудом уцелевший в этой мясорубке, подошел к охотнику и протянул ему руку. От его роскошных усов остались два обугленных кустика волос, видимо Тошин фейерверк не прошел для него бесследно. Но в глазах лысого капитана горел еще не угасший огонь боевой эйфории, а с клинка капала черная кровь, что говорило о вкладе, который стареющий капитан внес в их победу.

– От всего города Орта, прими мои извинения, юный охотник. И безмерную благодарность, – произнес капитан.

– Антар, – сказал охотник, хватаясь за руку.

– Антар. Спасибо тебе и твоим друзьям. Имраил всемогущий, мне страшно представить, что было бы с нами, если бы этот самодур Варом, все же казнил бы вас.

– Я не думаю, что вам бы это удалось, – осклабился Антар.

– Пожалуй, – рассмеялся Наг. – Скажи, чем мы можем отблагодарить вас?

– А где тут у вас целитель-сказочник, который легенды рассказывает? – тут же оживился Антар. – Нам очень нужна информация.

– Целитель-сказочник? – удивился капитан, – а, ты, наверное, о Гато. Есть тут один старикан в лесу, могу нарисовать карту.

– Отлично, давайте.

– Что, прямо сейчас?

– Да, я думаю, мы отправимся сейчас же, – бойко отгарабанил охотник.

В охотника полетел ком грязи, от которого он едва увернулся.

– Не-е-ет! – взревела Тоша, наклоняясь за новым куском грязи.

– Что такое? – опешил Антар.

– Я никуда не пойду! Хватит с меня крови, монстров и долбанных лесов. Я не ела и не спала последние сорок восемь часов, и я с места не сдвинусь, пока мне не предоставят горячей ванны и нормальной еды!

Тоша сорвалась на крик, опасно сжав кулаки. Несмотря на то, что магии в ней не осталось, даже, чтобы зажечь свечку, ее пальцы ярко заискрились, наэлектризовав роскошные волосы в раскидистый кустарник. Вымазанная в грязи и крови, впечатление шаман создавала действительно жуткое.

– Мы только что спаслись от чудовищ. Лучше не злить еще одно, – шепнул усатому капитану подошедший Койор.

– Что ж, еда, ванна и теплая постель. Уверен, я что-нибудь придумаю, – встревоженно заверил Наг.

7.

Бруно проснулся от сильной тряски. Повозку начало шатать из стороны в сторону, словно они ехали по спине исполинского крокодила. Возница заметил пробуждение своего пассажира и молча протянул ему флягу с шоро.

– Звиняй, друг. Мы подъезжаем к границе, а тут сам оно знаешь как. Камней в грязь набросали и все, мол, дорога. А равнять кто будет? Усадку делать? Сам Имраил спустится с

небес? Сучьи дети, матерей их в гробу драл.

Кучер продолжал грязно ругаться, объезжая особенно глубокие рытвины и колдобины на брусчатой дороге. Запряженная двойка, два исхудалых джебе, еле справлялись с этими кульбитами, добавляя еще больше дискомфорта поездке. Это сказывалось не только на пассажире, но и на грузе. Несколько бутылок вина все же выпали из общего стока и разбились на камнях, под извиняющиеся причитания старика. Но Бруно не жаловался. Его цель была уже не за горами и какое-то подобие радости разожглось в его груди. Бронник откинул походную мантию и с благодарностью принял флягу. Раны от столкновения с Рандой еще болели и неприятно ныли. Но качественная лечебная мазь из алоэ и плотные припарки творили чудеса, кузнец был уверен, что через пару дней он вернет себе полную боеспособность. Прохладный, терпкий напиток быстро взбодрил его, и он принялся с любопытством рассматривать пейзаж.

Граница королевства Маррион отличалась на редкость скудной растительностью. словно весь растительный и животный мир решил перебраться вглубь страны, оставив после себя обездоленные пустоши. Редкие кустарники, да пара-тройка сухих карагачей на выжженной земле, вводили в тоску. Уныния добавляли реющие на ветру флаги Конгломерата на подъезде к границе. Буквально год назад, на приграничной заставе гордо развевались голубые знамена Марриона. Несмотря на деградированную почву, сама застава то-

гда сияла и блестела. Начищенные до блеска доспехи солдат, смех заезжих торговцев и грохот пивных кружек. Искусно инкрустированные фонтаны, изумительная музыка и скромные в ассортименте, но чистые и опрятные торговые прилавки. Проходить границу в подобном месте было одним удовольствием, где уставший путник мог найти кров, покой и горячую пищу. Война все изменила. Теперь границу контролировал Конгломерат и это сильно сказалось на внешнем виде заставы. Бульдожьи морды на красном серпантине теперь висели на каждом здании, закрывая даже окна. Фонтаны иссохли, прилавки были убраны, а количество солдат резко возросло. Застава была маленькой и открывала проход через приграничные леса, которым мало кто пользовался в последнее время из-за повывисившейся агрессии со стороны иныжей. Бараки были рассчитаны максимум на тридцать человек, поэтому целый батальон из сотни солдат чувствовал себя очень стесненно. Опрятные и чистые солдатские домики пришли в упадническое состояние, улицы были заплеваны, забросаны бутылками, остатками еды и самокрутками. Два единственных отхожих места были забиты под завязку, поэтому арыки и прилегающие улочки были заполнены нечистотами. В солдатской доктрине Конгломерата в принципе никогда не уделялось много внимания чистоплотности. Самым сильным изменением в инфраструктуре заставы был сооруженный наспех огромный пшеничный жернов, который катал в ложбине огромный иныж. Трехметровый ве-

ликан толкал рычаг с видимым усилием и явно не по своей воле. На огромных руках висели чугунные кандалы, постоянное нахождение на солнце практически полностью выжгло его кожу, оставив редкие проплешины. Теперь иньж еще больше походил на исхудавшего большого человека. некогда сильное и гордое существо, занималось рабским трудом уже не первый год, судя по глубоким застарелым шрамам на спине. Полноценную одежду шить ему не стали, ограничившись подобием штанов из мешковины. Покрывшийся испариной и источающий вонь раб-великан, не добавлял красок в когда-то прекрасный маррионский пейзаж.

Возница скривился от отвращения и жалости, когда повозка приблизилась к заставе.

– Ты только посмотри, что эти ироды с домами сделали. Переростка этого притащили сюда на цепи. Засрали, зассали все. Тьфу, мразота. Зачем ты, друг, сюда приехал? Не провезем мы добро твое, разберут бутылки псы паршивые – шепнул броннику возница.

Бруно бросил взгляд на бутылки. Пятьдесят бутылок прекрасного молодого вина двухлетней выдержки, на которые он щедро выделил треть монет из кошелья Ранды. Бронник безучастно пожал плечами.

– Шо?! Да ты никак отдать им бутылки хочешь? Брататься с врагом надумал? Бухлишка им привез?

– В бутылках яд, – спокойно соврал Бруно.

– О-о-о, вот оно как оно, – расплылся в беззубой улыбке

возница, – давай, друг. Трави мразь Дитрасовскую. Гони их с наших земель.

– Останови у блокпоста.

Возница послушно остановился у натянутой красной цепи вдоль дороги. К телеге подошли два уставшего вида солдата. Война с Маррионом уже полгода, как закончилась. Несмотря на развитое чувство патриотизма и эйфорию победы, солдаты уже начали уставать от общества друг друга в замкнутых бараках, на краю цивилизации.

– Цель проезда, – грубо бросил один из стражников.

– Передача дани из города Манор. Пятьдесят бутылок вина для наместника Брийома и его отважных солдат, – ответил Бруно.

– Из Манора говоришь? – с подозрением сузил глаза второй наемник. – И передать столь ценный груз отправили тебя, крысу маррионскую?

Бруно вытащил из-за пазухи золотую печать Ранды и показал ее солдату.

– Это печать капитана Ранды. Приказ идет от него.

Солдат выпучил глаза на сверкающее на солнце золото.

– Настоящая, разрази меня Эм. Это действительно печать капитана. Откуда это у тебя, паршивец?

– Капитан сам мне дал печать. Он сказал, что без нее, вы меня убьете и отберете вино. Печать залог моей безопасности, – терпеливо разложил кузнец.

Солдат пожевал ус, молчаливо согласившись с подобным

сценарием. Он и сам уже представлял, как на нем будет смотреться модный плащ кузнеца, который он планировал стащить с его трупа.

– Да ты брешешь! – воскликнул второй солдат.

– Ну не убил же я его! Честное слово, дайте мне просто сделать свою работу!

Бруно вскинул руки и схватился за голову, очень натурально изобразив отчаяние.

– Ладно-ладно, не устраивай истерику, – встрял первый солдат. – Все это похоже на правду. Ранда всегда был слишком мягок к маррионцам. Когда-нибудь это выйдет ему боком.

– Лады, дань принята. Выгружай бутылки прямо здесь и чеши обратно в город, – согласился второй.

Бруно вытащил из-за пазухи свиток, запечатанный все той же печатью.

– У меня также донесение для наместника.

– Ну так давай его сюда и чеши уже.

– Капитан Ранда сказал передать свиток лично в руки наместнику, – спокойно ответил Бруно.

– Ты меня, падла, разозлить сегодня решил?

– Я просто делаю свою работу. Как тебя зовут, солдат? И какое у тебя звание? Я передам капитану, что ты забрал его письмо, тем самым препятствуя исполнению его прямого приказа?

– Ах ты дрянь паршивая, – прошипел солдат, кладя руку

на клинок.

– Погодь! Да погодь ты, – снова встрял первый солдат, явно отличавшийся более высоким интеллектом, чем его товарищ. – Посыльный самого Ранды же, ну. Цепного пса! Хлопнем его здесь, потом проблем не оберемся.

Второй солдат нехотя убрал руку с меча, ограничившись смачным плевком в сторону Бруно.

– Слезай, давай. И следуй за мной, – пробурчал он.

– Благодарю.

– С оружием, разумеется, нельзя. Побрякушку свою оставишь мне. Дочурке подарю.

Солдат сорвал меч Бруно прямо с пояса и принялся оценивающе рассматривать его. Кузнец не стал возражать. Бруно отвесил легкий поклон, наклонившись к уху возницы.

– Разгружай бутылки. И уезжай. Немедленно, – прошептал он.

Возница коротко кивнул и принялся быстро разгружать бутылки. Далеко уезжать он не собирался. Будучи ярым патриотом, он планировал спрятаться неподалеку и наблюдать, как травятся конгломератцы. Бруно слез с повозки и пошел за солдатом в сторону самого высокого барака, сохранившего более-менее человеческий вид.

– У тебя пять минут. Если задержишься, узнаешь, как ужасен я в гневе, мразь, – прошипел солдат и больно втолкнул кузнеца в дверной проем.

Бруно влетел в барак, чудом не упав на спящих солдат.

Смрад давно немытых тел и застарелого перегара заставил бронника пошатнуться. Аккуратно перешагивая через храпящих прямо на полу солдат, Бруно добрался до винтовой лестницы и быстро поднялся в наверх. Кабинет наместника заставы отличался резко контрастировавшим порядком. Широко распахнутые окна создавали приятный свежий ветерок. Обилие книг на протертых от пыли полках, аскетическое убранство и бутылочка красного игристого вина, выдавали в наместнике маррионца. Наместник Брийом явно не ждал гостей, раскладывая партию Гребней и Костей перед скучающим солдатом. Еще один солдат придерживал собой дверной косяк и казалось слегка задремал. Внешне Брийом также сильно отличался от неотесанных конгломератцев в своем подчинении. Щегольски закрученные усы, прилизанные черные волосы и накрахмаленный сюртук с перевязью из красного бархата. На лацкане камзола примостилась золотистая бульдожья морда с тремя шипами, самый весомый знак отличия за заслуги лично перед королем Дитрасом, наделяющий своего носителя большими привилегиями. Наместник вздрогнул, когда кузнец вошел в кабинет и тут же стыдливо увел взгляд в сторону, безошибочно узнав в благородном профиле Бруно соотечественника.

– Гость, стало быть. Меня не предупреждали о гостях, – нервно сказал Брийом.

– Возможно, твои люди уважают тебя меньше, чем ты думаешь, наместник, – с легкой издевкой произнес Бруно.

Наместник фыркнул и резко повернулся в сторону бронника. Брийом солдатским маршем подошел к наглому пришельцу и посмотрел ему прямо в глаза.

– Ага. Очередной маррионец пришел читать мне лекции о моем так называемом предательстве. Ты решил, раз мы земляки, я не прикажу спустить с тебя шкуру за такую наглость? – выпалил он в лицо броннику.

– Спустить шкуру с пацана, начальник? – с готовностью отозвался солдат за столом.

– Это зависит от него самого. Ну? Что скажешь, герой? Готов повторить свои слова?

– Мне не нужно повторять тебе то, что ты говоришь себе сам, стоя по утрам перед зеркалом, – парировал бронник.

Солдат на стуле тихо усмехнулся. Брийом выпучил глаза, надулся, как жаба, но вдруг резко отвернулся и отступил.

– Вот именно эта наглость и привела Маррион к краху. Весь этот наш напыщенный патриотизм и бахвальство, не подкрепленные соразмерной военной мощью. Дилетанты на боле брани должны быть экспертами в дипломатии, парень. Лаять в пустоту – удел дворовых шавок.

Бруно молчал, внимательно изучая свои ботинки.

– Ладно. Говори, чего хотел и иди уже отсюда, – устало отмахнулся Брийом.

– Для тебя письмо, наместник, – протянул ему свиток Бруно.

Наместник взял письмо и сломал печать. Пробежавшись

по строчкам глазами, он вытянул свое лицо в явно удивлении и с сомнением посмотрел на бронника.

– От кого это письмо?

– От капитана Ранды.

– Да, тут так и написано, – протянул наместник. – И что же капитан хочет?

– В письме все описано, наместник.

– Правда? Вот как? Значит, капитану Ранде внезапно понадобился мой иныж. Великана захотел себе в отряд, значит. Чтобы что? Пшеницу в городе молотить?

– Получается так.

Брийом сощурил глаза и медленно опустил руку на рукоять своего меча.

– Допустим, я соглашусь. Как ты будешь эскортировать трехметрового великана? Один? Нас тут сто человек, он в кандалах и на сильных наркотиках. И то, я каждую ночь ложусь с неприятным ощущением, что утром проснусь у него в желудке.

– Я что-нибудь придумаю, – спокойно ответил Бруно.

Брийом слегка приподнял меч из ножен, краем глаза приказав солдату сделать то же самое. Второй солдат позади кузнеца давно проснулся и, почуяв, как накаляется обстановка, схватился за алебарду покрепче.

– Парень, кончай балаган. Откуда у тебя печать Ранды? Капитан у нас парень талантливый, но тупой как пробка. Он читает с трудом, не говоря уже о письменной грамотности.

Бруно не ответил, он взглядом оценивал расстояние между ним, наместником и окном. Наместник, будучи опытным военным, понял это.

– Не выйдет. Стража, взять его! – рявкнул Брийом.

– Что ж, попытаться стоило, – вздохнул Бруно.

Солдат встал со стула и выхватил меч. Бронник быстро снял заколку с плаща и бляху с поясного ремня, разложившиеся в его ладонях в два легких метательных ножа. Отточенными движениями, Бруно метнул один нож вперед, затем сделал полный оборот и кинул нож в стоящего у двери стражника. Произошло все практически моментально и оба солдата с пробитыми горлами осели на землю. Брийом ошалело уставился на хрипящих в луже крови подчиненных, но панике не поддался и выхватил собственную рапиру из ножен. В бою наместник не был давно, занимаясь в основном административными делами. Тем не менее, его рефлексы затупились не так сильно, как изначально предполагал кузнец. Брийом сделал на удивление быстрый и мощный выпад вперед, задев плечо молодого кузнеца. Бруно охнул, но не отступил, отбив лезвие ладонью. Наместник попытался зацепить его размашистым ударом, но бронник уже сократил расстояние между ними и нанес быстрый удар большим пальцем в кадык противника. Брийом задохнулся и выронил рапиру. Бруно закрепил успех тремя точечными ударами кулаками под ребра и завершил бой ударом колена в челюсть, отправив наместника в полет на ближайшую кипу книг. Поднялся

грохот. Кузнец с опаской посмотрел на распахнутые окна и прислушался. Как он и ожидал, подкрепления не было.

– Какого дьявола, – прохрипел Брийом, лежа с разбитым носом на полу, – где эти идиоты.

– Никто не придет, наместник, – отдышавшись сказал бронник, – твои солдаты слишком заняты разделом вина, которое я привез.

Брийом глухо рассмеялся, несмотря на сломанные ребра.

– Хитрый шельмец. Знаешь, чем брать. Скажи, ты отравил это вино?

– Нет. Ведь меня могли попросить его попробовать.

– Хорошо, – облегченно сказал наместник. – Очень хорошо. Среди этих солдат есть хорошие люди, маррионец. Большинство семейные. Совсем необязательно их убивать, чтобы кому-то что-то доказать.

– Я не собираюсь ничего никому доказывать.

– Правильно, это правильно. Пустое насилие ни к чему не приведет, хорошо, что повстанцы начинают это понимать, – забормотал Брийом.

Бруно выдохнул и подобрал рапиру наместника. Брийом уставился на заостренный конец собственного оружия, поднесенного к носу.

– И что теперь, парень? Убьешь меня?

– Зависит от тебя.

– Вот оно как. Ты разве не знаешь, кто я? Я думал, каждый маррионец сейчас мечтает прирезать меня.

– Генерал третьего эшелона Брийом Данруа. Проигнорировал самоубийственный приказ своего короля и сдал замок без боя, заключив своего рода перемирие между Маррионом и Конгломератом. Кто-то скажет, что ты жалкий трус и предатель, но другие видят в тебе героя, который спас тысячи людей от резни и участия в заведомо проигрышной войне.

– Вот оно как, – усмехнулся наместник, – рад слышать, что есть и другая точка зрения. А ты, парень? Кем считают меня повстанцы?

– Я не повстанец. И для меня ты просто препятствие на пути к цели.

– Ты не повстанец? Не понимаю. Зачем ты здесь, если не за моей головой.

Бруно наклонился к наместнику, прижав лезвие клинка к груди Брийома.

– Я здесь за великаном. И ты отдашь его мне.

Брийом удивленно посмотрел на кузнеца.

– Имраила ради, зачем тебе дался этот иныж, – спросил он.

– Это уже мое дело. Вы накачали его сильными седативными веществами, чтобы он был слабый и послушный. Где антидот и сам наркотик? Я знаю, ты хранишь и то и другое где-то здесь, чтобы давать ему возможность передвигаться на новое место.

Наместник округлил глаза от страха и тяжело задышал.

– Ты понимаешь, о чем просишь, идиот?! Ты хочешь раз-

будить взрослого иныжа здесь, в населенном лагере? Сколько людей при этом погибнут? Послушай меня, друг, выходы есть. Необязательно все сводить к насилию, чтобы проявить свой патриотизм.

Бруно размахнулся и вонзил рапиру наместнику в правое плечо, одновременно уперевшись пяткой сапога ему в горло, чтобы он не смог закричать. Наместник сдавленно прохрипел и забился в конвульсиях, не в состоянии выдать громкого звука.

– Вот в этом вся проблема, – прошипел кузнец, елозя каблуком на шее наместника, – вы все, с чего-то взяли, что мне есть дело до ваших паршивых душонок. Слишком много значения придаете собственным шкурам. Я тебя спрашиваю, тварь, где антидот для великана. Ни больше, ни меньше. Плевать я хотел и на тебя, и на твою трусливую философию, вопрос только во времени. Ты мне скажешь, где флакон или я убью тебя и найду его сам!

Брийом слабо залупил ладонями по сапогу бронника, не в силах сделать вдох и глазами показал на неприметный шкафчик в углу кабинета. Бруно убрал сапог с горла наместника и схватился за виски. Приступы агрессии случались с ним все чаще и совершенно не поддавались контролю. Бруно сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться и подошел к шкафчику. Там, за хлипкой дверцей, был спрятан двухлитровый флакон с антидотом в деревянном кожухе. Рядом, в бутылечке поменьше стоял сам наркотик, как было понят-

но из его тягучей консистенции. Кузнец поболтал бутылем, убедившись, что жидкости осталось не меньше половины. К Брийому вернулась возможность дышать и тот жадно начал хватать воздух. Способность кричать к нему возвратилась бы еще не скоро, на что и рассчитывал бронник. Бруно подобрал меч одного из стражников с пола и покрутил его в руке, привыкая к весу. Грубый полторник из дешевой стали едва ли мог сойти за достойное оружие, но для текущей цели вполне подходил. Кузнец подошел к двери и последний раз обернулся, прежде чем выйти.

– Отвечая на твой вопрос, наместник, – пробормотал он, – что я думаю о тебе. Я видел плоды мира, который ты заключил с Конгломератом. Тот кошмар, которые его люди творят на нашей земле, прикрываясь пактом о союзе. Ты знаешь об этом. Знаешь и будешь закрывать на это глаза. Пока ты наместник. Пока твоя дочь посещает фешенебельный университет магии и метит на почетное место в Ковенанте. Ты думаешь, что ты закончил войну. Думаешь, что не предал короля и свои убеждения ради этого убогого куска земли и ничего не значащего титула. Ты думаешь, что спас людей от смерти и сумел договориться с Дитрасом. Вот только с бешеным псом нельзя договориться. И многие маррионцы предпочтут смерть ежедневным унижениям.

Бруно тяжело вздохнул.

– Однако. Я не знаю, как бы поступил на твоём месте. Я не отец и уже им не стану. И я никогда не был ответственен

за жизни людей и не знаю, смог бы отправить их на бессмысленную смерть. Ты или продажный трус или сердобольный мудрый стратег. Поэтому я уверен, что выражу мнение, хотя бы нескольких маррионцев. Я не знаю, как нужно к тебе относиться, Брийом Данруа. И пусть эта неуверенность станет тебе утешением. А теперь, если хочешь жить, беги. От иныжа ты такого же великодушия не увидишь.

Бруно вышел в проем, оставив временно онемевшего наместника молчаливо буравить взглядом пустоту.

8.

Выйдя из барачков, Бруно сразу направился к огромному жернову. Солдаты, те, кто не спал, как ожидалось, столпились у повозки и лакали бутылки с вином. Возница решил никуда не уезжать и с кровожадной улыбкой смотрел на конгломератцев, в ожидании, когда те начнут травиться и падать замертво. Но те лишь сильнее хмелели. Кузнец тихо прошмыгнул в перемальывающий круг и смело приблизился к великану. Вблизи иныж казался еще более необъятным. Кузнец, сам будучи, довольно высоким, едва доставал макушкой ему до локтя. Вонь от пота и испражнений, стекающих по ногам великана стояла невообразимая и бронник усилием воли заставил себя остаться. Непосредственная близость, была необходимым элементом предстоящего ритуала. Иныж спокойно завершал круг, толкая рычаг жернова перед собой, на Бруно он, казалось, не обращал совершенно никакого внимания.

– Остановись, иныж, – приказным тоном произнес кузнец.

Великан послушно остановился и уставился на Бруно. Бронник отметил про себя, что у великана большие карие глаза, с невинным, почти как у ребенка взглядом. Смотрелись они нелепо на сожженной солнцем звериной морде с хищным оскалом из тупых, но очень крепких зубов.

– Тоб-н-Тож сделал что-то не так? – спросил великан на удивление звонким и приятным голосом.

– Тоб-н-Тож, значит. Я Бруно, рад знакомству. Слушай меня, я тебя сейчас освобожу. Согласно Кодексу, ты будешь мне должен, и я попрошу тебя об услуге. Ты ведь знаешь свой Кодекс, иныж? – неуверенно спросил Бруно.

Великан сморщил лоб, пытаясь уследить за беглым человеческим наречием незнакомца. Сердце бронника замедлилось. Он поставил все на этот момент, и вся целостность его плана зависела от ответа великана.

– Кодекс? Тоб-н-Тож знает свой Кодекс. Тоб-н-Тож чтит Кодекс, – гордо ответил великан.

– Отлично. Прекрасно. Тогда я сейчас освобожу тебя, – с облегчением, произнес кузнец.

– Бру-у-но. Освободит меня, – промычал иныж.

– Верно. Я вытащу тебя из рабства. Для этого тебе нужно будет кое-что выпить. Я тебе дам один бутылек сейчас.

Иныж переварил услышанное и вдруг его словно осенило.

– Но-о. Тоб-н-Тож свободен. Тоб-н-Тож не будет пить.

– Что?!

– Тоб-н-Тож не раб.

– Как это не раб? Ты в цепях и в собственном дерьме крутишь сутками этот жернов. Они заставляют тебя толкать его, просто, чтобы ты куда-то свои силы тратил. Посмотри, в ложбинах даже зерна нет

– Это-о. Называется работа. Мне дают за нее еду, – вяло проямлил великан.

– Ты не понимаешь.

– Тоб-н-Тожу надо работать.

Великан схватился за перекладину и со скрипом покати жернов вперед.

– Что ж, значит запасной план, – пробормотал Бруно. – Надеюсь, ты меня не пришьешь и исполнишь свой долг, как велит тебе Кодекс.

Кузнец выхватил полуторник из ножен и быстро нырнул под мышку великану. Кузнец размахнулся и что было силы влупил мечом по ребру иныжа. Великан взвыл и отпустил рычаг. Тупой старый меч, не сумел пробить толстую шкуру великана, но приличный синяк оставил.

– За что ты так с Тоб-н-Тожем? – заканючил великан. – Тоб-н-Тож делает что-то не так?

Бруно снова сделал выпад и всем весом надавил острием на руку гиганта. Иныж снова жалобно закричал и попятился назад. В этот раз у бронника получилось сделать небольшой надрез, о чем свидетельствовала тонкая струйка крови, потекшая по руке великана. Бруно отбросил меч и хищно на-

бросился на иныжа, вытаскивая флакон из кармана.

– Больно-о-о! Не трогай Тоб-н-Тожа, – заверещал великан.

– Да стой ты на месте, Имраила ради, – взволнованно произнес запыхавшийся бронник.

Бруно засунул горлышко флакона в образовавшийся надрез и выдавил все содержимое в рану. Красная жидкость смешалась с кровью и быстро разошлась по организму сопротивляющегося иныжа. Брийом обычно ограничивался парой капель, чтобы иныж мог передвигаться между перевалочными пунктами и тащить груз, Бруно же щедро влил в обмякшего гиганта почти пол-литра антидота. Такая доза должна была вывести все токсины из тела иныжа без остатка.

– Ну чего ты там разорался? – донесся грубый голос из-за камня.

Бруно скользнул за деревянный остов, спрятавшись от ненужных взоров. К жернову вышел один из стражников, остановивших повозку. Меч кузнеца все еще болтался у него на поясе. В руках стражник тащил длинную страшную плеть с двадцатью маленькими лезвиями на кончиках.

– Тебя давно плетью не охаживали, Тож? Визжишь, как свинья на забое, всех парней разбудил.

Иныж не отвечал. Он сник головой и не подавал признаков жизни. Только легкая тряска тела и вздувшиеся на виске вены говорили о том, что он в сознании.

– Ты меня игнорировать вздумал, тюфяк бесполезный?

Быстро вернулся к работе! – заорал стражник и взмахнул плетью.

До великана лезвия не долетели. Иныж с неожиданной для себя резвостью соскочил с земли и схватил стражника за подбородок, поднимая в воздух. Стражник завопил от шока и ужаса, чувствуя, как разъединяются его позвонки.

– Тоб-н-Тож не тюфяк. Тоб-н-Тож не раб, – произнес иныж сильно изменившимся голосом.

Великан сжал кулак, размозжив голову стражника, как подгнившую вишню. Мозги и кусочки костей разлетелись по всему периметру молотильни. Иныж жадно вдохнул запах крови, хлынувшей ему на лицо, и расплылся в счастливой улыбке.

–Тоб-н-Тож жив! – завопил великан.

Иныж схватил обеими руками жернов и напряг свои исполинские мускулы. Трехтонный каменный круг оторвался с земли под треск разрываемой древесины. Бруно охнул от удивленного восхищения. Физические возможности иныжей превосходили все его самые смелые ожидания. Великан крикнул от натуги и метнул ненавистный жернов в воздух. Тяжеленный снаряд улетел в небо и приземлился на крышу одного из барачков, сравнив его с землей. По поднявшимся истошным воплям можно было догадаться, что там еще спали солдаты. Кузнец тихо присвистнул и поспешил убраться подальше. Бруно тихо прошел сзади беснующегося иныжа, снял с трупа солдата свой меч и ретировался. Сейчас он не

мог быть уверенным, что здоровяк узнает его и выполнит свои условия, прописанные в Кодексе иныжей.

– К оружию! К оружию! Великан обезумел! – заорал кто-то из солдат.

– Обезумел?! Тоб-н-Тож проснулся! – пробасил иныж.

Великан вырвал из земли деревянную сваю, соорудив себе подобие дубинки и с рычанием ринулся на шокированных солдат. Конгломератцы не успели прийти в себя. Заспанные, с бутылками в руках, многие восприняли несущегося на них исполина за часть сюрреалистичного сна.

– Тоб-н-Тож! Свободен! – проревел великан и ворвался в разрозненную толпу солдат.

Дубина со свистом рассекла воздух, неся с собой смерть. Шестеро солдат превратились в кровавые ошметки за первый же удар. Иныж обладал поистине устрашающей силой. Великан размахивал куском дерева, отнимая жизнь и калеча солдат, не успевших даже вынуть свои мечи. Один новобранец безуспешно тыкал тупым лезвием ягодицу великана, тот его даже не заметил, случайно снеся голову парнишке. На пятый удар окровавленная свая разломалась пополам и гигант принялся рвать солдат голыми руками. На то, чтобы разорвать взрослого мужчину в железном доспехе пополам, иныж затрачивал не больше усилий, чем ребенок на срыв спелого яблока с дерева. Кровь и внутренности лились по стенам барачков, пока великан эффективно и быстро изничтожал всю сотню. Солдаты, наконец, оправились от

шока и сумели контратаковать. В великана полетели арбалетные болты и копья. Без видимого эффекта. В дополнение к толстой коже, иныж был крайне подвижной и трудной для выцеливания мишенью. Он грациозно уворачивался от всех снарядов и метал во врагов свои собственные, в виде огромных валунов и целых кусков из обшивки барачков. Люди быстро давились и плющились, представляя угрозы для иныжа не больше, чем москиты. Брийома на горизонте видно не было. Бруно решил, что тот либо погиб под завалами, либо успел убежать. В любом случае, не было никого, кто сумел бы организовать оборону против разбушевавшегося великана. Поэтому уже слегка опьяневшие солдаты предпочли бегство, чем успешно и занялись, бросив раненных на земле.

– Ага! Бегите! Бегите! Бойтесь Тоб-н-Тожа! – радостно орал иныж, потрясая кровавыми кулаками над собой.

Догонять людей великан не стал, хотя ему это особого труда не составило бы. Он стоял на месте, наслаждаясь криками убегающих и стонами поверженных врагов.

– Тоб-н-Тожд. Сильный, – довольно произнес великан, хлопав себя по груди.

Раздался звук натягиваемой тетивы, и великан повернул голову. Он увидел, как один из стражников судорожно накручивал рукоятку баллисты, сорванной камнем с одной из крыш. Метровая зазубренная стрела была направлена прямо ему в спину. Увернуться бы иныж никак не успел.

– Сдохни, мразь! – прокричал стражник, но на рычаг не

нажал.

Тонкий клинок вышел из его правого глаза и солдат обмяк на баллисте, не завершив выстрел. Бруно вытащил свое оружие из головы трупа и сам встал за баллисту.

– Бруно, – протянул с ухмылкой иныж.

– Рад, что ты помнишь меня, – сказал кузнец.

– Тоб-н-Тож помнит.

– Значит, ты также помнишь, что я освободил тебя. И ты теперь мне должен, – спокойным тоном произнес Бруно.

– Тоб-н-Тож никому ничего не должен, – прорычал великан и угрожающе хрустнул шеей. – Тоб-н-Тож дарит тебе жизнь. Беги.

– Нет-нет, так не пойдет. Тоб-н-Тож подарит мне свою жизнь. Я знаю Кодекс, здоровяк, – ответил кузнец.

Иныж зарычал и развернулся к Бруно. Бронник поставил пятку на рычаг баллисты, нацеленной на великана. Гигант хмыкнул и растянул полные губы в улыбке.

– Беги, малек. Пока Тоб-н-Тож разрешает. Или пеняй на себя, – пригрозил иныж.

– Ты. Пойдешь. Со мной, – настойчиво ответил Бруно.

Великан перестал улыбаться и резко бросился в атаку. Бронник успел в очередной раз удивиться невероятной скорости, которую развивал великан за такой короткий срок. Иныж буквально летел на Бруно, выставив свой огромный кулак вперед. У Бруно было время выстрелить. Он мог просто нажать на рычаг и стрела, переделанная из тяжелого ки-

тобойного гарпуна, прошла бы насквозь даже толстокожего великана. Но он не стал. Без иныжа весь его план пошел бы крахом, а вместе с ним и причины жить дальше. Кузнец должен был довести до конца начатое любой ценой. Бруно стоял недвижно, в ожидании неминуемой гибели. Казалось, само время замедлило свой ход, в отличие от сердца, которое, несмотря на внешнюю оболочку спокойствия, билось в учащенном темпе. Кулак, размером с упитанного вепря, остановился в сантиметре от лица Бруно. Волосы кузнеца всколыхнул ветер, насыщенный запахом крови, стекающей с толстых пальцев великана. Тонкая струйка пота стекла по щеке Бруно, однако его взгляд оставался спокойным и холодным.

– Ты. Пойдешь. Со мной, – повторил кузнец.

Иныж опустил кулак и молча уставился на Бруно оценивающим взглядом. Затем, после некоторых раздумий, он рассмеялся.

– У Бруно есть яйца. Тоб-н-Тож пойдет с Бруно, – смеялся иныж.

– Отлично. Признай меня своим патроном иныж. Признай, как положено, – властно приказал бронник.

На лице иныжа промелькнуло недовольство, сменившаяся покорностью. Великан встал на одно колено, поравнявшись глазами с кузнецом. Бруно скрыл свое удивление. Он не до конца верил, что Кодекс иныжей действительно имел такой вес в мировоззрении великанов, пока не увидел принятие во взгляде Тоб-н-Тожа.

– Тоб-н-Тож признает Бруно своим патроном. Как гласит Кодекс. Тоб-н-Тож последует за Бруно, до самой его смерти, если тот пожелает, – смиренно пробубнил великан, тщательно выговаривая слова.

Великан встал и одобряюще хлопнул кузнеца по плечу. На бронника словно рухнула скала, но он решил не охать от боли, чтобы не рушить заработанную таким трудом репутацию. Бруно отвернулся, чтобы унять разбушевавшееся сердцебиение и немного выдохнуть. За свою недолгую жизнь, он успел увидеть много страшных вещей, но несущийся в атаке иныж, был по праву одной из самых устрашающих. Он не был уверен на сто процентов, что великан станет чтить древние традиции своего клана, но теперь, его план не был обречен на провал.

– Тоб-н-Тож пойдет с Бруно! – торжествующе повторил великан.

– Отлично, я рад это слышать, – сказал кузнец, жестом прервав очередной дружеской хлопок по плечу.

– Бруно теперь брат. Куда хочет идти Бруно?

– Домой, Тож. Мы идем к тебе домой.